

Утвержден Президиумом Верховного Суда
Российской Федерации 25 ноября 2015 года

ОБЗОР СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

№ 3 (2015)

ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

По гражданским делам

1. Решение суда признается законным и обоснованным тогда, когда оно принято при точном соблюдении норм процессуального права и в полном соответствии с нормами материального права, а имеющие значение для дела факты подтверждены исследованными судом доказательствами, удовлетворяющими требованиям закона об их относимости, допустимости, достоверности и достаточности, а также тогда, когда в решении суда содержатся исчерпывающие выводы, вытекающие из установленных судом фактов.

Банк обратился в суд с иском к Г. о взыскании задолженности по кредитному договору, обеспеченному залогом квартиры, приобретенной за счет кредитных средств.

Решением районного суда в удовлетворении иска отказано.

Апелляционным определением решение суда первой инстанции отменено, по делу принято новое решение, которым иск банка был удовлетворен частично.

Дело неоднократно рассматривалось судебными инстанциями.

Президиум Верховного Суда Российской Федерации, отменяя определение суда кассационной инстанции в части оставления в силе решения суда первой инстанции и направляя дело в этой части на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции, указал следующее.

В соответствии с п. 3 ст. 391⁹ ГПК РФ судебные постановления подлежат отмене или изменению, если при рассмотрении дела в порядке надзора Президиум Верховного Суда Российской Федерации установит, что соответствующее обжалуемое судебное постановление нарушает единообразие в толковании и применении норм права.

Под нарушением судебным постановлением единообразия в толковании и применении норм права понимается содержащееся в судебном постановлении такое толкование и применение правовых норм, которое противоречит разъяснениям, содержащимся в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации, а также в постановлении Президиума Верховного Суда Российской Федерации.

В силу п. 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2003 г. № 23 «О судебном решении» (далее – постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации о судебном решении) решение является законным в том случае, когда оно принято при точном соблюдении норм процессуального права и в полном соответствии с нормами материального права, которые подлежат применению к данному правоотношению, или основано на применении в необходимых случаях аналогии закона или аналогии права (ч. 1 ст. 1, ч. 3 ст. 11 ГПК РФ).

Решение является обоснованным тогда, когда имеющие значение для дела факты подтверждены исследованными судом доказательствами, удовлетворяющими требованиям закона об их относимости и допустимости, или обстоятельствами, не нуждающимися в доказывании (ст. 55, 59-61, 67 ГПК РФ), а также тогда, когда оно содержит исчерпывающие выводы суда, вытекающие из установленных фактов (п. 3 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации о судебном решении).

Поскольку в силу ч. 4 ст. 198 ГПК РФ в решении суда должен быть указан закон, которым руководствовался суд, необходимо указать в мотивировочной части материальный закон, примененный судом к данным правоотношениям, и процессуальные нормы, которыми руководствовался суд (п. 4 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации о судебном решении).

Отменяя апелляционное определение при повторном кассационном рассмотрении и оставляя в силе решение суда первой инстанции, Судебная коллегия сослалась на то, что данное апелляционное определение не соответствует требованиям ст. 195 ГПК РФ.

По смыслу данной статьи, обоснованным признается судебное решение, в котором всесторонне и полно установлены все юридически значимые для дела факты, подтвержденные доказательствами, отвечающими требованиям относимости, допустимости, достоверности и достаточности, а сами выводы суда соответствуют обстоятельствам дела.

Поскольку юридически значимым по делу обстоятельством являлось установление того, вследствие чего произошло прекращение ипотеки на спорную квартиру, принадлежащую Г. на праве

собственности, Судебная коллегия пришла к выводу о том, что суду апелляционной инстанции следовало установить, по какому основанию, предусмотренному ст. 352 ГК РФ (в редакции, действовавшей на момент возникновения спорных отношений) и ст. 34 Закона Российской Федерации от 29 мая 1992 г. № 2872-1 «О залоге», был прекращен залог. Однако таких оснований, как отметила Судебная коллегия, судом апелляционной инстанции указано не было.

Признав, что судом апелляционной инстанции не были установлены юридически важные обстоятельства, что свидетельствует о нарушении предписаний ст. 195 и 198 ГПК РФ в их истолковании, содержащемся в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации о судебном решении, суд кассационной инстанции оставил в силе решение суда первой инстанции.

В соответствии со ст. 56 ГПК РФ суд определяет, какие обстоятельства имеют значение для дела, какой стороне надлежит их доказывать, выносит обстоятельства на обсуждение, даже если стороны на какие-либо из них не ссылались.

На основании ч. 1 ст. 57 ГПК РФ доказательства представляются сторонами и другими лицами, участвующими в деле. Суд вправе предложить им представить дополнительные доказательства. В случае, если представление необходимых доказательств для этих лиц затруднительно, суд по их ходатайству оказывает содействие в собирании и истребовании доказательств.

Таким образом, выявление и собирание доказательств по делу является деятельностью не только лиц, участвующих в деле, но и суда, в обязанность которого входит установление того, какие доказательства могут подтвердить или опровергнуть факты, входящие в предмет доказывания.

В случае недостаточности доказательственной базы для вынесения законного и обоснованного решения суд вправе предложить лицам, участвующим в деле, представить дополнительные доказательства.

Отменяя апелляционное определение, Судебная коллегия указала, что апелляционная инстанция в нарушение требований ч. 4 ст. 198 ГПК РФ без приведения доводов отвергла письмо заместителя председателя исполнительной дирекции банка (истца) и письмо регистрирующего органа об основаниях внесения записи о прекращении ипотеки.

Однако при рассмотрении кассационной жалобы представителя Г. на новое апелляционное определение Судебная коллегия оставила без внимания то обстоятельство, что при новом рассмотрении дела суд апелляционной инстанции не выполнил указания суда кассационной инстанции и не устранил допущенные нарушения норм процессуального права.

Между тем установление факта того, как были исполнены указания вышестоящего суда о необходимости соблюдения нижестоящим судом норм процессуального законодательства, являлось обязательным.

Как указано в п. 24 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11 декабря 2012 г. № 29 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регулирующих производство в суде кассационной инстанции», если судом кассационной инстанции будет установлено, что судами первой и (или) апелляционной инстанций допущены нарушения норм процессуального права при исследовании и оценке доказательств, приведшие к судебной ошибке существенного и непреодолимого характера (например, судебное постановление в нарушение требований ст. 60 ГПК РФ основано на недопустимых доказательствах), суд учитывает эти обстоятельства при вынесении кассационного постановления (определения).

Исходя из данных разъяснений, Судебная коллегия в случае установления факта неисполнения указаний вышестоящего суда обязана была направить дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции в целях устранения допущенных нарушений и вынесения определения, отвечающего требованиям законности и обоснованности.

Этого Судебной коллегией при рассмотрении кассационной жалобы сделано не было, что повлекло за собой нарушение единообразия в применении норм процессуального права, устанавливающих требования к судебному решению.

*Постановление Президиума
Верховного Суда Российской Федерации
№ 5-ПВ15*

По экономическим спорам

2. Создание и финансирование третейского суда одной из сторон спора либо аффилированными с ней лицами само по себе при отсутствии доказательств нарушения гарантий справедливого разбирательства, в частности беспристрастности конкретных арбитров, не является основанием для отказа в выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда.

Решением третейского суда при некоммерческой организации был удовлетворен иск банка к обществу и гражданину о взыскании солидарно задолженности по кредиту.

В связи с неисполнением ответчиками решения в добровольном порядке банк обратился в суд с заявлением о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением арбитражного суда округа, заявление банка удовлетворено.

Руководствуясь ст. 236, 239 АПК РФ и ст. 5, 7, 44 Федерального закона от 24 июля 2002 г. № 102-ФЗ «О третейских судах в Российской Федерации» (далее – Закон о третейских судах), суды исходили из наличия между сторонами действительных третейских соглашений.

Суды также установили, что в деле отсутствуют протоколы разногласий и иные доказательства, подтверждающие, что общество выдвигало возражения относительно содержания третейского соглашения и передачи возможных споров на рассмотрение указанного третейского суда. При этом суды не нашли оснований для признания договоров, содержащих третейские оговорки, договорами присоединения, отметив, что их форма и содержание не соответствуют формуляру или иной стандартной форме, которая использовалась банком при заключении подобных договоров с другими лицами.

Постановлением Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации названные судебные акты отменены, в выдаче исполнительного листа отказано. Президиум пришел к выводу, что факт участия банка в создании некоммерческой организации, при которой образован третейский суд, и ее финансирование свидетельствуют о нарушении гарантии объективной беспристрастности суда и, следовательно, равноправия спорящих сторон.

Согласно правовой позиции, содержащейся в постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 18 ноября 2014 г. № 30-П, вынесенном при рассмотрении дела по жалобе банка, положения ст. 18 Закона о третейских судах, п. 2 ч. 3 ст. 239 АПК РФ и п. 3 ст. 10 Федерального закона от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» (далее – Закон о некоммерческих организациях) не предполагают отказ в выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда на том лишь основании, что сторона, в пользу которой оно было принято, является одним из учредителей автономной некоммерческой организации, при которой создан данный третейский суд. В резолютивной части Конституционный Суд Российской Федерации постановил, что судебные акты по делу банка, вынесенные на основании указанных статей в истолковании, расходящемся с их конституционно-правовым смыслом, выявленным в данном постановлении, подлежат пересмотру в установленном порядке, если для этого нет иных препятствий.

Банк обратился в Верховный Суд Российской Федерации с заявлением о пересмотре по новым обстоятельствам постановления Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации.

Президиум Верховного Суда Российской Федерации удовлетворил заявление банка, поскольку постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации было вынесено на основании положения ст. 18 Закона о третейских судах, п. 2 ч. 3 ст. 239 АПК РФ и п. 3 ст. 10 Закона о некоммерческих организациях в истолковании, расходящемся с их конституционно-правовым смыслом.

При рассмотрении дела по правилам гл. 36¹ АПК РФ Президиум Верховного Суда Российской Федерации согласился с выводами судов нижестоящих инстанций о действительности третейского соглашения, в том числе об отсутствии оснований полагать, что условия договора, содержащие третейскую оговорку, были навязаны банком обществу и гражданину и что они были лишены возможности заключения договоров на иных условиях.

Вместе с тем, поскольку из отзывов банка при рассмотрении дела Президиумом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации следовало, что в отношении общества начата процедура банкротства и в реестр требований кредиторов включены суммы по спорному договору, а также что решением городского суда с гражданина в пользу банка взыскана аналогичная задолженность, Президиум Верховного Суда Российской Федерации отменил определение суда первой инстанции и постановление арбитражного суда округа и направил дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

*Постановление Президиума
Верховного Суда Российской Федерации
№ 49-ПЭК15*

По уголовным делам

3. Назначение наказания в виде исправительных работ исключено из приговора, поскольку суд, в нарушение закона (ст. 50 УК РФ и п. 4 ч. 1 ст. 308 УПК РФ), не указал размер удержаний в доход государства.

По приговору суда Ч. был осужден в том числе по ст. 116 УК РФ к 6 месяцам исправительных работ по месту работы, по ч. 2 ст. 167 УК РФ к 3 годам лишения свободы.

Кассационной инстанцией действия Ч. были переквалифицированы на ч. 1 ст. 167 УК РФ, по которой назначено 2 года лишения свободы.

Президиум Верховного Суда Российской Федерации, рассмотрев уголовное дело по надзорной жалобе осужденного, а также в порядке ч. 1

ст. 412¹² УПК РФ изменил судебные решения, в том числе по следующим основаниям.

Как усматривается из приговора, при назначении Ч. наказания по ст. 116 УК РФ наказания в виде исправительных работ сроком на 6 месяцев суд не указал, в каком размере следует проводить удержание из заработной платы осужденного в доход государства, то есть фактически не назначил ему наказание за данное преступление.

В связи с этим Президиум исключил из приговора указание о назначении Ч. по ст. 116 УК РФ исправительных работ по месту работы сроком на 6 месяцев.

Кроме того, исходя из положений ч. 1 ст. 10 УК РФ и ч. 1 ст. 56 УК РФ (в редакции Федерального закона от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ) и с учетом указанных в приговоре обстоятельств, в том числе положительных характеристик по месту учебы, работы и в период службы в рядах Вооруженных Сил Российской Федерации в районе Северного Кавказа, Президиум назначил Ч. по ч. 1 ст. 167 УК РФ наказание в виде исправительных работ сроком 10 месяцев с удержанием 20 % из заработной платы в доход государства в местах, определяемых органами местного самоуправления.

*Постановление Президиума
Верховного Суда Российской Федерации
№ 27П15*

4. Назначая наказание по правилам ст. 70 УК РФ, суд не выполнил требования ст. 71 УК РФ, согласно которой при частичном или полном сложении наказаний по совокупности приговоров одному дню лишения свободы соответствуют три дня исправительных работ, и присоединил наказание, превышающее неотбытую часть наказания по предыдущему приговору.

По приговору от 30 ноября 1995 г. С. был осужден по ч.2 ст. 148¹ УК РСФСР к 2 годам исправительных работ с удержанием 20% заработка в доход государства (с зачетом времени содержания под стражей с 5 августа по 30 ноября 1995 г.).

По приговору суда от 7 сентября 1998 г. при назначении наказания по совокупности приговоров в соответствии со ст. 70 УК РФ частично, в виде 6 месяцев лишения свободы (из расчета один день лишения свободы соответствует трем дням исправительных работ), присоединено неотбытое наказание по приговору от 30 ноября 1995 г. и окончательно назначено 18 лет 6 месяцев лишения свободы.

Однако при исчислении неотбытого срока наказания не учтено, что в срок наказания по приговору от 30 ноября 1995 г. было зачтено время

содержания С. под стражей с 5 августа по 30 ноября 1995 г. и с учетом этого обстоятельства неотбытый срок наказания составляет 1 год 15 дней исправительных работ, то есть (исходя из положений ст. 71 УК РФ) менее 6 месяцев лишения свободы.

В результате, в соответствии со ст.70 УК РФ присоединено наказание, превышающее неотбытую часть наказания по приговору от 30 ноября 1995 г., что является недопустимым.

Президиум Верховного Суда Российской Федерации, рассмотрев надзорное представление заместителя Генерального прокурора Российской Федерации, изменил приговор от 7 сентября 1998 г. и последующие судебные решения в отношении С. и смягчил наказание, назначенное в соответствии со ст. 70 УК РФ путем частичного присоединения неотбытого наказания по приговору от 30 ноября 1995 г., до 18 лет 2 месяцев лишения свободы.

*Постановление Президиума
Верховного Суда Российской Федерации
№ 70П15ПР*

5. Расходы, понесенные лицом, допущенным к участию в деле в качестве защитника наряду с адвокатом по ходатайству осужденного, не относятся к процессуальным издержкам.

Из материалов уголовного дела следует, что Л. по ходатайству осужденного Н. был допущен к участию в рассмотрении уголовного дела в качестве его защитника определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации в соответствии с ч. 2 ст. 49 УПК РФ наряду с адвокатом.

После рассмотрения уголовного дела Судебной коллегией Л. обратился с надзорной жалобой на судебные решения в отношении Н. и изъявил желание участвовать в рассмотрении дела в порядке надзора. Об участии Л. ходатайствовал и осужденный Н.

В связи с этим Л. наряду с адвокатом М. принимал участие в рассмотрении уголовного дела Президиумом Верховного Суда Российской Федерации в качестве защитника осужденного Н.

Защитник Л. обратился с заявлением о возмещении расходов, связанных с участием в рассмотрении дела Президиумом Верховного Суда Российской Федерации, просил отнести эти расходы к процессуальным издержкам и возместить их за счет средств федерального бюджета.

Президиум Верховного Суда Российской Федерации отказал в удовлетворении данного заявления Л., поскольку уголовно-процессуальный закон не относит к процессуальным издержкам

расходы, понесенные лицом, допущенным к участию в деле в качестве защитника наряду с адвокатом по ходатайству осужденного.

К процессуальным издержкам относятся расходы, связанные с производством по уголовному делу, перечисленные в ч. 2 ст. 131 УПК РФ.

*Постановление Президиума
Верховного Суда Российской Федерации
№ 79П14*

6. В соответствии с положениями п. 3 ч. 8 ст. 246 УПК РФ государственный обвинитель до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора может изменить обвинение в сторону смягчения путем переквалификации деяния в соответствии с нормой Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающей более мягкое наказание.

По приговору суда Н. осужден по п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ (за преступление, совершенное 27 марта 2006 г.), ч. 2 ст. 162 УК РФ, пп. «а», «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ, п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ (за преступление, совершенное 26 апреля 2006 г.), ч. 4 ст. 111 УК РФ, ч. 1 ст. 105 УК РФ и другим статьям УК РФ.

Последующие судебные инстанции оставили приговор без изменения.

Президиум Верховного Суда Российской Федерации, рассмотрев уголовное дело по надзорным жалобам осужденного, изменил судебные решения в связи с тем, что имело место существенное нарушение уголовно-процессуального закона.

В соответствии с положениями ст. 246 УПК РФ в том случае, если в ходе судебного разбирательства государственный обвинитель придет к убеждению, что представленные доказательства не подтверждают предъявленное подсудимому обвинение, то он отказывается от обвинения и излагает суду мотивы отказа. Полный или частичный отказ государственного обвинителя от обвинения в ходе судебного разбирательства влечет за собой прекращение уголовного дела или уголовного преследования полностью или в соответствующей его части.

Государственный обвинитель до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора может также изменить обвинение в сторону смягчения путем переквалификации деяния в соответствии с нормой УК РФ, предусматривающей более мягкое наказание.

Из материалов дела следует, что по факту совершения преступления в отношении потерпевшего Г. органами следствия действия осужденного квалифицированы по п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ.

Государственный обвинитель, выступая в прениях, по данному эпизоду предложил квалифицировать действия осужденного по ч. 3 ст. 111 УК РФ, поскольку обвинение по п. «в» ч.4 ст. 162 УК РФ не нашло подтверждения.

Суд первой инстанции, не согласившись с мнением прокурора, действия Н. по факту совершения преступления в отношении Г. квалифицировал в соответствии с предъявленным обвинением по п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ как разбой, совершенный группой лиц по предварительному сговору, с причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего.

Между тем в силу ст. 246 и 254 УПК РФ полный или частичный отказ государственного обвинителя от обвинения в ходе судебного разбирательства, а также изменение обвинения в сторону смягчения предопределяет принятие судом соответствующего решения.

В силу изложенного Президиум переквалифицировал действия осужденного Н. по факту совершения преступления в отношении Г. в ночь с 26 на 27 марта 2006 г. с п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ на п. «а» ч. 3 ст. 111 УК РФ (в редакции Федерального закона от 7 марта 2011 г. № 26-ФЗ).

Такое изменение обвинения не нарушает право осужденного на защиту, поскольку при указанном изменении квалификации преступления объем нового обвинения уменьшается, составляет лишь часть ранее вмененного преступления, а санкция п. «а» ч. 3 ст. 111 УК РФ не устанавливает более сурового наказания.

*Постановление Президиума
Верховного Суда Российской Федерации
№ 79П14*

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

1. Разрешение споров, возникающих из договорных отношений

1. Если законом или договором не предусмотрено иное, право первоначального кредитора переходит к новому кредитору в том же объеме и на тех же условиях, которые существовали к моменту перехода права, включая право на неустойку с момента нарушения должником срока исполнения обязательства, и в том случае, если оно имело место до перехода права к новому кредитору.

Ш. обратилась в суд с иском к организации о взыскании неустойки, компенсации морального вреда, процентов за пользование чужими денежными средствами, штрафа и о возмещении убытков.

Судом по делу установлено, что 26 июля 2012 г. организация (ответчик) и Х. заключили договор участия в долевом строительстве многоквартирного дома.

Х. полностью и в установленные договором сроки оплатила организации (ответчику) стоимость двухкомнатной квартиры.

По условиям договора участия в долевом строительстве квартира должна быть передана дольщику не позднее 31 августа 2012 г.

25 сентября 2012 г. стороны заключили дополнительное соглашение, по которому датой сдачи объекта являлось 1 ноября 2012 г., а срок передачи квартиры составлял 40 рабочих дней со дня сдачи объекта.

На основании договора об уступке права требования от 25 апреля 2013 г. Х. уступила Ш. право требования к организации (ответчику) передачи в собственность указанного объекта недвижимости.

Квартира передана застройщиком Ш. 10 июля 2013 г., то есть по истечении 193 дней после предусмотренной договором долевого строительства даты.

Разрешая спор и удовлетворяя требования истца в части взыскания неустойки за нарушение срока передачи объекта недвижимости, суд первой инстанции пришел к выводу о том, что неустойка подлежит исчислению с даты, определенной сторонами в договоре участия в долевом строительстве многоквартирного дома и дополнительном соглашении к нему.

Изменяя решение суда первой инстанции в этой части, суд апелляционной инстанции сослался на положения заключенного между Х. и Ш. договора об уступке прав требования от 25 апреля 2013 г., согласно которому право требования к организации (ответчику) у нового кредитора возникает с момента государственной регистрации договора уступки прав требования. Исходя из этого, суд апелляционной инстанции сделал вывод о том, что неустойку следует исчислять с момента регистрации данного договора, то есть с 6 мая 2013 г.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации с выводами суда апелляционной инстанции не согласилась, признав их основанными на неправильном применении норм материального права.

Согласно чч. 1 и 2 ст. 6 Федерального закона от 30 декабря 2004 г. № 214 «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон об участии в долевом строительстве) застройщик обязан передать участнику долевого строительства объект долевого строительства не позднее срока, который предусмотрен договором и должен быть единым для участников долевого строительства, которым застройщик обязан

передать объекты долевого строительства, входящие в состав многоквартирного дома и (или) иного объекта недвижимости или в состав блок-секции многоквартирного дома, имеющей отдельный подъезд с выходом на территорию общего пользования, за исключением случая, установленного ч. 3 данной статьи.

В случае нарушения предусмотренного договором срока передачи участнику долевого строительства объекта долевого строительства застройщик уплачивает участнику долевого строительства неустойку (пеню) в размере одной трехсотой ставки рефинансирования Центрального банка Российской Федерации, действующей на день исполнения обязательства, от цены договора за каждый день просрочки. Если участником долевого строительства является гражданин, предусмотренная указанной частью неустойка (пеня) уплачивается застройщиком в двойном размере.

В соответствии с п. 1 ст. 382 ГК РФ право (требование), принадлежащее кредитору на основании обязательства, может быть передано им другому лицу по сделке (уступка требования) или перейти к другому лицу на основании закона.

В силу ч. 2 ст. 11 Закона об участии в долевом строительстве уступка участником долевого строительства прав требований по договору допускается с момента государственной регистрации договора до момента подписания сторонами передаточного акта или иного документа о передаче объекта долевого строительства.

Согласно ст. 384 ГК РФ, если иное не предусмотрено законом или договором, право первоначального кредитора переходит к новому кредитору в том объеме и на тех условиях, которые существовали к моменту перехода права. В частности, к новому кредитору переходят права, обеспечивающие исполнение обязательства, а также другие связанные с требованием права, в том числе право на неуплаченные проценты.

В соответствии со ст. 431 ГК РФ при толковании условий договора судом принимается во внимание буквальное значение содержащихся в нем слов и выражений. Буквальное значение условия договора в случае его неясности устанавливается путем сопоставления с другими условиями и смыслом договора в целом.

Как установлено судом и следует из материалов дела, право на взыскание с ответчика неустойки возникло у первоначального кредитора (Х.) по договору участия в долевом строительстве многоквартирного дома от 26 июля 2012 г. с 28 декабря 2012 г., то есть с момента просрочки передачи квартиры. Соответственно, по договору уступки права требования новый кредитор (Ш.) приобретает тот же объем прав, в том числе право требовать взыскание неустойки с ответчика.

Пункт 2.5 договора об уступке права требования, на который сослался суд апелляционной инстанции, указывает лишь на момент перехода права к новому кредитору, но не изменяет срок исполнения обязательств ответчика по договору долевого участия в строительстве и не ограничивает объем прав, переходящих к новому кредитору, в том числе и в части, касающейся неустойки.

Другие положения договора уступки также не содержат ограничений объема прав, передаваемых новому кредитору по договору долевого участия в строительстве.

Не содержат подобных ограничений и указанные выше положения ч. 2 ст. 11 Закона об участии в долевом строительстве.

С учетом изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила апелляционное определение в той части, в какой решение суда первой инстанции изменено в части взыскания неустойки, штрафа и возмещения расходов на уплату государственной пошлины, дело в этой части направила на новое апелляционное рассмотрение.

Определение № 2-КГ14-1

II. Разрешение споров, связанных с трудовыми и социальными отношениями

2. Размер ежемесячной страховой выплаты, назначенной в 2000 году в возмещение вреда здоровью, причиненного работнику профессиональным заболеванием, на основании п. 10 ст. 12 Федерального закона от 24 июля 1998 г. № 125-ФЗ «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» в редакции Федерального закона от 19 мая 2010 г. № 90-ФЗ, перерасчету не подлежит¹.

К. через представителя по доверенности Х. обратился в суд с иском к органу социального страхования о перерасчете ежемесячной страховой выплаты, взыскании недоплаченных страховых выплат и индексации.

Судом установлено, что К. получил увечье вследствие несчастного случая на производстве, произошедшего 23 июня 1993 г.

Заключением медико-социальной экспертизы ему установлена утрата профессиональной трудоспособности в размере 40% с 18 февраля 1999 г. по 18 февраля 2000 г.

¹ Из раздела II «Практика рассмотрения дел по спорам, возникающим из социальных, трудовых и пенсионных правоотношений» Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за первый квартал 2013 года отзывается Определение № 81-КГ13-1 (пример под номером 5).

До момента обращения в суд с данным иском степень утраты трудоспособности К. не изменялась.

Суммы возмещения вреда здоровью впервые назначены К. приказом работодателя от 16 февраля 1994 г. в период действия правил возмещения работодателями вреда, причиненного работникам увечьем, профессиональным заболеванием либо иным повреждением здоровья, связанными с исполнением ими трудовых обязанностей, утвержденных постановлением Верховного Совета Российской Федерации от 24 декабря 1992 г. № 4214-1 (далее – Правила возмещения работодателями вреда).

В соответствии с п. 11 указанных правил работодателем применены все коэффициенты к заработной плате, из которой исчислено возмещение вреда здоровью.

В связи с вступлением в силу Федерального закона от 24 июля 1998 г. № 125-ФЗ «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» (далее – Федеральный закон от 24 июля 1998 г. № 125-ФЗ) личное (учетное) дело К. передано работодателем в орган социального страхования. При приемке личного (учетного) дела К. нарушений не выявлено, в связи с чем на основании ст. 28 Федерального закона от 24 июля 1998 г. № 125-ФЗ страховщик продолжил выплачивать ему страховое обеспечение в размерах, определенных работодателем.

Приказом органа социальной защиты от 22 марта 2000 г. К. назначена ежемесячная страховая выплата с 6 января 2000 г. Размер ежемесячных страховых выплат определен страховщиком в соответствии с Правилами возмещения работодателями вреда исходя из среднемесячного заработка К. за 12 месяцев, предшествующих установлению ему утраты профессиональной трудоспособности (с июня 1992 года по май 1993 года). В дальнейшем с 2001 по 2011 год размер ежемесячных страховых выплат ежегодно индексировался в соответствии с п. 11 ст. 12 Федерального закона от 24 июля 1998 г. № 125-ФЗ.

Обращаясь с иском в суд, К., не оспаривая период, за который исчислялся размер среднемесячного заработка, а также размер заработной платы, указывал, что при назначении ежемесячной страховой выплаты его заработок в расчетном периоде с июня 1992 года по май 1993 года подлежит увеличению на повышающий коэффициент 3 в соответствии с п. 2 Правил возмещения работодателями вреда.

Разрешая спор и удовлетворяя заявленные К. исковые требования о перерасчете размера страховых выплат, взыскании недоплаченных страховых выплат и индексации, суд первой инстанции, ссылаясь на нормы ст. 12 Федерального закона от 24 июля 1998 г. № 125-ФЗ, а также разъяснения, изложенные в п. 23 постановления Пленума Верховного

Суда Российской Федерации от 10 марта 2011 г. № 2, исходил из того, что поскольку при исчислении ежемесячной страховой выплаты страховщиком учитывались суммы заработка К. за период до 31 января 1993 г. без применения повышающего коэффициента 3, то нарушено право истца на полное возмещение вреда здоровью, в связи с чем применил к заработку К. за период с июня 1992 года по май 1993 года указанный коэффициент.

Суд, полагая, что ежемесячные страховые суммы выплачивались К. в меньшем размере, чем гарантировалось законом, пришел к выводу о взыскании в пользу истца с ответчика недоплаты по ежемесячным страховым выплатам за период с 6 января 2000 г. по 28 февраля 2014 г. (в пределах заявленных исковых требований). При этом суд произвел индексацию недоплаченных сумм по ежемесячным страховым выплатам с учетом роста потребительских цен по соответствующему субъекту Российской Федерации.

С данным выводом суда первой инстанции и его обоснованием согласился и суд апелляционной инстанции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала данные выводы судов первой и апелляционной инстанций основанными на неправильном толковании и применении норм материального права.

В соответствии с п. 1 ст. 28 Федерального закона от 24 июля 1998 г. № 125-ФЗ лицам, получившим до вступления в силу данного Федерального закона увечье, профессиональное заболевание либо иное повреждение здоровья, связанные с исполнением ими трудовых обязанностей и подтвержденные в установленном порядке, а также лицам, имеющим право на возмещение вреда в связи со смертью кормильца, обеспечение по страхованию производится страховщиком в соответствии с этим федеральным законом независимо от сроков получения увечья, профессионального заболевания либо иного повреждения здоровья.

Устанавливаемое указанным лицам при вступлении названного федерального закона в силу обеспечение по страхованию не может быть ниже установленного им ранее в соответствии с законодательством Российской Федерации возмещения вреда, причиненного увечьем, профессиональным заболеванием либо иным повреждением здоровья, связанными с исполнением трудовых обязанностей (п. 1 ст. 28 Федерального закона от 24 июля 1998 г. № 125-ФЗ).

В силу п. 1 ст. 12 Федерального закона от 24 июля 1998 г. № 125-ФЗ размер ежемесячной страховой выплаты определяется как доля среднего месячного заработка застрахованного до наступления страхового случая, исчисленная в соответствии со степенью утраты им профессиональной трудоспособности.

В соответствии с п. 3 статьи 12 Федерального закона от 24 июля 1998 г. № 125-ФЗ средний месячный заработок застрахованного подсчитывается путем деления общей суммы его заработка за 12 месяцев работы, предшествовавших наступлению страхового случая или утрате либо снижению его трудоспособности (по выбору застрахованного), на 12. По желанию застрахованного при наступлении страхового случая по причине получения им профессионального заболевания средний месячный заработок может быть подсчитан за последние 12 месяцев работы, предшествовавших прекращению работы, повлекшей такое заболевание.

Пунктом 9 ст. 12 Федерального закона от 24 июля 1998 г. № 125-ФЗ установлено, что исчисленная и назначенная ежемесячная страховая выплата в дальнейшем перерасчету не подлежит, за исключением случаев изменения степени утраты профессиональной трудоспособности, изменения круга лиц, имеющих право на получение страховых выплат в случае смерти застрахованного, а также случаев индексации ежемесячной страховой выплаты.

Согласно подп. 2 п. 2 ст. 16 Федерального закона от 24 июля 1998 г. № 125-ФЗ застрахованный обязан извещать страховщика об изменении места своего жительства или места работы, а также о наступлении обстоятельств, влекущих изменение размера получаемого им обеспечения по страхованию или утрату права на получение обеспечения по страхованию, в десятидневный срок со дня наступления таких обстоятельств.

Пунктом 10 ст. 12 Федерального закона от 24 июля 1998 г. № 125-ФЗ (в редакции, действовавшей до 21 мая 2010 г.) предусматривалось, что в связи с повышением стоимости жизни суммы заработка, из которого исчисляется ежемесячная страховая выплата, увеличиваются в порядке, установленном законодательством Российской Федерации.

Статьей 1 Федерального закона от 19 мая 2010 г. № 90-ФЗ «О внесении изменений в ст. 12 Федерального закона «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» (далее – Федеральный закон от 19 мая 2010 г. № 90-ФЗ) в п. 10 ст. 12 Федерального закона от 24 июля 1998 г. № 125-ФЗ были внесены изменения, в соответствии с которыми суммы заработка, из которого исчисляется размер ежемесячной страховой выплаты, увеличиваются на соответствующий коэффициент в зависимости от года их получения. В связи с повышением стоимости жизни и изменениями в уровне оплаты труда при исчислении размера ежемесячной страховой выплаты суммы заработка, полученные за период с 1 января 1992 по 31 января 1993 г., увеличиваются с учетом коэффициента 3.

Пунктом 2 ст. 2 Федерального закона от 19 мая 2010 г. № 90-ФЗ было установлено, что ежемесячные страховые выплаты, назначенные со дня вступления в силу Федерального закона от 30 июня 2006 г. № 90-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации, признании не действующими на территории Российской Федерации некоторых нормативных правовых актов СССР и утратившими силу некоторых законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации», подлежат перерасчету с даты их назначения с учетом коэффициентов, установленных абзацами вторым–пятым п. 10 ст. 12 Федерального закона от 24 июля 1998 г. № 125-ФЗ «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний».

Федеральный закон от 30 июня 2006 г. № 90-ФЗ вступил в силу 6 октября 2006 г.

Таким образом, п. 2 ст. 2 Федерального закона от 19 мая 2010 г. № 90-ФЗ приведенным выше положениям п. 10 ст. 12 Федерального закона от 24 июля 1998 г. № 125-ФЗ (в редакции Федерального закона от 19 мая 2010 г. № 90-ФЗ) придана обратная сила: они применяются для перерасчета ежемесячных страховых выплат, назначенных со дня вступления в силу Федерального закона от 30 июня 2006 г. № 90-ФЗ, то есть с 6 октября 2006 г.

Поскольку страховая выплата назначена К. до 6 октября 2006 г., оснований для перерасчета установленной ему ежемесячной страховой выплаты с момента ее назначения органом социального страхования (с 6 января 2000 г.) с учетом коэффициента 3 у суда не имелось, так как Федеральным законом от 19 мая 2010 г. № 90-ФЗ указаны конкретные условия перерасчета ранее назначенной ежемесячной страховой выплаты и действие этого закона не распространено на выплаты, назначенные до 6 октября 2006 г.

Кроме того, Федеральный закон от 24 июля 1998 г. № 125-ФЗ, а также иные нормативные правовые акты не содержат положений об обязанности страховщика при приемке личного (учетного) дела пострадавшего, которому работодателем уже назначено возмещение вреда здоровью, производить перерасчет назначенных сумм возмещения вреда здоровью по нормам названного федерального закона.

При этом ежемесячная страховая выплата, назначенная ответчиком К. с 6 января 2000 г., ранее была рассчитана работодателем в соответствии с нормами действовавшего на тот момент законодательства, регулирующего возмещение вреда здоровью, причиненного работнику, а именно п. 11 Правил возмещения работодателями вреда.

Пунктом 2 постановления Верховного Совета Российской Федерации от 24 декабря 1992 г. № 4214-1 «Об утверждении правил

возмещения работодателями вреда, причиненного работникам увечьем, профессиональным заболеванием либо иным повреждением здоровья, связанными с исполнением ими трудовых обязанностей» устанавливалось, что в связи с повышением стоимости жизни суммы заработка, из которого исчисляются суммы возмещения вреда, рассчитанные с учетом коэффициентов, указанных в данном пункте, увеличиваются по увечьям, иным повреждениям здоровья, полученным до 1 января 1991 г., – в шесть раз, с 1 января 1991 г. по 31 января 1993 г. – в три раза.

Повреждение здоровья было получено К. 23 июня 1993 г. (после 31 января 1993 г.), следовательно, работодатель, исходя из действовавшего на момент назначения сумм возмещения вреда (на 16 февраля 1994 г.) законодательства, правомерно не применил к его заработной плате за период с июня 1992 года по май 1993 года коэффициент 3, что не было принято во внимание судами при разрешении спора.

Судебная коллегия признала необоснованной ссылку суда при разрешении спора на разъяснения, изложенные в п. 23 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 марта 2011 г. № 2 «О применении судами законодательства об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний». Данные разъяснения касаются применения при назначении страховых выплат норм п. 10 ст. 12 Федерального закона от 24 июля 1998 г. № 125-ФЗ в редакции Федерального закона от 19 мая 2010 г. № 90-ФЗ и Федерального закона от 9 декабря 2010 г. № 350, которые не подлежат применению к спорным отношениям по поводу перерасчета ежемесячных страховых выплат, назначенных впервые К. работодателем 16 февраля 1994 г.

Таким образом, с учетом того, что на дату назначения К. впервые сумм возмещения вреда здоровью (16 февраля 1994 г.) действовали Правила возмещения работодателями вреда, в соответствии с которыми и было осуществлено назначение ему страховых выплат работодателем, у суда не имелось правовых оснований для применения к уже назначенным страховым выплатам норм п. 10 ст. 12 Федерального закона от 24 июля 1998 г. № 125-ФЗ в редакции Федерального закона от 19 мая 2010 г. № 90-ФЗ и увеличения заработка К., полученного им за период с июня 1992 года по 31 января 1993 г. включительно, на коэффициент 3 для исчисления сумм возмещения вреда.

Не имелось в данном случае и обстоятельств, которые в силу п. 9 ст. 12 Федерального закона от 24 июля 1998 г. № 125-ФЗ могли бы повлечь перерасчет установленной К. ежемесячной страховой выплаты, что также не было учтено судом при разрешении спора.

Исходя из изложенного, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшиеся по

делу судебные постановления и, не передавая дело на новое рассмотрение, приняла новое решение об отказе в удовлетворении исковых требований.

Определение № 81-КГ15-11

III. Процессуальные вопросы

3. Судебная защита гражданских прав, основанных на акте, действии органа государственной власти, органа местного самоуправления или должностного лица, а также судебная защита гражданских прав, нарушенных актом, действием (бездействием) государственного органа, органа местного самоуправления или должностного лица, осуществляется способами и в сроки, которые предусмотрены гражданским законодательством, и в процедуре, установленной процессуальным законом для разрешения споров о гражданских правах и обязанностях.

Е. обратилась в суд с иском к местной администрации о признании права собственности на долю земельного участка, сославшись на то, что является собственником $\frac{1}{2}$ доли жилого дома, расположенного на спорном земельном участке. Собственником другой $\frac{1}{2}$ доли дома является Б.

При рассмотрении дела по иску Б. к ней об устранении препятствий в пользовании земельным участком (решение от 13 сентября 2011 г.) ей стало известно о том, что весь земельный участок, находящийся под жилым домом, принадлежащим им на праве долевой собственности, зарегистрирован на праве собственности за Б., который, в свою очередь, приобрел этот участок у К. по договору купли-продажи (К. спорный земельный участок предоставлен на основании постановлений главы местной администрации, вынесенных в 2009 году). Истец полагала, что она в силу требований земельного законодательства имеет право на приобретение в собственность $\frac{1}{2}$ доли земельного участка, которое нарушено ответчиками по делу.

Разрешая дело, суд первой инстанции, с выводами которого согласился суд апелляционной инстанции, руководствовался ст. 256 ГПК РФ и исходил из того, что истцом пропущен трехмесячный срок для обжалования постановлений местной администрации, вынесенных в 2009 году, а требование Е. о признании права собственности на долю спорного земельного участка производно от требования о признании незаконными указанных постановлений, в связи с чем в иске отказал.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала данные судебные постановления

вынесенными с существенным нарушением требований закона, указав следующее.

На основании подп. 2 п. 1 ст. 8 ГК РФ гражданские права и обязанности могут возникать из актов государственных органов и органов местного самоуправления, которые предусмотрены законом в качестве основания возникновения данных прав и обязанностей, а применительно к подп. 8 п. 1 указанной статьи – вследствие действий должностных лиц этих органов.

К законам, рассматривающим акты органов государственной власти, органов местного самоуправления и действия должностных лиц этих органов в качестве основания возникновения гражданских прав и обязанностей, относится, в частности, Земельный кодекс Российской Федерации.

В п. 2 ст. 9, п. 2 ст. 10 и п. 2 ст. 11 Земельного кодекса Российской Федерации (далее – ЗК РФ) предусматривается право органов государственной власти и органов местного самоуправления распоряжаться в пределах своей компетенции земельными участками, находящимися в собственности соответствующих публично-правовых образований.

Одновременно в п. 1 ст. 25 ЗК РФ закреплено положение о том, что право на земельный участок возникает по основаниям, установленным гражданским законодательством, одним из которых, согласно указанной выше норме Гражданского кодекса Российской Федерации, является акт (действие) государственного органа или акт (действие) органа местного самоуправления, должностного лица.

Указанные акты (действия) государственного органа, органа местного самоуправления или должностного лица являются формой реализации правомочий собственника по распоряжению принадлежащим ему имуществом уполномоченным на то лицом, поскольку в соответствии со ст. 125 ГК РФ в отношениях, регулируемых гражданским законодательством, от имени Российской Федерации и субъектов Российской Федерации могут своими действиями приобретать и осуществлять имущественные и личные неимущественные права и обязанности, выступать в суде органы государственной власти в рамках их компетенции, установленной актами, определяющими статус этих органов, а в соответствии с п. 3 данной статьи в случаях и в порядке, которые предусмотрены федеральными законами, указами Президента Российской Федерации и постановлениями Правительства Российской Федерации, нормативными актами субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, по их специальному поручению от их имени могут выступать государственные органы, органы местного самоуправления, а также юридические лица и граждане.

Акт государственного органа или акт органа местного самоуправления о предоставлении земельного участка, изданный этим органом в ходе реализации полномочий, установленных в п. 2 ст. 9, п. 2 ст. 10 и п. 2 ст. 11 ЗК РФ, является основанием, в частности, для регистрации права собственности на земельный участок, которая подтверждает соответствующее гражданское право, основанное на данном акте.

Право на земельный участок на основании акта государственного органа, органа местного самоуправления или должностного лица приобретается и регистрируется гражданами и юридическими лицами своей волей и в своем интересе (п. 2 ст. 1 ГК РФ).

Защита гражданских прав, основанных на акте (действии) органа государственной власти, органа местного самоуправления или должностного лица, а также защита гражданских прав, нарушенных актом, действием (бездействием) государственного органа, органа местного самоуправления или должностного лица должна осуществляться, соответственно, способами и в сроки, которые установлены гражданским законодательством, и в процедуре, установленной процессуальным законом для разрешения споров о гражданских правах и обязанностях.

В соответствии с абзацем шестым ст. 12 и ст. 13 ГК РФ признание судом акта государственного органа или органа местного самоуправления недействительным является одним из способов защиты гражданских прав.

Общий срок для защиты гражданских прав по иску лица, право которого нарушено (исковая давность), составляет три года (ст. 195, п. 1 ст. 196 ГК РФ).

Срок обращения с заявлением в суд, установленный ст. 256 ГПК РФ (три месяца), установлен для разрешения административных споров, обусловленных отношениями власти и подчинения.

Как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, из права на судебную защиту не следует возможность выбора лицом по своему усмотрению той или иной процедуры судебной защиты, особенности которых применительно к отдельным видам судопроизводства и категориям дел определяются исходя из Конституции Российской Федерации федеральным законом.

Соответственно, и суд для обеспечения права на судебную защиту граждан и организаций не вправе произвольно выбирать для себя порядок судопроизводства, а обязан действовать по правилам процедуры, установленной законодательством для данного вида судопроизводства.

В актах, разрешающих дело по существу, суд определяет действительное материально-правовое положение сторон, то есть

применяет нормы права к тому или иному конкретному случаю в споре о праве (постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 22 апреля 2013 г. № 8-П, постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2012 г. № 29-П, постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21 января 2010 г. № 1-П и другие).

Как разъяснено в пункте 9 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2009 г. № 2 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании решений, действий (бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих», судам следует иметь в виду, что правильное определение ими вида судопроизводства, в котором подлежат защите права и свободы гражданина или организации, несогласных с решением, действием (бездействием) органа государственной власти, органа местного самоуправления, должностного лица, государственного или муниципального служащего, зависит от характера правоотношений, из которых вытекает требование лица, обратившегося за судебной защитой, а не от избранной им формы обращения в суд (например, подача заявления в порядке, предусмотренном главой 25 ГПК РФ, или подача искового заявления).

В силу прямого указания закона – ч. 3 ст. 247 ГПК РФ – в случае, если при подаче заявления в суд будет установлено, что имеет место спор о праве, подведомственный суду, судья оставляет заявление без движения и разъясняет заявителю необходимость оформления искового заявления с соблюдением требований ст. 131 и 132 данного кодекса. В случае если при этом нарушаются правила подсудности дела, судья возвращает заявление.

Из приведенных выше положений закона, конституционно-правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации и разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации следует, что предусмотренный гл. 25 ГПК РФ порядок рассмотрения заявлений об оспаривании решений, действий (бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих, а соответственно, и предусмотренный ст. 256 данного кодекса срок для обращения в суд не подлежат применению в тех случаях, когда имеет место обращение в суд за защитой нарушенных или оспоренных гражданских прав.

По данному делу Е. обратилась с иском в суд о защите нарушенного, по ее мнению, субъективного гражданского права собственности на земельный участок, на котором находится принадлежащее ей на праве общей долевой собственности строение.

Требование о признании недействительными постановлений главы местной администрации является предусмотренным ст. 12 ГК РФ способом защиты гражданского права и было заявлено истцом наряду с другими исковыми требованиями в отношении предмета спора.

Применение судом предусмотренного ст. 256 ГПК РФ для административных споров трехмесячного срока для обращения в суд привело к незаконному отказу в защите гражданского права исключительно по мотиву пропуска этого срока.

На основании изложенного, поскольку судом неправильно применен закон, регулирующий возникшие правоотношения, Судебная коллегия признала обжалуемые судебные постановления незаконными и отменила их, а дело направила на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Определение № 6-КГ15-5

4. Судебные расходы на оплату услуг представителя, понесенные третьим лицом, не заявляющим самостоятельных требований относительно предмета спора, в связи с подачей апелляционной жалобы, возмещаются ему по общим правилам.

Решением суда удовлетворен иск Н. к местной администрации о признании права собственности на гараж, возведенный на земельном участке, принадлежащем Н. на праве собственности.

Апелляционная жалоба на указанное решение суда была подана Б. – лицом, не привлеченным к участию в деле, являющимся собственником смежного с участком Н. земельного участка.

Апелляционным определением решение суда первой инстанции отменено, по делу принято новое решение об отказе в удовлетворении исковых требований.

Б. обратился в суд с заявлением о взыскании с Н. понесенных им при рассмотрении данного дела расходов на оплату услуг представителя.

Определением районного суда, оставленным без изменения апелляционным определением, в удовлетворении заявления Б. отказано.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации удовлетворила кассационную жалобу Б., в которой он ставил вопрос об отмене судебных актов, по следующим основаниям.

Из ч. 1 ст. 43 ГПК РФ следует, что третьи лица, не заявляющие самостоятельных требований относительно предмета спора, пользуются процессуальными правами и несут процессуальные обязанности стороны, за исключением ряда прав. В числе прав, которые не могут быть реализованы третьими лицами, не заявляющими самостоятельных

требований на предмет спора, право на возмещение судебных расходов не поименовано.

Согласно ч. 1 ст. 35 ГПК РФ лица, участвующие в деле, имеют право обжаловать судебные постановления. Частью 3 ст. 320 ГПК РФ право подачи апелляционной жалобы предоставлено лицам, которые не были привлечены к участию в деле и вопрос о правах и об обязанностях которых был разрешен судом. При обжаловании судебного постановления третье лицо, не заявляющее самостоятельных требований относительно предмета спора, занимает активную позицию в процессе и защищает свои права, затронутые обжалуемым судебным актом.

В силу ч. 4 ст. 329 ГПК РФ в определении суда апелляционной инстанции указывается на распределение между сторонами судебных расходов, в том числе расходов, понесенных в связи с подачей апелляционных жалоб.

Таким образом, из системного толкования указанных статей следует, что судебные расходы на оплату услуг представителя, понесенные третьим лицом, не заявляющим самостоятельных требований относительно предмета спора, в связи с подачей апелляционной жалобы и ее удовлетворением подлежат возмещению.

Определение № 83-КГ15-4

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО ЭКОНОМИЧЕСКИМ СПОРАМ

1. Разрешение споров, возникающих из корпоративных правоотношений

1. В случае, если решение совета директоров о выплате гражданину, осуществлявшему полномочия единоличного исполнительного органа акционерного общества, компенсации в связи с досрочным расторжением с ним трудового договора или о размере этой компенсации привело к нарушению интересов акционерного общества и его участников, оно может быть признано недействительным по иску акционеров, заявленному в порядке реализации ими прав участников корпорации, предусмотренных ст. 65² ГК РФ.

На заседании совета директоров акционерного общества приняты решения о досрочном прекращении полномочий гражданина как единоличного исполнительного органа акционерного общества и о выплате ему единовременной компенсации в связи с прекращением трудового договора.

Ссылаясь на то, что решение о выплате компенсации принято с нарушением закона и устава акционерного общества, акционеры обратились в суд с иском к акционерному обществу о признании указанного решения недействительным.

Удовлетворяя исковые требования, суд первой инстанции исходил из того, что совет директоров необоснованно увеличил размер выплаченной компенсации, что нарушило баланс интересов участников корпоративных отношений и причинило вред обществу и его акционерам.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции.

Арбитражный суд округа отменил судебные акты судов нижестоящих инстанций и отказал в удовлетворении исковых требований. Суд указал, что размер компенсации фактически согласован сторонами прекращенного трудового договора, а разрешение вопроса об убытках, причиненных обществу, не входило в предмет доказывания по делу.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановление арбитражного суда округа, оставила в силе решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции по следующим основаниям.

Определяя сумму компенсации, совет директоров фактически исчислил ее из максимально возможного вознаграждения единоличного исполнительного органа.

Однако по условиям трудового договора его вознаграждение состояло из фиксированной и переменной частей, последняя зависела от результата работы акционерного общества и личного вклада гражданина в достижение этого результата.

Подобный порядок установления руководителю акционерного общества вознаграждения, состоящего из двух составляющих (фиксированной и переменной), соответствует рекомендациям, изложенным в стандартах корпоративного поведения (п. 5.1.2 гл. 4 прежней редакции Кодекса корпоративного поведения, являющегося приложением к распоряжению Федеральной комиссии по рынку ценных бумаг от 4 апреля 2002 г. № 421/р, п. 4.3 ч. «А» действующей редакции Кодекса корпоративного управления, являющегося приложением к письму Центрального банка Российской Федерации от 10 апреля 2014 г. № 06-52/2463).

Совет директоров, устанавливая компенсацию в твердом, максимально возможном размере, по сути, исключил необходимость учета личного (индивидуального) вклада гражданина в результаты работы акционерного общества в предшествующие прекращению его

полномочий периоды, тем самым нивелировав стимулирующее воздействие переменной части вознаграждения гражданина.

В процессе установления данной компенсации сталкиваются интересы менеджмента и акционеров.

Конституция Российской Федерации закрепляет принцип, согласно которому осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц (часть 3 статьи 17).

Поэтому, определяя размер компенсации, совет директоров не мог действовать произвольно. Он должен был исходить из предназначения компенсации как адекватной гарантии защиты бывшего руководителя от негативных последствий, наступивших в результате потери работы. Одновременно с этим на совете директоров лежала обязанность по соблюдению баланса интересов, с одной стороны, упомянутого руководителя, расторжение трудового договора с которым не было связано с его противоправным поведением, с другой стороны, акционеров, чьи инвестиционные интересы нарушаются выплатой явно завышенной и необоснованной компенсации.

Для установления выплаты, не вытекающей из буквального значения условий трудового договора, совету директоров, осуществляющему стратегическое управление обществом и контролирующему деятельность исполнительных органов (п. 1 ст. 64, ст. 65, п. 1 ст. 69 Федерального закона от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах»), следовало представить веские обоснования и раскрыть акционерам информацию о причинах ее назначения, обеспечив прозрачность расчетов и четко разъяснив применяемые подходы и принципы.

Как установлено судами первой и апелляционной инстанций и не опровергнуто арбитражным судом округа, в данном случае компенсация являлась чрезмерной.

При таких обстоятельствах судами первой и апелляционной инстанций на основании п. 6 ст. 68 Федерального закона от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» обоснованно удовлетворен иск акционеров.

Определение № 307-ЭС14-8853

II. Разрешение споров, возникающих из обязательственных правоотношений

2. При определении стоимости услуг по передаче электрической энергии потребитель услуг и сетевая организация (исполнитель услуг) не вправе самостоятельно изменять величины ставок тарифов, указанных в правовом акте, которым утвержден тариф.

Во исполнение договора сетевая организация (исполнитель) оказала гарантирующему поставщику (заказчику) услуги по передаче электрической энергии до точек поставки потребителей гарантирующего поставщика, энергопринимающие устройства которых присоединены к электросетям сетевой компании через объекты по производству электрической энергии.

Между сторонами возникли разногласия по тарифу, подлежащему применению в расчетах стоимости услуг, оказанных в отношении потребителей. Сетевая компания применила одноставочный тариф, утвержденный приказом Управления по государственному регулированию тарифов субъекта Российской Федерации. Гарантирующий поставщик рассчитал стоимость услуг по тому же одноставочному тарифу, самостоятельно исключив из него цену нормативных технологических потерь электрической энергии в электрических сетях сетевой компании (далее – усеченный тариф).

Сетевая компания обратилась в суд с иском к гарантирующему поставщику о взыскании задолженности по оплате услуг, размер которой составлял разницу между одноставочным и усеченным тарифом.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении исковых требований отказано. Суды исходили из того, что гарантирующий поставщик должен рассчитываться с сетевой компанией по тому варианту тарифа, который выбрали его потребители, то есть по одноставочному тарифу. Кроме того, статус потребителей обусловлен особенностями технологического присоединения энергопринимающего оборудования к сетям сетевой компании и позволял им не оплачивать ставку на оплату технологического расхода (потерь) в сетях. Ввиду изложенного в расчетах сторон следует применять усеченный тариф.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила указанные судебные акты, дело направила на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Стоимость услуг по передаче электроэнергии подлежит государственному ценовому регулированию (п. 1 ст. 424 ГК РФ, ст. 4 и 6 Федерального закона от 17 августа 1995 г. № 147-ФЗ «О естественных монополиях», п. 4 ст. 23¹ Федерального закона от 26 марта 2003 г. № 35-ФЗ «Об электроэнергетике» (далее – Закон об электроэнергетике)).

Как следует из абзацев 11 – 15 п. 81 Основ ценообразования в области регулируемых цен (тарифов) в электроэнергетике, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2012 г. № 442, по общему правилу право выбора тарифа на услуги по передаче электроэнергии на период регулирования

предоставляется потребителям. Тарифы устанавливаются одновременно в одноставочном и двухставочном вариантах. В последнем случае одна ставка отражает удельную величину расходов на содержание электрических сетей, другая – используется для возмещения расходов на оплату нормативных технологических потерь электрической энергии в электрических сетях. Одноставочный тариф определяется на основе ставок двухставочного тарифа и устанавливается в соответствии с Методическими указаниями по расчету регулируемых тарифов и цен на электрическую (тепловую) энергию на розничном (потребительском) рынке, утвержденными приказом Федеральной службы по тарифам от 6 августа 2004 г. № 20-э/2 (далее – Методические указания), в расчете на один киловатт-час электрической энергии.

Из положений Методических указаний следует, что возможность выбора тарифа на услуги по передаче электроэнергии предопределяется условиями технологического присоединения энергопринимающих устройств потребителя. Потребители на генераторном напряжении должны оплачивать эти услуги по ставке на содержание сетей, которая устанавливается исключительно в двухставочном тарифе. Полномочиями по утверждению тарифа наделяются органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации в области государственного регулирования тарифов. Субъекты электроэнергетики обязаны применять тарифы в соответствии с решениями регулирующих органов и не вправе самостоятельно их изменять.

Доводы ответчика о том, что обязательства гарантирующего поставщика перед сетевой компанией обусловлены выбором его потребителей, несостоятельны, так как выбор потребителей ограничивается нормативными предписаниями, обязательными к применению в отношениях между всеми субъектами электроэнергетики.

Таким образом, выводы судов о правомерности применения в расчетах между сторонами спора усеченного тарифа, предложенного гарантирующим поставщиком, противоречит ст. 424 ГК РФ, п. 4 ст. 23¹ Закона об электроэнергетике, п. 55 Методических указаний.

Определение № 310-ЭС14-8432

3. Выбор варианта тарифа при оплате стоимости услуг по передаче электроэнергии предопределяется условиями технологического присоединения электросетей.

Между сетевой и сбытовой компаниями заключен договор возмездного оказания услуг по передаче электроэнергии по сетям сетевой компании до энергопринимающих устройств предприятия (потребителя).

Сетевая компания отрицала факт присоединения предприятия к своим сетям через энергетические установки производителя электроэнергии и рассчитала стоимость услуг исходя из тарифов, предусмотренных для каждого из уровней напряжения, на котором осуществлено присоединение предприятия (высокого – ВН и среднего – СН-1), а также величин мощности на этих уровнях.

Сбытовая компания настаивала на присоединении предприятия к сетевой компании через энергетические установки производителя электроэнергии и оплатила стоимость услуг по тарифу, установленному для наиболее высокого уровня напряжения (ВН), на котором присоединены сети сетевой компании к производителю, и всего суммарного объема мощности.

Ссылаясь на данные обстоятельства, сетевая компания обратилась в суд с иском к сбытовой компании о взыскании задолженности за оказанные услуги, размер которой составила разница в расчетах, примененных сторонами.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, в удовлетворении исковых требований отказано.

Арбитражный суд округа своим постановлением отменил названные судебные акты и удовлетворил исковые требования.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации оставила постановление арбитражного суда округа без изменения по следующим основаниям.

Из системного толкования п. 1 ст. 424 ГК РФ, ст. 4 и 6 Федерального закона от 17 августа 1995 г. № 147-ФЗ «О естественных монополиях», п. 4 ст. 23¹ Федерального закона от 26 марта 2003 г. № 35-ФЗ «Об электроэнергетике», пп. 6, 46 – 48 Правил недискриминационного доступа к услугам по передаче электрической энергии и оказания этих услуг, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2004 г. № 861 и п. 81 Основ ценообразования в области регулируемых цен (тарифов) в электроэнергетике, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2011 г. № 1178, следует, что вариант тарифа, применяемый на услуги по передаче электроэнергии, императивно установлен законодательством и предопределен условиями технологического присоединения сетей.

Оплата ставки за содержание сетей согласно п. 55 Методических указаний по расчету регулируемых тарифов и цен на электрическую (тепловую) энергию на розничном (потребительском) рынке, утвержденных приказом Федеральной службы по тарифам от 6 августа 2004 г. № 20-э/2, обусловлена составом электросетевого оборудования сетевой компании, участвующим реально или потенциально в передаче

электроэнергии, и тем, что сетевая организация не несет расходов на передачу электроэнергии и на ее трансформацию на пониженные уровни напряжения, так как трансформация происходит на энергетических установках производителя.

Для разрешения данного спора определяющее значение имеют следующие признаки:

– опосредованность присоединения энергопринимающих устройств потребителя к сетям сетевой организации через энергетические установки производителя электроэнергии;

– уровень напряжения, на котором энергетические установки производителя электроэнергии присоединены к сетям сетевой организации по напряжению станции наиболее высокого уровня.

Судебными актами по другому делу, рассмотренному по спору между теми же лицами о взыскании задолженности за другой временной период на основании анализа документов о технологическом присоединении энергопринимающих устройств предприятия к сетям сетевой компании, а также актов первичного учета электроэнергии, отпускаемой производителем электроэнергии в энергосистему соответствующей территории, которыми сетевая компания подтвердила возможность перетока электроэнергии среднего уровня напряжения из сетей сетевой компании в энергопринимающие устройства предприятия минуя энергетические установки производителя электроэнергии, установлен факт отсутствия присоединения потребителя через энергетические установки производителя электроэнергии.

В судебном заседании представители предприятия подтвердили, что схема технологического присоединения энергопринимающих устройств и электросетей сторон не менялась.

В соответствии с п. 2 ст. 69 АПК РФ данные обстоятельства не подлежали доказыванию вновь при рассмотрении арбитражными судами настоящего дела, в котором участвуют те же лица.

Документами о технологическом присоединении и актами первичного учета электроэнергии, отпускаемой производителем электроэнергии в энергосистему региона, сетевая компания подтвердила возможность перетока электроэнергии среднего уровня напряжения из сетей сетевой компании в энергопринимающие устройства предприятия минуя энергетические установки производителя электроэнергии, что позволило опровергнуть факт присоединения потребителя через энергетические установки производителя электроэнергии.

В связи с этим арбитражный суд округа правомерно удовлетворил иск.

Определение № 305-ЭС14-240

4. Поставка товара, выполнение работ или оказание услуг в целях удовлетворения государственных или муниципальных нужд, в отсутствие государственного или муниципального контракта, не порождают у исполнителя право требовать оплаты соответствующего предоставления, за исключением случаев, когда законодательство предусматривает возможность размещения государственного или муниципального заказа у единственного поставщика.

Общество на основании доверенностей, выданных администрацией муниципального образования, оказало последнему услуги по представительству его интересов в суде.

Договор в письменной форме сторонами не заключался.

Ссылаясь на то, что администрация не оплатила оказанные услуги, общество обратилось в суд с иском о взыскании стоимости услуг как неосновательного обогащения.

Решением суда первой инстанции иски были удовлетворены. Суд исходил из того, что администрацией получено исполнение от общества, а следовательно, она должна осуществить встречное предоставление.

Постановлением суда апелляционной инстанции, оставленным без изменения постановлением арбитражного суда округа, отменено решение суда первой инстанции и отказано в удовлетворении исковых требований.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации оставила постановления суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа без изменения по следующим основаниям.

В соответствии с Федеральным законом от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – Закон о контрактной системе), а также пп. 1 и 2 ст. 72 БК РФ государственные органы, органы управления внебюджетными фондами, органы местного самоуправления, казенные учреждения и иные получатели средств федерального бюджета, бюджетов субъектов Российской Федерации или местных бюджетов могут вступать в договорные отношения только посредством заключения государственного и муниципального контракта. Государственный и муниципальный контракты размещаются на конкурсной основе и в пределах лимитов бюджетных обязательств.

Оказывая услуги без наличия муниципального контракта, заключение которого является обязательным в соответствии с нормами названного закона, общество не могло не знать, что работы выполняются им при отсутствии обязательства.

Следовательно, в силу п. 4 ст. 1109 ГК РФ не подлежит взысканию плата за фактически оказанные услуги для государственных и муниципальных нужд в отсутствие заключенного государственного или муниципального контракта.

Иной подход допускал бы поставку товаров, выполнение работ и оказание услуг для государственных или муниципальных нужд в обход норм Закона о контрактной системе (ст. 10 ГК РФ).

Вместе с тем в соответствии со ст. 93 Закона о контрактной системе возможно размещение заказа у единственного поставщика (подрядчика, исполнителя), в том числе в случаях, когда проведение предусмотренных законом конкурсных процедур было нецелесообразно в силу значительных временных затрат. К таким случаям могут быть отнесены закупки определенных товаров, работ, услуг вследствие аварии, иных чрезвычайных ситуаций природного или техногенного характера, непреодолимой силы, в случае возникновения необходимости в оказании медицинской помощи в экстренной форме либо в оказании медицинской помощи в неотложной форме, в том числе при заключении федеральным органом исполнительной власти контракта с иностранной организацией на лечение гражданина Российской Федерации за пределами территории Российской Федерации (при условии, что такие товары, работы, услуги не включены в утвержденный Правительством Российской Федерации перечень товаров, работ, услуг, необходимых для оказания гуманитарной помощи либо ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций природного или техногенного характера).

На основании этой нормы обстоятельствами, свидетельствующими о невозможности в конкретной ситуации заключить государственный или муниципальный контракт в установленном порядке, также являются случаи, в которых поставка товаров, выполнение работ или оказание услуг является обязательным для соответствующего исполнителя вне зависимости от волеизъявления сторон правоотношения, в связи с чем он не мог отказаться от выполнения данных действий даже в отсутствие государственного или муниципального контракта или истечения срока его действия.

При наличии указанных обстоятельств у исполнителя возникает право требования вознаграждения, которое может быть взыскано в судебном порядке.

В рассматриваемом деле оказанные обществом услуги не являлись ни социально значимыми, ни необходимыми.

Определение № 309-ЭС15-26

III. Процессуальные вопросы

5. Если действия третьего лица привели к увеличению судебных расходов других лиц, участвующих в деле, на нем лежит обязанность их возмещения в соответствующей части.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о пересмотре по новым обстоятельствам судебных актов по делу по иску общества о признании незаконным решения Роспатента.

В качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований относительно предмета спора, привлечена фирма, на основе возражений которой принято оспариваемое решение Роспатента.

Решением суда первой инстанции отменен ранее принятый по делу судебный акт и назначено предварительное заседание для нового рассмотрения дела.

Указанное решение обжаловалось фирмой в суды апелляционной и кассационной инстанций, которыми данный судебный акт оставлен без изменения.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и постановлением Суда по интеллектуальным правам, заявление общества удовлетворено, с Роспатента в пользу общества взысканы судебные расходы.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты в части взыскания судебных расходов, направила дело в указанной части на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

В настоящем деле Роспатент (ответчик) не возражал против удовлетворения заявления общества об отмене судебных актов по делу по новым обстоятельствам. Часть судебных расходов возникла у общества в результате действий фирмы по обжалованию решения об отмене ранее принятого по делу судебного акта, поскольку судебные заседания суда первой инстанции для рассмотрения дела по существу спора в связи с этим неоднократно откладывались.

Системное толкование ст. 40, 101, 110 АПК РФ предполагает включение в состав субъектов отношений по возмещению судебных расходов не только сторон соответствующего спора, но и иных лиц, к которым в числе прочих относятся третьи лица, не заявляющие самостоятельных требований относительно предмета спора.

Получив возможность пользоваться процессуальными правами, третье лицо принимает на себя и процессуальные обязанности, одной из которых является обязанность по возмещению судебных расходов.

Таким образом, у судов не имелось основания для взыскания всех судебных расходов общества с Роспатента и освобождения фирмы от

обязанности по возмещению судебных расходов истца в той мере, в которой она способствовала их возникновению.

Иное толкование могло бы привести к необоснованному обжалованию судебных актов третьими лицами без несения риска соответствующих неблагоприятных последствий.

Определение № 305-ЭС14-6827

IV. Практика рассмотрения дел, возникающих из административных и иных публичных отношений

6. При возврате излишне взысканных в принудительном порядке таможенных платежей на сумму таких платежей начисляются проценты со дня, следующего за днем взыскания, по день фактического возврата независимо от того, соблюден ли таможенным органом месячный срок возврата указанных денежных средств

В отношении общества таможенным органом принято решение о корректировке таможенной стоимости ввезенных товаров и зачете денежных средств, предоставленных ранее в качестве денежного залога, в счет погашения задолженности по уплате таможенных платежей.

По заявлению общества решением суда по другому делу указанное решение таможенного органа признано незаконным.

В течение месяца после подачи обществом заявления о возврате излишне взысканных таможенных платежей таможенный орган вернул денежные средства обществу.

Общество обратилось в суд с иском к таможенному органу о взыскании процентов, начисляемых в порядке, установленном ч. 6 ст. 147 Федерального закона от 27 октября 2010 г. № 311-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации» (далее – Закон о таможенном регулировании), на сумму излишне взысканных таможенных платежей.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, исковые требования удовлетворены. Суды исходили из того, что, поскольку таможенные платежи взысканы таможенным органом в принудительном порядке, то в силу ч. 6 ст. 147 Закона о таможенном регулировании при возврате излишне взысканных в соответствии с положениями гл. 18 данного закона таможенных пошлин, налогов проценты на их сумму начисляются со дня, следующего за днем взыскания, по день фактического возврата.

Арбитражный суд округа своим постановлением отменил решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции и отказал в удовлетворении исковых требований. Суд пришел к выводу, что проценты на сумму излишне взысканных таможенных платежей не начисляются, если возврат денежных средств осуществлен с соблюдением установленного в ч. 6 ст. 147 Закона о таможенном регулировании месячного срока возврата.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановление арбитражного суда округа, решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции оставила без изменения по следующим основаниям.

В соответствии с ч. 6 ст. 147 Закона о таможенном регулировании возврат излишне уплаченных или излишне взысканных таможенных пошлин, налогов производится по решению таможенного органа, который осуществляет администрирование данных денежных средств. Общий срок рассмотрения заявления о возврате, принятия решения о возврате и возврата сумм излишне уплаченных или излишне взысканных таможенных пошлин, налогов не может превышать один месяц со дня подачи заявления о возврате и представления всех необходимых документов. При нарушении указанного срока на сумму излишне уплаченных или излишне взысканных таможенных пошлин, налогов, не возвращенную в установленный срок, начисляются проценты за каждый день нарушения срока возврата. При возврате излишне взысканных в соответствии с положениями гл. 18 данного закона таможенных пошлин, налогов проценты на сумму излишне взысканных таможенных пошлин, налогов начисляются со дня, следующего за днем взыскания, по день фактического возврата. Процентная ставка принимается равной ставке рефинансирования Центрального банка Российской Федерации, действовавшей в период нарушения срока возврата.

Из буквального толкования положений приведенной нормы следует, что в случае возврата таможенных платежей, излишне взысканных в принудительном порядке, проценты подлежат начислению в любом случае, независимо от того, был нарушен таможенным органом месячный срок возврата подобных таможенных платежей или нет.

Указанная мера является дополнительной гарантией защиты прав граждан и юридических лиц от незаконных действий (бездействия) органов государственной власти и направлена на реализацию принципа охраны частной собственности (ч. 1 ст. 35, ст. 52 и 53 Конституции Российской Федерации).

Определение № 303-КГ14-7912

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

1. Квалификация преступлений

1. Причинение смерти по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей не влечет уголовной ответственности, если между действиями (бездействием) лица и наступившими последствиями отсутствует причинно-следственная связь.

Установлено, что Б., работая воспитателем детского оздоровительно-образовательного лагеря, оставила на футбольном поле без должного присмотра восьмилетнего К., который схватился руками за горизонтальную перекладину футбольных ворот и стал раскачиваться. После кратковременного раскачивания произошло падение металлической конструкции футбольных ворот на малолетнего К., которому в результате ударного воздействия был причинен тяжкий вред здоровью, повлекший его смерть на месте происшествия.

Действия Б. квалифицированы судом по ч. 2 ст. 109 УК РФ как причинение смерти по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения своих профессиональных обязанностей.

В кассационной жалобе осужденная Б. просила приговор отменить и уголовное дело прекратить, поскольку между ее действиями и наступившими последствиями нет причинно-следственной связи. Ссылаясь на то, что судом не установлено и в судебных решениях не указано, какие именно профессиональные обязанности ею нарушены, а причиной смерти потерпевшего явилось отсутствие надлежащей проверки спортивного сооружения (футбольных ворот), которые не отвечали требованиям техники безопасности.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила приговор и все последующие судебные решения в отношении Б. и уголовное дело прекратила в соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ за отсутствием в ее деянии состава преступления, признав за ней право на реабилитацию. Судебная коллегия мотивировала свое решение следующим.

По смыслу ч. 2 ст. 109 УК РФ под ненадлежащим исполнением профессиональных обязанностей виновным понимается поведение лица, полностью или частично не соответствующее официальным требованиям или предписаниям, предъявляемым к лицу, в результате чего наступает смерть потерпевшего. Обязательным условием для привлечения лица к уголовной ответственности является установление правовых предписаний, регламентирующих поведение лица в той или

иной профессиональной сфере. Отсутствие соответствующей правовой нормы (правил поведения) свидетельствует и об отсутствии самого общественно опасного деяния, поскольку в таком случае нельзя установить отношение лица к тем или иным правовым предписаниям (профессиональным обязанностям).

Кроме того, несовершение необходимого действия либо совершение запрещаемого действия должно быть обязательным условием наступившего последствия, то есть таким условием, устранение которого (или отсутствие которого) предупреждает последствие.

Из материалов дела и акта судебно-медицинской экспертизы следует, что смерть потерпевшего К. наступила от черепно-мозговой травмы, полученной в результате падения на него металлической конструкции футбольных ворот. Таким образом, причиной смерти потерпевшего стало падение на него футбольных ворот, которые не были надлежащим образом закреплены и не соответствовали техническим требованиям, предъявляемым к спортивным сооружениям.

Однако в должностные обязанности воспитателя лагеря Б., как это следует из документов, регламентирующих ее деятельность, не входила обязанность по проверке технического состояния спортивных сооружений.

Судом установлено, что в нарушение требований приказа Комитета по физической культуре Российской Федерации от 1 апреля 1993г. № 44 «Об обеспечении безопасности и профилактики травматизма при занятиях физкультурой и спортом», Государственных стандартов Российской Федерации ГОСТ Р 52025-2003 и ГОСТ Р 52024-2003 были допущены в эксплуатацию несертифицированные футбольные ворота, не отвечающие требованиям техники безопасности.

Более того, из материалов дела следует, что техническое состояние ворот, упавших на потерпевшего, а также иных спортивных сооружений, имеющих на территории оздоровительного учреждения, не проверялось ни комиссией по приемке организации отдыха детей и их оздоровления, ни директором лагеря, ни физруком, в должностной инструкции которого содержится обязанность осуществлять контроль за состоянием и эксплуатацией имеющихся спортивных сооружений.

Тем самым судом установлен факт допуска в эксплуатацию несертифицированных футбольных ворот, не отвечающих требованиям безопасности, о чем осужденной не было известно. В приговоре не приведены правовые предписания, обязывающие Б. проверять техническое состояние спортивных сооружений, осуществлять их эксплуатацию. При этом осужденная не предвидела возможности наступления смерти потерпевшего от своих действий (бездействия) и по обстоятельствам дела не могла предвидеть наступления тяжких

последствий в результате падения незакрепленной надлежащим образом конструкции футбольных ворот.

При таких данных допущенные Б. нарушения не являются уголовно наказуемыми, поскольку не содержат одного из признаков объективной стороны состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 109 УК РФ, каковым является причинно-следственная связь между действиями (бездействием) и наступившими последствиями.

Определение № 13-УД15-1

2. Согласно п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ действия лица образуют состав грабежа лишь в том случае, если во время открытого хищения чужого имущества, насилие, не опасное для жизни и здоровья, применяется с целью завладения имуществом потерпевшего или для удержания похищенного.

Т. признан виновным в открытом хищении шапки Х., совершенном с применением насилия, не опасного для жизни и здоровья потерпевшего, и осужден по пп. «в», «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ.

В кассационной жалобе осужденный оспаривал квалификацию его действий в отношении потерпевшего Х., поскольку, квалифицируя его действия как грабеж с применением насилия, не опасного для жизни и здоровья, суд, вместе с тем, указал в приговоре, что удары потерпевшему он нанес на почве личных неприязненных отношений.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации изменила приговор в связи с неправильным применением уголовного закона, указав следующее.

Согласно уголовному закону квалификации по п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ подлежит такое открытое хищение чужого имущества, в ходе которого насилие, не опасное для жизни и здоровья, применяется с целью завладения имуществом потерпевшего или для удержания похищенного.

Между тем установленные судом фактические обстоятельства дела указывают на то, что насилие в отношении потерпевшего Х. со стороны осужденного применялось на почве личных неприязненных отношений. Каких-либо данных, свидетельствующих о применении осужденным насилия с целью завладения имуществом потерпевшего либо удержания похищенного, в судебном заседании не установлено и в приговоре не приведено.

Из имеющихся в деле доказательств следует, что, когда потерпевший после конфликта с осужденным и нанесением обоюдных ударов зашел в помещение магазина, забыв подобрать слетевшую с головы шапку, осужденный тайно похитил ее.

Таким образом, вывод суда о том, что насилие к потерпевшему Х. осужденным применено с целью завладения его имуществом, противоречит установленным судом обстоятельствам, при которых было совершено преступление.

С учетом изложенного Судебная коллегия изменила приговор и переквалифицировала действия Т. с пп. «в», «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ на ч.1 ст. 158 УК РФ (хищение шапки у Х.) и ст. 116 УК РФ (в редакции Федерального закона от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ).

Уголовное дело по ст. 116 УК РФ прекращено на основании п. 5 ч. 1 ст. 24 УПК РФ за отсутствием заявления потерпевшего.

Определение № 69-УД15-11

II. Назначение наказания

3. Если сообщение лица о совершенном с его участием преступлении в совокупности с другими доказательствами учтено судом в качестве доказательства, то данное сообщение может рассматриваться как явка с повинной и в том случае, когда лицо впоследствии изменило свои показания.

По приговору суда И. осужден по пп. «а», «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ к 18 годам лишения свободы.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации изменила приговор в части назначенного И. наказания, мотивировав свое решение следующим.

Как видно из приговора, суд при назначении наказания И. не признал наличие как отягчающих, так и смягчающих наказание обстоятельств.

Вместе с тем из приговора усматривается, что суд, обосновывая свой вывод о виновности И. в совершении инкриминируемого ему преступления, сослался на исследованные доказательства, в том числе и на явку с повинной.

На основании п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ явка с повинной относится к обстоятельствам, смягчающим наказание.

Однако, исследовав явку с повинной И. в судебном заседании и сославшись на нее в приговоре как на доказательство, суд не высказал по данному вопросу каких-либо суждений, в том числе о признании либо непризнании указанного обстоятельства в качестве смягчающего наказание осужденного.

По смыслу закона, если сообщение лица о совершенном с его участием преступлении в совокупности с другими доказательствами положено судом в основу приговора, то данное сообщение может

рассматриваться как явка с повинной и в том случае, когда лицо в ходе предварительного расследования или в судебном заседании изменило свои показания.

В силу изложенного Судебная коллегия изменила приговор и признала в качестве обстоятельства, смягчающего наказание осужденного, его явку с повинной и смягчила назначенное И. наказание по пп. «а», «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ до 17 лет 10 месяцев лишения свободы.

Определение № 13-УД15-3

4. Совершение должностного преступления сотрудником органа внутренних дел предусмотрено ст. 290 УК РФ в качестве признака преступления и, согласно ч. 2 ст. 63 УК РФ, не может повторно учитываться при назначении наказания.

С. признан виновным и осужден за то, что, являясь должностным лицом, сотрудником полиции, получил от граждан взятку в виде денег за совершение незаконных действий (бездействие) в пользу взяткодателей, с использованием своих служебных полномочий, в крупном размере. Он же совершил хищение чужого имущества - мошенничество путем обмана, в крупном размере.

Действия С. квалифицированы судом по п. «в» ч. 5 ст. 290 УК РФ и ч. 3 ст. 159 УК РФ.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации рассмотрела уголовное дело по апелляционной жалобе осужденного и изменила приговор, указав следующее.

Как следует из описательно-мотивировочной части приговора, решая вопрос о назначении вида и размера наказания в отношении осужденного, суд указал на наличие отягчающего наказание обстоятельства – совершение умышленного преступления сотрудником органа внутренних дел.

Между тем исходя из положений ч. 2 ст. 63 УК РФ обстоятельства, относящиеся к признакам состава преступления, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК РФ, должны учитываться при оценке судом характера и степени общественной опасности содеянного. Однако эти же обстоятельства не могут повторно учитываться при назначении наказания.

Квалифицируя действия С. по п. «в» ч. 5 ст. 290 УК РФ, суд не принял во внимание, что суть этого преступления заключается в том, что должностное лицо получает заведомо незаконное вознаграждение за свое служебное поведение в связи с занимаемой им должностью, что и было установлено по настоящему делу. То есть пребывание С. в должности начальника отдела полиции в период получения им

денежного вознаграждения за свои незаконные действия (бездействие) относится к субъекту преступления, предусмотренного ст. 290 УК РФ.

Однако при постановлении приговора в отношении С. по п. «в» ч. 5 ст. 290 УК РФ судом было назначено наказание с учетом отягчающего наказание обстоятельства, предусмотренного п. «о» ч. 1 ст. 63 УК, что ухудшает положение осужденного.

Учитывая изложенное Судебная коллегия изменила приговор и исключила из его описательно-мотивировочной части указание на отягчающее наказание обстоятельство применительно к п. «в» ч. 5 ст. 290 УК РФ – совершение умышленного преступления сотрудником органа внутренних дел.

Определение № 87-АП/15-3СС

5. Согласно ст. 81 УК РФ при рассмотрении в порядке исполнения приговора вопросов, связанных с освобождением осужденного от наказания в связи с болезнью, определяющее значение имеет наличие у лица заболевания, препятствующего отбыванию наказания, а не его поведение в период отбывания наказания.

По приговору суда И. осужден по ч. 4 ст. 159 УК РФ к 5 годам лишения свободы.

И. обратился в суд с ходатайством об освобождении его от отбывания наказания в связи с болезнью.

Рассматривая данное ходатайство, суд пришел к выводу о том, что осужденный страдает заболеванием, которое входит в соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 6 февраля 2004 г. № 54 в перечень заболеваний, препятствующих отбыванию наказания.

Однако с учетом того, что осужденный получает регулярное лечение, сведений о наличии у него родственников или близких лиц, которые могут и согласны осуществлять уход за ним в случае его освобождения, суду не представлено, И. совершил совокупность преступлений, в том числе тяжкое, отбывает наказание в обычных условиях содержания, имеет единственное поощрение от администрации колонии, характеризуется неопределенностью в поведении, имеет задолженность по исковым обязательствам и мер к ее погашению не принимает, суд пришел к выводу, что И. нуждается в дальнейшем отбывании назначенного ему наказания.

Постановлением суда осужденному было отказано в удовлетворении ходатайства об освобождении от отбывания наказания в связи с болезнью.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила постановление суда и освободила И. от дальнейшего отбывания наказания, назначенного ему по приговору суда, на основании ч. 2 ст. 81 УК РФ в связи с болезнью, указав следующее.

В силу ч. 2 ст. 81 УК РФ лицо, заболевшее после совершения преступления иной тяжелой болезнью, препятствующей отбыванию наказания, может быть судом освобождено от отбывания наказания.

В соответствии с действующим законодательством суды не вправе отказать в освобождении от отбывания наказания по основаниям, не указанным в законе, в том числе таким, как тяжесть совершенного преступления и условия содержания.

В тех случаях, когда вред, причиненный преступлением, не возмещен в силу объективных причин, суд также не вправе отказать в освобождении от наказания только на этом основании. Из представленных копий судебных документов усматривается, что решением суда на имущество осужденного обращено взыскание во исполнение приговора.

В суде второй инстанции сторона защиты заявила о готовности супруги осужденного к его содержанию и осуществлению ухода за ним.

Имеющаяся в материале характеристика на осужденного является положительной, а вывод о том, что за время отбывания наказания в исправительной колонии он характеризуется неопределенностью в поведении, не может служить основанием для отказа в освобождении осужденного от отбывания наказания в связи с болезнью. К тому же, как видно из характеристики, на момент обращения в ноябре 2013 года в суд с указанным ходатайством И. содержался в данном учреждении с 18 сентября 2013 г., то есть непродолжительное время.

Кроме того, согласно ст. 81 УК РФ при рассмотрении в порядке исполнения приговора вопросов, связанных с освобождением осужденного от наказания в связи с болезнью осужденного, предопределяющее значение имеет наличие у лица заболевания, препятствующего отбыванию наказания, а не его поведение в период отбывания наказания.

Определение № 85-УД15-5

III. Процессуальные вопросы

6. Суд вынес обоснованное решение о рассмотрении дела с участием присяжных заседателей в отношении всех подсудимых в связи с невозможностью выделения уголовного дела в отдельное производство, так как иное отразилось бы на всесторонности и объективности его разрешения.

По приговору суда, постановленного с участием присяжных заседателей, М. осужден по ч. 1 ст. 209, ч. 1 ст. 210, ч. 3 ст. 30 и пп. «е», «ж», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ и другим статьям УК РФ.

По этому же приговору Б., Х. и другие осуждены по ч. 2 ст. 209, ч. 1 ст. 210, ч. 3 ст. 30 и пп. «е», «ж», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ и другим статьям УК РФ.

В апелляционных жалобах адвокаты в защиту осужденного М. просили об отмене приговора ввиду нарушения судом права осужденного М. и других осужденных выбора формы судопроизводства, указывая на то, что ходатайство о рассмотрении дела судом присяжных заявил только осужденный В. и суд обязан был выделить материалы в отношении его в отдельное производство.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации оставила приговор без изменения, а апелляционные жалобы без удовлетворения.

Согласно протоколу судебного заседания в порядке предварительного слушания ходатайство о рассмотрении дела судом присяжных было заявлено обвиняемым В. и поддержано обвиняемым Е. Одна часть обвиняемых оставила решение вопроса о форме судопроизводства на усмотрение суда, а другая, в том числе и обвиняемый М., возражала против рассмотрения дела судом с участием присяжных заседателей. Обвиняемый Б. отказался высказать свое мнение относительно формы судопроизводства, несмотря на то, что председательствующим ему неоднократно предлагалось выразить свое мнение по этому вопросу.

Суд, рассмотрев возможности выделения уголовного дела в отношении обвиняемого М. и других обвиняемых в отдельное производство, не нашел оснований для принятия соответствующего процессуального решения, поскольку это препятствовало бы всесторонности, объективности разрешения уголовного дела, выделенного в отдельное производство, и уголовного дела, рассматриваемого судом с участием присяжных заседателей.

Согласно положениям чч. 2 и 5 ст. 325 УПК РФ уголовное дело, в котором участвует несколько подсудимых, рассматривается судом с участием присяжных заседателей в отношении всех подсудимых, если хотя бы один из них заявляет ходатайство о рассмотрении уголовного дела судом в данном составе. Постановление судьи о рассмотрении уголовного дела с участием присяжных заседателей является окончательным. Последующий отказ подсудимого от рассмотрения уголовного дела судом с участием присяжных заседателей не принимается.

При таких данных принятое судом решение об удовлетворении ходатайства обвиняемого В., назначение и проведение судебного

заседания с участием присяжных заседателей полностью соответствует требованиям уголовно-процессуального закона и не нарушает процессуальные права обвиняемого М. и остальных обвиняемых.

Особенности рассмотрения уголовного дела судом с участием присяжных заседателей, в том числе юридические последствия вердикта и порядок его обжалования, обвиняемым были разъяснены.

Разногласия между обвиняемыми о форме судопроизводства, в соответствии с которой подлежало рассмотрению уголовное дело, возникли не из-за допущенных судом нарушений требований закона, а в связи с различиями в позиции защиты, занятой каждым из обвиняемых по делу. Интересы всех обвиняемых защищали профессиональные адвокаты, и они имели возможность консультироваться с защитниками в том числе и по вопросу о форме судопроизводства по данному делу.

Определение № 29-АПУ15-1СП

7. Суд апелляционной инстанции в пределах своих полномочий вправе признать смягчающими наказание любые установленные в судебном заседании обстоятельства, в том числе и не предусмотренные ч. 1 ст. 61 УК РФ.

По приговору суда от 7 августа 2014 г. П. осужден по ч. 1 ст. 286 УК РФ к 1 году 6 месяцам лишения свободы с отбыванием наказания в колонии-поселении.

Апелляционным постановлением Новосибирского областного суда от 13 октября 2014 г. приговор изменен и в соответствии со ст. 73 УК РФ наказание, назначенное П. по ч. 1 ст. 286 УК РФ в виде 1 года 6 месяцев лишения свободы, определено считать условным с испытательным сроком 1 год.

Президиум Новосибирского областного суда 5 декабря 2014 г., рассмотрев уголовное дело по кассационному представлению прокурора, отменил апелляционное постановление от 13 октября 2014 г. и направил уголовное дело на новое апелляционное рассмотрение.

Апелляционным постановлением от 28 января 2015 г. приговор от 7 августа 2014 г. оставлен без изменения.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила постановление президиума от 5 декабря 2014 г. и апелляционное постановление от 28 января 2015 г., указав следующее.

В соответствии со ст. 401⁶ УПК РФ пересмотр в кассационном порядке приговора, определения, постановления суда по основаниям, влекущим ухудшение положения осужденного, оправданного, лица, в отношении которого уголовное дело прекращено, допускается, если в

ходе судебного разбирательства были допущены повлиявшие на исход дела нарушения закона, искажающие саму суть правосудия и смысл судебного решения как акта правосудия.

Как видно из представленных материалов, суд апелляционной инстанции при пересмотре постановленного в отношении П. приговора признал в качестве обстоятельства, смягчающего наказание, его активное содействие раскрытию и расследованию преступления, выразившееся в том, что в ходе опроса до возбуждения уголовного дела П. давал пояснения относительно обстоятельств совершения им преступления; впоследствии при допросах в качестве подозреваемого и обвиняемого, а также в судебном заседании он полностью признал вину и заявил ходатайство о рассмотрении уголовного дела в порядке особого судопроизводства.

Президиум Новосибирского областного суда, отменяя апелляционное постановление от 13 октября 2014 г. и направляя дело на новое апелляционное рассмотрение, пришел к выводу, что данное решение суда противоречит требованиям норм Общей части уголовного закона (ст. 60 и 61 УК РФ).

Вместе с тем указанные в постановлении президиума доводы о том, что судом апелляционной инстанции при признании в качестве обстоятельства, смягчающего наказание, активного содействия П. раскрытию и расследования преступления допущены нарушения уголовного закона, являющиеся существенными, искажающими суть правосудия и смысл судебного решения как акта правосудия, необоснованно, поскольку в соответствии с ч. 2 ст. 61 УК РФ суд вправе признать смягчающими наказание любые установленные в судебном заседании обстоятельства, в том числе и не предусмотренные ч. 1 ст. 61 УК РФ.

Суд апелляционной инстанции в пределах своих полномочий, предусмотренных п. 9 ч. 1 ст. 389²⁰ и п. 1 ч. 1 ст. 389²⁶ УПК РФ, вправе был смягчить назначить осужденному наказание.

Таким образом, президиумом Новосибирского областного суда при рассмотрении уголовного дела были допущены существенные нарушения уголовного и уголовно-процессуального закона, повлиявшие на исход дела, что, в соответствии с ч. 1 ст. 401¹⁵ УПК РФ, является основанием к отмене постановления суда кассационной инстанции.

Исходя из изложенного Судебная коллегия отменила кассационное постановление президиума от 5 декабря 2014 г. и апелляционное постановление от 28 января 2015 г.

Определение № 67-УД15-4

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО АДМИНИСТРАТИВНЫМ ДЕЛАМ

1. Действующее законодательство не наделяет нотариуса полномочиями по выдаче документа, удостоверяющего личность гражданина Российской Федерации.

С. обратился в суд с заявлением, в котором просил обязать территориальный орган Федеральной миграционной службы (далее – заинтересованное лицо) произвести его регистрацию по месту пребывания.

В обоснование заявления указал, что является гражданином Российской Федерации, по религиозным убеждениям не желает оформлять и получать паспорт гражданина Российской Федерации, однако у него имеется выданное нотариусом свидетельство об удостоверении тождественности лица, изображенного на фотографической карточке (далее – свидетельство), которое следует считать документом, удостоверяющим личность. Заинтересованным лицом отказано в осуществлении регистрационного учета в связи с непредставлением паспорта гражданина Российской Федерации, при этом указано, что свидетельство не может рассматриваться в качестве документа, удостоверяющего личность гражданина Российской Федерации.

Решением районного суда, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, требования С. удовлетворены.

Суды исходили из того, что паспорт гражданина Российской Федерации не является единственным документом, удостоверяющим личность гражданина Российской Федерации, и его отсутствие не может служить основанием для ограничения предусмотренных Конституцией Российской Федерации прав и свобод человека и гражданина, в связи с этим представленное С. свидетельство является документом, удостоверяющим его личность.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации названные судебные акты отменила и приняла новое решение об отказе в удовлетворении заявления С. по следующим основаниям.

Статья 3 Закона Российской Федерации от 25 июня 1993 г. № 5242-1 «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» предусматривает, что граждане Российской Федерации обязаны регистрироваться по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации. При регистрации по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации граждане

Российской Федерации представляют заявления по форме, установленной федеральным органом исполнительной власти, уполномоченным на осуществление функций по контролю и надзору в сфере миграции, и иные документы, предусмотренные названным законом и правилами регистрации и снятия граждан Российской Федерации с регистрационного учета по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации.

Правила регистрации и снятия граждан Российской Федерации с регистрационного учета по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации утверждаются Правительством Российской Федерации.

Согласно п. 5 Правил регистрации и снятия граждан Российской Федерации с регистрационного учета по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 17 июля 1995 г. № 713, документами, удостоверяющими личность граждан Российской Федерации, необходимыми для осуществления регистрационного учета, являются: паспорт гражданина Российской Федерации, удостоверяющий личность гражданина Российской Федерации на территории Российской Федерации; паспорт гражданина СССР, удостоверяющий личность гражданина Российской Федерации, до замены его в установленный срок на паспорт гражданина Российской Федерации; свидетельство о рождении – для лиц, не достигших 14-летнего возраста; паспорт, удостоверяющий личность гражданина Российской Федерации за пределами Российской Федерации, – для лиц, постоянно проживающих за пределами Российской Федерации.

В силу п. 1 Положения о паспорте гражданина Российской Федерации, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 8 июля 1997 г. № 828, паспорт гражданина Российской Федерации является основным документом, удостоверяющим личность гражданина Российской Федерации на территории Российской Федерации. Паспорт обязаны иметь все граждане Российской Федерации, достигшие 14-летнего возраста и проживающие на территории Российской Федерации.

Основы законодательства Российской Федерации о нотариате предусматривают, что нотариус удостоверяет тождественность личности гражданина с лицом, изображенным на представленной этим гражданином фотографии. При совершении нотариального действия нотариус устанавливает личность обратившегося за совершением нотариального действия гражданина на основании паспорта или других документов, исключающих любые сомнения относительно личности гражданина, обратившегося за совершением нотариального действия (ст. 84, 42).

Закон не относит нотариуса к числу органов государственной власти или должностных лиц, наделенных в установленном порядке полномочиями по выдаче документа, удостоверяющего личность гражданина Российской Федерации, в связи с этим свидетельство об удостоверении тождественности лица, изображенного на фотографической карточке, не может рассматриваться в качестве такого документа.

Паспорт гражданина Российской Федерации не является единственным документом, удостоверяющим личность гражданина Российской Федерации, однако это обстоятельство не позволяет гражданину произвольно, по своему усмотрению представлять тот или иной документ в качестве удостоверяющего личность.

Судебная коллегия также указала, что С. не лишен возможности получить временное удостоверение личности, выдаваемое уполномоченным органом при утрате паспорта гражданина Российской Федерации. Такой документ не является паспортом, но признается надлежащим документом, удостоверяющим личность гражданина Российской Федерации, в том числе и при осуществлении регистрационного учета.

При таких обстоятельствах оснований для признания незаконным отказа территориального органа Федеральной миграционной службы в регистрации С. по месту пребывания в связи непредставлением документа, удостоверяющего личность, не имелось.

Определение № 86-КГ15-5

2. Соответствие критериям, определенным уполномоченным федеральным органом исполнительной власти, является основанием для включения гражданина в реестр граждан, чьи денежные средства привлечены для строительства многоквартирных домов и чьи права нарушены.

Решением уполномоченного органа субъекта Российской Федерации К. отказано во включении в реестр граждан, чьи денежные средства привлечены для строительства многоквартирных домов и чьи права нарушены (далее – Реестр), по причине несоответствия заявителя критериям отнесения граждан, чьи денежные средства привлечены для строительства многоквартирных домов и чьи права нарушены, к числу пострадавших, утвержденным приказом Минрегиона России от 20 сентября 2013 г. № 403 (далее – Критерии).

К. обратился суд с заявлением о признании этого решения незаконным, возложении на уполномоченный орган обязанности включить его в Реестр.

Решением районного суда требования К. удовлетворены. Суд установил, что заявитель соответствует Критериям, поскольку застройщик, привлекая денежные средства К. для строительства многоквартирного дома, просрочил исполнение своих обязательств более чем на девять месяцев, строительство секции жилого дома, в котором расположена квартира, являющаяся предметом договора долевого участия в строительстве, не велось, квартира в собственность К. не передана, при этом оплата по указанному договору произведена К. в полном объеме. Денежные средства, уплаченные К. в соответствии с условиями договора, впоследствии взысканы с общества решением суда, однако общество признано банкротом, денежные средства К. до настоящего времени не получены.

Суд апелляционной инстанции указанное решение суда отменил, принял новое решение об отказе в удовлетворении заявления, указав, что К. не относится к числу пострадавших лиц – граждан, чьи денежные средства привлечены для строительства многоквартирных домов и чьи права нарушены, поскольку право требования исполнения обязательств по передаче ему квартиры им утрачено.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила судебный акт суда апелляционной инстанции и оставила в силе решение суда первой инстанции по следующим основаниям.

В соответствии с ч. 7 ст. 23 Федерального закона от 30 декабря 2004 г. № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» контролирующий орган признает в соответствии с установленными уполномоченным органом критериями граждан, чьи денежные средства привлечены для строительства многоквартирных домов и чьи права нарушены, пострадавшими и ведет реестр таких граждан.

Приказом Минрегиона России от 20 сентября 2013 г. № 403 утверждены Критерии, а также правила ведения реестра граждан, чьи денежные средства привлечены для строительства многоквартирных домов и чьи права нарушены.

Критериями отнесения граждан, чьи денежные средства привлечены для строительства многоквартирных домов и чьи права нарушены, к числу пострадавших является просрочка исполнения перед гражданином обязательств по сделке, предусматривающей привлечение денежных средств гражданина для строительства многоквартирного дома застройщиком или иным лицом, привлекшим денежные средства гражданина для строительства многоквартирного дома, более чем на девять месяцев (в том числе по незаключенным договорам или

недействительным сделкам, обязательства по которым со стороны гражданина исполняются (исполнены) (п. 3 ч. 2 Критериев).

Судом установлено, что между К. и обществом с ограниченной ответственностью был заключен договор долевого участия в строительстве, по условиям которого общество взяло на себя обязательство по строительству многоквартирного жилого дома и передаче К. в установленный срок жилого помещения. Оплата по договору произведена К. в полном объеме, однако общество принятые на себя обязательства не исполнило, просрочка исполнения обязательств составила более девяти месяцев.

Заочным решением суда указанный договор долевого участия в строительстве был признан незаключенным, с общества в пользу К. взысканы уплаченные по договору денежные средства.

Решением арбитражного суда общество признано банкротом, определением этого суда К. включен в реестр требований кредиторов общества.

Вместе с тем до настоящего времени взысканные судом с общества денежные средства К. получены не были.

При таких обстоятельствах судебная коллегия пришла к выводу о том, что правовые основания для отказа в удовлетворении заявления К. отсутствовали. То обстоятельство, что договор долевого участия в строительстве впоследствии признан судом незаключенным, правового значения для разрешения дела не имеет, поскольку исходя из приведенных выше норм просрочка исполнения перед гражданином обязательств по сделке, в том числе по незаключенным договорам, более чем на девять месяцев является критерием отнесения граждан, чьи денежные средства привлечены для строительства многоквартирных домов и чьи права нарушены, к числу пострадавших.

Определение № 46-КГ15-15

3. Определение оснований, порядка, размера и условий предоставления дополнительных мер социальной поддержки отдельных категорий граждан относится к полномочиям субъекта Российской Федерации.

Законодательным Собранием Еврейской автономной области 30 мая 2011 г. принят Закон № 939-ОЗ «О мерах социальной поддержки отдельных категорий граждан в Еврейской автономной области» (далее – Закон № 939-ОЗ), действие которого распространяется в том числе на проживающих на территории Еврейской автономной области ветеранов труда.

Часть 4 ст. 2 этого закона предусматривает, что порядок финансирования и предоставления социальных услуг, мер социальной поддержки и выплаты компенсаций, порядок начисления и осуществления ежемесячной денежной выплаты определяются правительством области.

Меры социальной поддержки, установленные названным законом, финансируются из средств областного бюджета (п. 1 ст. 13 Закона № 939-ОЗ).

Абзацем первым ст. 12 Закона № 939-ОЗ предусмотрено право приобретения единого социального проездного билета, дающего право на проезд на автомобильном транспорте общего пользования (кроме такси) в границах населенных пунктов, а также от границ города Биробиджана и районных центров на расстояние до 50 километров включительно лицам, меры социальной поддержки которых установлены этим законом.

Постановлением правительства Еврейской автономной области от 17 августа 2007 г. № 231-пп утверждено Положение о едином социальном проездном билете на территории Еврейской автономной области, п. 1 которого определено, что названный билет действителен при предъявлении гражданином удостоверения, подтверждающего право на получение мер социальной поддержки в соответствии с законодательством Российской Федерации и Еврейской автономной области. В обращение введено две формы единого социального проездного билета, содержащего книжку контрольных талонов в количестве 70 штук либо 50 штук с соответствующим уровнем защиты от фальсификации. Соответствующим нормативным правовым актом также утверждена стоимость единого социального проездного билета для проезда автомобильным транспортом общего пользования городского и пригородного сообщения (кроме такси) на территории Еврейской автономной области и установлена номинальная стоимость одного контрольного талона единого социального проездного билета.

Законом Еврейской автономной области от 29 октября 2014 г. № 595-ОЗ «О внесении изменений в статью 12 Закона Еврейской автономной области «О мерах социальной поддержки отдельных категорий граждан в Еврейской автономной области», вступившим в силу 1 декабря 2014 г., ст. 12 дополнена абзацем третьим, согласно которому право приобретения единого социального проездного билета, содержащего книжку контрольных талонов в количестве 50 штук либо 70 штук с соответствующим уровнем защиты от фальсификации, предоставляется гражданам один раз в месяц независимо от того, воспользовался ли гражданин данным правом в прошедшем периоде.

Прокурор Еврейской автономной области обратился в суд с заявлением о признании абзаца третьего ст. 12 Закона № 939-ОЗ

противоречащим федеральному законодательству и недействующим в части ограничения количества поездок ветеранов труда на автомобильном транспорте общего пользования (кроме такси) в границах населенных пунктов, а также от границ города Биробиджана и районных центров на расстояние до 50 километров включительно, полагая, что такое правовое регулирование уменьшает объем предоставляемых указанным лицам мер социальной поддержки.

Решением суда Еврейской автономной области в удовлетворении требований прокурора отказано. Суд исходил из того, что оспариваемое нормативное положение не противоречит федеральному законодательству, принято уполномоченным органом и не нарушает прав, свобод и законных интересов отдельных категорий граждан, в том числе ветеранов труда.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации указанное решение суда оставила без изменения, указав следующее.

Правовые гарантии социальной защиты ветеранов в Российской Федерации в целях создания условий, обеспечивающих им достойную жизнь, активную деятельность, почет и уважение в обществе, установлены Федеральным законом от 12 января 1995 г. № 5-ФЗ «О ветеранах». При этом данным законом не предусмотрена такая мера социальной поддержки ветеранов, в том числе ветеранов труда, как бесплатный проезд на городском и пригородном автомобильном транспорте.

В силу п. 2 ст. 10, ст. 22 названного федерального закона меры социальной поддержки ветеранов труда, а также граждан, приравненных к ним по состоянию на 31 декабря 2004 г., определяются законами и иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации и являются расходными обязательствами субъекта Российской Федерации.

Согласно ст. 12 Закона № 939-ОЗ, действие которого распространяется в том числе на проживающих на территории Еврейской автономной области ветеранов труда, лицам, меры социальной поддержки которых установлены этим законом, предоставляется право приобретения единого социального проездного билета, дающего право на проезд на автомобильном транспорте общего пользования (кроме такси) в границах населенных пунктов, а также от границ города Биробиджана и районных центров на расстояние до 50 километров включительно.

В соответствии с подп. 12 и 24 п. 2, пп. 3.1 и 5 ст. 26.3 Федерального закона от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»

Федерации» к полномочиям органов государственной власти субъекта Российской Федерации по предметам совместного ведения, осуществляемым данными органами самостоятельно за счет средств бюджета субъекта Российской Федерации (за исключением субвенций из федерального бюджета), относится в том числе решение вопросов организации транспортного обслуживания населения, социальной поддержки ветеранов труда и др.

В соответствии со ст. 26.3-1 названного федерального закона органы государственной власти субъекта Российской Федерации вправе устанавливать за счет средств бюджета субъекта Российской Федерации (за исключением финансовых средств, передаваемых из федерального бюджета бюджету субъекта Российской Федерации на осуществление целевых расходов) дополнительные меры социальной поддержки и социальной помощи для отдельных категорий граждан, в том числе исходя из установленных законами и иными нормативными правовыми актами субъекта Российской Федерации критериев нуждаемости, вне зависимости от наличия в федеральных законах предписаний, устанавливающих указанное право.

В силу положений ст. 8 Бюджетного кодекса Российской Федерации установление и исполнение расходных обязательств субъекта Российской Федерации относятся к бюджетным полномочиям названного публично-правового образования. При этом органы государственной власти субъекта Российской Федерации вправе самостоятельно определять направления расходования денежных средств своего бюджета (ст. 31 Кодекса).

Пунктом 2 ст. 85 Бюджетного кодекса Российской Федерации предусмотрено, что расходные обязательства субъекта Российской Федерации устанавливаются органами государственной власти субъекта Российской Федерации самостоятельно и исполняются за счет собственных доходов и источников покрытия субъекта Российской Федерации.

Таким образом, меры социальной поддержки, принимаемые с целью обеспечения равной доступности транспортных услуг для отдельных категорий граждан, в том числе ветеранов труда, являются дополнительными мерами социальной поддержки, в связи с этим определение оснований, порядка, размера и условий их реализации относится к полномочиям субъекта Российской Федерации и зависит от финансовых возможностей его бюджета.

Суд установил, что объем денежных средств на финансирование указанных мер социальной поддержки не только не снижен, но и ежегодно увеличивается.

При таких обстоятельствах оспариваемые положения закона субъекта Российской Федерации действующему федеральному

законодательству не противоречат, прав, свобод и законных интересов указанных прокурором лиц не нарушают.

Определение № 65-АПГ15-2

Практика применения Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях

4. Назначенное иностранному гражданину наказание изменено путем исключения административного выдворения за пределы Российской Федерации, поскольку данный гражданин на момент рассмотрения дела обратился в уполномоченный орган с заявлением о предоставлении ему статуса беженца или временного убежища на территории Российской Федерации, по итогам рассмотрения которого ему выдано свидетельство о рассмотрении ходатайства о признании беженцем по существу.

Постановлением судьи районного суда от 10 декабря 2013 г., оставленным без изменения постановлением заместителя председателя областного суда от 15 января 2015 г., иностранный гражданин признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 1¹ ст. 18.8 КоАП РФ и подвергнут административному наказанию в виде административного штрафа в размере 2000 руб. с административным выдворением за пределы Российской Федерации.

Из материалов дела об административном правонарушении следует, что иностранный гражданин прибыл в Российскую Федерацию в целях обучения в медицинской академии и был отчислен в октябре 2013 года, оформил транзитную визу для выезда из Российской Федерации, однако по окончании срока пребывания из Российской Федерации не выехал, с 19 октября 2013 г. продолжив проживать в Российской Федерации без постановки на миграционный учет, без документов, подтверждающих право на пребывание в Российской Федерации на законных основаниях.

Рассматривая поданную в Верховный Суд Российской Федерации жалобу лица, в отношении которого осуществляется производство по делу об административном правонарушении, судья Верховного Суда Российской Федерации с учетом конкретных обстоятельств данного дела усмотрел основания для изменения обжалуемого постановления в части назначенного наказания.

В силу ст. 3 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания от 10 декабря 1984 г. ни одно государство-участник не должно высылать, возвращать (refouler) или выдавать какое-либо лицо

другому государству, если существуют серьезные основания полагать, что ему может угрожать там применение пыток.

Аналогичная правовая позиция содержится в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 июня 2012 г. № 11 «О практике рассмотрения судами вопросов, связанных с выдачей лиц для уголовного преследования или исполнения приговора, а также передачей лиц для отбывания наказания».

В ходе производства по делу иностранный гражданин неоднократно заявлял о том, что опасается покинуть территорию Российской Федерации в связи с угрозой его жизни и здоровью ввиду ведения на территории Государства Палестина военных действий и сложившейся там нестабильной политической обстановки.

Посольство Государства Палестина в октябре 2013 года сообщило о том, что возвращение в Государство Палестина возможно только через территорию Египта.

В ноябре 2013 года иностранный гражданин обратился в уполномоченный орган с заявлением о предоставлении ему статуса беженца или временного убежища на территории Российской Федерации.

Между тем свидетельство о рассмотрении ходатайства о признании беженцем на территории Российской Федерации по существу было выдано иностранному гражданину лишь в марте 2015 года.

Федеральный закон от 19 февраля 1993 г. № 4528-1 «О беженцах» (далее – Закон о беженцах) определяет порядок признания лица беженцем.

Согласно пункту 7 Закона о беженцах свидетельство о рассмотрении ходатайства о признании беженцем по существу является документом, удостоверяющим личность лица, ходатайствующего о признании беженцем. Свидетельство о рассмотрении ходатайства о признании беженцем по существу является основанием для регистрации в установленном порядке лица, ходатайствующего о признании беженцем, и членов его семьи в территориальном органе федерального органа исполнительной власти, уполномоченного на осуществление функций по контролю и надзору в сфере миграции, на срок рассмотрения данного ходатайства по существу.

При таких обстоятельствах, с учетом приведенных выше норм Закона о беженцах и конкретных обстоятельств дела состоявшиеся по делу судебные акты изменены в части назначенного наказания путем исключения из них указания на назначение иностранному гражданину административного наказания в виде административного выдворения за пределы Российской Федерации.

Постановление № 14-АД15-3

5. При рассмотрении дела суду не были представлены доказательства, бесспорно свидетельствующие о том, что иностранный гражданин фактически не осуществлял на территории Российской Федерации деятельность, соответствующую заявленной цели въезда, поэтому судебные акты по делу об административном правонарушении, предусмотренном ч. 4 ст. 18.8 КоАП РФ, отменены, производство по делу об административном правонарушении прекращено в связи с недоказанностью обстоятельств, на основании которых были вынесены обжалуемые судебные постановления.

Постановлением судьи районного суда от 9 сентября 2014 г., оставленным без изменения решением судьи областного суда от 9 октября 2014 г. и постановлением заместителя областного суда от 30 марта 2015 г., иностранный гражданин признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 4 ст. 18.8 КоАП РФ, и подвергнут административному наказанию в виде административного штрафа в размере 5000 руб. с административным выдворением за пределы Российской Федерации в виде контролируемого самостоятельного выезда из Российской Федерации.

Согласно ст. 24 Федерального закона от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» иностранные граждане могут въезжать в Российскую Федерацию и выезжать из Российской Федерации при наличии визы по действительным документам, удостоверяющим их личность и признаваемым Российской Федерацией в этом качестве, если иное не предусмотрено названным федеральным законом, международными договорами Российской Федерации или указами Президента Российской Федерации.

Разрешая данное дело, судья районного суда назначил иностранному гражданину административное наказание за совершение административного правонарушения, предусмотренного ч. 4 ст. 18.8 КоАП РФ, установив, что иностранный гражданин в период пребывания в Российской Федерации осуществлял благотворительную деятельность, не соответствующую заявленной цели въезда в Российскую Федерацию («деловая»), и отметив, что ранее названный гражданин привлекался к административной ответственности на основании ч. 2 ст. 18.8 КоАП РФ. Вышестоящие судебные инстанции с этим выводом согласились.

Вместе с тем вывод о совершении иностранным гражданином указанного административного правонарушения не нашел объективного подтверждения в материалах дела.

Из материалов дела об административном правонарушении следует, что иностранному гражданину выдана многократная виза с указанием цели поездки «деловая».

Между тем из протокола об административном правонарушении и обжалуемых судебных актов не следует, что в период пребывания на территории Российской Федерации иностранный гражданин фактически не осуществлял деятельность, соответствующую заявленной им цели въезда.

В обжалуемых судебных актах не установлено, какие действия иностранного гражданина квалифицированы в качестве благотворительной деятельности, в материалы дела доказательства данного вывода миграционного органа и судебных инстанций не представлены.

В силу положений чч. 1 и 4 ст. 1.5 КоАП РФ лицо подлежит административной ответственности только за те административные правонарушения, в отношении которых установлена его вина. Неустраняемые сомнения в виновности лица, привлекаемого к административной ответственности, толкуются в пользу этого лица.

При таких обстоятельствах судебные акты, вынесенные в отношении иностранного гражданина по делу об административном правонарушении, предусмотренном ч. 4 ст. 18.8 КоАП РФ, отменены, а производство по делу прекращено в связи с недоказанностью обстоятельств, на основании которых были вынесены обжалуемые судебные постановления.

Постановление № 83-АД15-4

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО ДЕЛАМ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

1. Увольнение военнослужащего в порядке дисциплинарного взыскания – досрочного увольнения с военной службы в связи с невыполнением условий контракта – не требует проведения в отношении его аттестации.

Апелляционным определением Ленинградского окружного военного суда от 14 ноября 2013 г. отменено решение Петрозаводского гарнизонного военного суда от 18 июля 2013 г. об отказе в удовлетворении заявления О., в котором он просил признать незаконным приказ Министра обороны Российской Федерации от 29 сентября 2013 г. о досрочном увольнении его с военной службы в запас в связи с невыполнением условий контракта о прохождении военной службы (подп. «в» п. 2 ст. 51 Федерального закона «О воинской

обязанности и военной службе»).

По делу судом апелляционной инстанции принято новое решение об удовлетворении заявления.

В кассационной жалобе представитель Министра обороны Российской Федерации просил об отмене апелляционного определения и оставлении в силе решения гарнизонного военного суда, ссылаясь на ошибочность вывода суда апелляционной инстанции о том, что основанием для досрочного увольнения заявителя в связи с невыполнением условий контракта явилось заключение аттестационной комиссии, а не представление командующего войсками военного округа, основанное на проведенном разбирательстве по факту грубого нарушения заявителем установленных правил производства полетов и порядка выполнения полетного задания, что привело к крушению самолета.

Рассмотрев материалы гражданского дела и обсудив доводы кассационной жалобы. Судебная коллегия по делам военнослужащих отменила апелляционное определение ввиду существенного нарушения норм материального права, выразившегося в следующем.

Признавая незаконным оспариваемый заявителем приказ, окружной военный суд указал в апелляционном определении на непредставление заинтересованным лицом доказательств по соблюдению процедуры аттестации О., предшествовавшей его досрочному увольнению в запас.

Между тем из материалов дела следует, что поводом к досрочному увольнению О. с военной службы в связи с невыполнением условий контракта явились не результаты аттестации заявителя, а грубое нарушение им 28 июня 2012 г. установленных правил производства полетов и порядка выполнения полетного задания, что привело к тяжким последствиям – крушению военного самолета, то есть совершение дисциплинарного проступка.

Совершение заявителем названного проступка установлено в ходе разбирательства, проведенного комиссией Департамента (Службы безопасности полетов авиации Вооруженных Сил Российской Федерации) с утверждением результатов разбирательства 3 августа 2012 г. ее руководителем.

Согласно исследованному в судебном заседании акту расследования аварии самолета командир авиационной группы гвардии полковник О., ответственный 28 июня 2012 г. за организацию полетов, в нарушение требований нормативных документов довел до сведения руководителя полетами на аэродроме информацию о том, что воздушную разведку погоды он будет выполнять лично вместо допущенного к выполнению этого задания летчика с ведением радиообмена от имени этого лица. После этого О. без прохождения предполетного медицинского контроля занял рабочее место в самолете

вместе с генералом-майором Б., который специальную подготовку к полетам на этом типе самолетов не проходил и зачеты по знанию и порядку его эксплуатации не сдавал.

Во время полета заявителем были допущены совмещение воздушной разведки погоды с выполнением другого полетного задания и передача управления самолетом Б., с которым тот не справился во время выполнения пространственного маневра по типу фигуры высшего пилотажа, в результате чего самолет перешел в перевернутый штопор и разбился.

Причинами аварии, согласно выводам разбирательства, явились в том числе непринятие заявителем мер к предотвращению нарушений в комплектовании экипажа воздушного разведчика погоды; низкая принципиальность и личная недисциплинированность, выразившиеся в передаче им управления самолетом лицу, не имеющему допуска к полетам на данном типе воздушных судов; выполнение фигуры высшего пилотажа экипажем, не обладающим необходимыми теоретическими знаниями и практическими навыками.

Результаты разбирательства впоследствии были подтверждены в рамках расследования уголовного дела заключением эксперта, согласно которому О. в нарушение требований п. 31 Федеральных авиационных правил производства полетов государственной авиации и в силу низкой принципиальности допустил изменение запланированного полетного задания, передал должностному лицу, не имеющему допуска к полетам, управление воздушным судном.

Кроме того, согласно постановлению об отказе в возбуждении в отношении О. уголовного дела по материалам проверки сообщения о преступлении, предусмотренном ст. 351 УК РФ, установлена вина заявителя в наступлении последствий, связанных с аварией самолета, в форме неосторожности.

О том, что он не задумывался о последствиях своего проступка, а также о том, что он не стал проявлять принципиальность и выяснять наличие у Б. допуска к полетам на указанном типе воздушного судна, О. дал показания и в судебном заседании в ходе допроса в качестве свидетеля при рассмотрении уголовного дела в отношении Б., что усматривается из приговора Петрозаводского гарнизонного военного суда от 24 апреля 2013 г.

При таких данных факт совершения заявителем дисциплинарного проступка, выразившегося в нарушении правил обращения с военной техникой и правил ее эксплуатации, повлекшем по неосторожности уничтожение военного имущества, сомнений не вызывает.

Порядок привлечения О. к дисциплинарной ответственности соблюден.

Согласно ст. 28 Федерального закона «О статусе военнослужащих»

привлечение военнослужащего к дисциплинарной ответственности в зависимости от характера и тяжести совершенного им правонарушения производится в соответствии с названным федеральным законом и другими федеральными законами.

Исходя из обстоятельств дела авиационное происшествие, произошедшее с участием заявителя, на основании ст. 95 Воздушного кодекса Российской Федерации подлежало обязательному расследованию в порядке, установленном Правительством Российской Федерации, в целях установления причин происшествия и принятия мер по их предотвращению в будущем.

Постановлением Правительства Российской Федерации от 2 декабря 1999 г. № 1329 утверждены Правила расследования авиационных происшествий и авиационных инцидентов с государственными воздушными судами в Российской Федерации, согласно пп. 51, 57 которых по итогам работы комиссии составляется акт расследования авиационного происшествия на основании материалов и выводов, содержащихся в отчетах подкомиссий и рабочих групп, результатов исследований и экспертиз, а также с учетом других имеющихся в распоряжении комиссии материалов, а по окончании расследования председатель комиссии представляет доклад о его результатах руководителю федерального органа исполнительной власти или организации (по принадлежности воздушного судна) и направляет копию доклада начальнику Службы безопасности полетов с указанием в нем обстоятельств авиационного происшествия, его причины, вскрытые в ходе расследования недостатки, и рекомендаций комиссии по предотвращению подобных происшествий.

Из содержания акта расследования усматривается, что в нем отражены не только причины авиационного происшествия, но и в полной мере установлены допущенные О. нарушения правил производства полетов и порядка выполнения полетного задания, что привело к крушению самолета, то есть обстоятельства, подлежащие выяснению при привлечении военнослужащего к дисциплинарной ответственности.

Из изложенного следует, что в данном конкретном случае у командования имелись основания для признания письменного разбирательства, проведенного в рамках расследования авиационного происшествия, достаточным для принятия решения о привлечении заявителя к дисциплинарной ответственности.

С результатами разбирательства О. был ознакомлен и согласен с ними, что усматривается из его собственноручно подписанного рапорта от 16 августа 2012 г.

После утверждения акта расследования начальник Главного управления кадров Минобороны России провел с заявителем 16 августа

2012 г. беседу, в ходе которой довел до его сведения, что совершение им дисциплинарного проступка исключает его дальнейшее нахождение на военной службе, в связи с чем он подлежит досрочному увольнению в запас.

24 августа 2012 г. командир воинской части представил заявителя к увольнению в связи с невыполнением им условий контракта о прохождении военной службы, указав в представлении, что О. допустил 28 июня 2012 г. грубое нарушение в организации и выполнении полетов, что привело к аварии самолета.

По результатам рассмотрения представления командующий войсками Западного военного округа 25 августа 2012 г. ходатайствовал о досрочном увольнении заявителя по названному основанию.

Приказом Министра обороны Российской Федерации от 29 сентября 2012 г. О. досрочно уволен с военной службы в запас по подп. «в» п. 2 ст. 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе».

Таким образом, в судебном заседании установлено, что увольнение О. произведено в порядке дисциплинарного взыскания – досрочного увольнения с военной службы в связи с невыполнением условий контракта.

Согласно пп. 1–3 ст. 28⁴ Федерального закона «О статусе военнослужащих» и ст. 96 Дисциплинарного устава Вооруженных Сил Российской Федерации, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 10 ноября 2007 г. № 1495, совершение военнослужащим дисциплинарного проступка может повлечь применение к нему установленной государством меры ответственности – дисциплинарного взыскания, одним из видов которого является досрочное увольнение с военной службы в связи с невыполнением условий контракта, применяемое к военнослужащим, проходящим военную службу по контракту, за исключением высших офицеров и курсантов военных образовательных учреждений профессионального образования.

В силу ст. 99 Дисциплинарного устава Вооруженных Сил Российской Федерации дисциплинарное взыскание – досрочное увольнение с военной службы в связи с невыполнением условий контракта – исполняется без согласия военнослужащего.

При таких данных Министр обороны Российской Федерации вправе был принять решение о досрочном увольнении заявителя с военной службы в связи с невыполнением условий контракта в порядке реализации дисциплинарной ответственности.

При решении вопроса о применении к заявителю названного дисциплинарного взыскания соблюдены положения Федерального закона «О статусе военнослужащих» и Дисциплинарного устава Вооруженных Сил Российской Федерации, касающиеся проведения

разбирательства по факту совершения дисциплинарного проступка, обстоятельств, подлежащих установлению в ходе такого разбирательства, порядка и сроков применения, а также его исполнения, что исключило произвольное увольнение заявителя и позволило ему воспользоваться правами, предоставляемыми в силу закона военнослужащим, привлекаемым к дисциплинарной ответственности, в том числе путем обращения в суд.

Таким образом, суд первой инстанции, правильно установив обстоятельства дела и применив закон, подлежащий применению, пришел к обоснованному выводу о законности приказа Министра обороны Российской Федерации от 29 сентября 2012 г. в части досрочного увольнения О. с военной службы в связи с невыполнением условий контракта.

На основании изложенного Судебная коллегия по делам военнослужащих отменила в кассационном порядке апелляционное определение Ленинградского окружного военного суда от 14 ноября 2013 г. и оставила в силе решение Петрозаводского гарнизонного военного суда от 18 июля 2013 г. по заявлению О.

Определение № 202-КГ15-2

2. Недобросовестное отношение заявителя к своим обязанностям могло служить основанием для постановки вопроса о его соответствии требованиям, предъявляемым к лицам, проходящим военную службу по контракту, с принятием решения в рамках процедуры аттестации.

Решением Нижнетагильского гарнизонного военного суда от 21 марта 2014 г., оставленным без изменения апелляционным определением Уральского окружного военного суда от 27 мая 2014 г., удовлетворено заявление М., в котором он просил признать незаконными приказы Министра обороны Российской Федерации от 7 ноября и от 2 декабря 2013 г. в части досрочного увольнения заявителя с военной службы в связи с невыполнением условий контракта и исключения из списков личного состава воинской части, а также утвержденное командиром заключение аттестационной комиссии воинской части от 7 октября 2013 г. о его несоответствии занимаемой должности и целесообразности досрочного увольнения в связи с невыполнением им условий контракта.

В кассационной жалобе командир воинской части, утверждая о невыполнении заявителем условий контракта, что нашло подтверждение в судебном заседании, и о соблюдении командованием порядка увольнения, просил об отмене судебных постановлений и принятии по

делу нового решения об отказе в удовлетворении заявления.

Определением заместителя Председателя Верховного Суда Российской Федерации – председателя Судебной коллегии по делам военнослужащих от 25 марта 2015 г. кассационная жалоба заинтересованного лица с делом передана для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции.

Рассмотрев материалы дела и обсудив доводы кассационной жалобы, Судебная коллегия нашла жалобу подлежащей удовлетворению.

Согласно ст. 387 ГПК РФ основаниями для отмены или изменения судебных постановлений в кассационном порядке являются существенные нарушения норм материального или процессуального права, повлиявшие на исход дела, без устранения которых невозможны восстановление и защита нарушенных прав, свобод и законных интересов, а также защита охраняемых законом публичных интересов.

Судом при рассмотрении дела допущены существенные нарушения норм материального права, что выразилось в следующем.

Из материалов дела следует, что М., проходящий военную службу по контракту в должности помощника оперативного дежурного дежурной смены воинской части, в течение года, предшествовавшего проведению в отношении его аттестации 7 октября 2013 г. и увольнению с военной службы приказом Министра обороны Российской Федерации от 7 ноября 2013 г., трижды привлекался к дисциплинарной ответственности: 1 августа 2013 г. он предупрежден о неполном служебном соответствии за самовольное оставление 26 июля 2013 г. места службы до окончания исполнения обязанностей начальника расчета в составе дежурной смены управления, 5 августа 2013 г. заявителю объявлен выговор за опоздание без уважительной причины на службу, 4 сентября 2013 г. ему объявлен выговор за слабое знание общих обязанностей дежурного по морально-психологическому обеспечению дежурства, что повлекло предоставление ему дополнительного времени для подготовки к заступлению на дежурство.

Привлечение заявителя к дисциплинарной ответственности командованием произведено по результатам разбирательств и с соблюдением установленного порядка.

После этого М. 7 октября 2013 г. был представлен на аттестационную комиссию, по результатам заседания которой факты нарушения им воинской дисциплины в совокупности с отрицательной характеристикой и неудовлетворительными оценками по физической подготовке были расценены членами комиссии как невыполнение заявителем условий контракта, в связи с чем комиссия пришла к выводу о целесообразности его досрочного увольнения с военной службы.

Приказом Министра обороны Российской Федерации от 7 ноября

2013 г. М. уволен с военной службы в связи с невыполнением условий контракта и приказом того же должностного лица от 2 декабря 2013 г. исключен из списков личного состава воинской части.

Признавая названные приказы незаконными, суд первой инстанции указал в решении, что привлечение М. к дисциплинарной ответственности за нарушение общих обязанностей военнослужащего в течение короткого промежутка времени после предупреждения о неполном служебном соответствии, а также без применения к нему иных мер дисциплинарной ответственности является недостаточным для его увольнения с военной службы.

При этом суд исходил из ст. 96 Дисциплинарного устава Вооруженных Сил Российской Федерации, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 10 ноября 2007 г. № 1495, согласно которой военнослужащий может быть представлен к досрочному увольнению с военной службы до истечения одного года после предупреждения о неполном служебном соответствии лишь в случае систематического нарушения исполнения должностных и (или) специальных обязанностей.

Между тем судом оставлено без внимания, что досрочное увольнение М. с военной службы явилось следствием невыполнения им условий контракта, выразившегося в недобросовестном отношении к исполнению общих, должностных и специальных обязанностей военной службы.

В соответствии с ч. 3 ст. 32 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» условия контракта о прохождении военной службы включают в себя обязанность военнослужащего добросовестно исполнять все общие, должностные и специальные обязанности, установленные законодательными и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

В связи с этим недобросовестное отношение М. к своим обязанностям, в том числе подтвержденное наличием у него неснятых дисциплинарных взысканий и неудовлетворительными оценками по физической подготовке, вопреки утверждению суда являлось основанием для постановки вопроса о его соответствии требованиям, предъявляемым к лицам, проходящим военную службу, с точки зрения деловых и личных качеств.

Решение по данному вопросу было принято в рамках процедуры аттестации, как это установлено п. 1 ст. 26 Положения о порядке прохождения военной службы, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 16 сентября 1999 г. № 1237.

Содержание исследованных в судебном заседании протокола заседания аттестационной комиссии, аттестационного листа, показаний представителя командира воинской части К. и свидетелей Т., М-и

указывает на то, что М. командованием была предоставлена возможность заблаговременно ознакомиться с оценкой своей служебной деятельности, заявить о своем несогласии с такой оценкой, сообщить дополнительные сведения, лично участвовать в заседании аттестационной комиссии, обжаловать ее заключение и порядок проведения аттестации как вышестоящему командиру, так и в суд.

Выполнение названных условий позволило командованию обеспечить объективность заключения аттестационной комиссии и прийти к обоснованному выводу о том, что М. с учетом характера ранее совершенных им дисциплинарных проступков, за которые он уже привлекался к дисциплинарной ответственности, наличия неснятых дисциплинарных взысканий и иных юридически значимых обстоятельств, а также специфики его служебной деятельности, связанной с выполнением специальных задач в целях обеспечения боевой готовности в Ракетных войсках стратегического назначения, перестал удовлетворять требованиям законодательства о воинской обязанности и военной службе, предъявляемым к военнослужащим, проходящим военную службу по контракту.

При таких данных вывод суда об отсутствии у аттестационной комиссии оснований для заключения о невыполнении М. условий контракта о прохождении военной службы, а у Министра обороны Российской Федерации – для досрочного увольнения заявителя с военной службы основан на неправильном применении норм материального права.

Из изложенного следует, что заключение аттестационной комиссии от 7 октября 2013 г. о несоответствии заявителя занимаемой должности и целесообразности в связи с этим его досрочного увольнения, а также приказы Министра обороны Российской Федерации от 7 ноября 2013 г. и от 2 декабря 2013 г. в части досрочного увольнения заявителя с военной службы в связи с невыполнением условий контракта и исключения из списков личного состава воинской части являются законными.

На основании изложенного Судебная коллегия по делам военнослужащих решение Нижнетагильского гарнизонного военного суда от 21 марта 2014 г. и апелляционное определение Уральского окружного военного суда от 27 мая 2014 г. отменила и приняла по делу новое решение, которым М. в удовлетворении заявления отказала.

Определение № 204-КГ15-7

ДИСЦИПЛИНАРНАЯ КОЛЛЕГИЯ

1. Ненадлежащее и недобросовестное исполнение судьей профессиональных обязанностей, грубое и систематическое нарушение процессуального законодательства по отправлению правосудия, приведшее к искажению фундаментальных принципов судопроизводства и грубому нарушению прав участников процесса, являются дисциплинарным проступком, влекущим досрочное прекращение полномочий судьи.

Квалификационная коллегия судей Чеченской Республики досрочно прекратила полномочия судьи районного суда Б. с лишением его седьмого квалификационного класса судьи.

Дисциплинарным проступком признаны некомпетентность и недобросовестность судьи при исполнении профессиональных обязанностей, выразившиеся в грубых нарушениях требований процессуального и материального права при рассмотрении уголовных и гражданских дел.

Из материалов дисциплинарного дела усматривается, что Б. при незначительной служебной нагрузке по отправлению правосудия систематически нарушает процессуальное законодательство.

Так, за 10 месяцев 2014 года Б. не рассмотрел ни одного уголовного дела, находящегося у него в производстве. За тот же период рассмотрел всего 88 гражданских дел, что значительно ниже показателей по республике.

Из акта проверки следует, что отраженные в отчете как оконченные производством гражданские дела и решения по ним на день проверки в отдел судопроизводства районного суда не сданы. По ряду гражданских дел нарушены процессуальные сроки, протоколы судебных заседаний не изготовлены.

По гражданскому делу по иску К. к страховой компании Б. вынес заочное решение о полном удовлетворении требований истца, однако сведения о вручении ответчику извещения о дате и времени судебного заседания материалы дела не содержат, протокол судебного заседания в деле отсутствует.

Суд апелляционной инстанции это решение отменил и вынес новое решение об отказе в удовлетворении иска в полном объеме. В частном определении в адрес Б. указывается, что допущенные нарушения по своему характеру не совместимы со статусом судьи, поскольку свидетельствуют о некомпетентности и небрежности при исполнении Б. своих профессиональных обязанностей, умаляют авторитет судебной власти, носителями которой являются судьи.

Дисциплинарная коллегия Верховного Суда Российской Федерации признала решение квалификационной коллегии судей о досрочном прекращении полномочий судьи Б. обоснованным, так как примененное к Б., характеризующемуся по работе отрицательно, дисциплинарное взыскание, соответствует совершенному им дисциплинарному проступку.

Решение № ДК15-2

2. Недобросовестное отношение судьи к своим служебным обязанностям, повлекшее за собой волокиту при направлении апелляционных (кассационных) жалоб в вышестоящий суд, нарушение конституционных прав участников процесса, обжаловавших приговор и не имевших возможности реализовать свои процессуальные права на доступ к правосудию, несоблюдение сроков вручения копий судебных постановлений, необращение к исполнению судебных актов являются основанием для применения исключительной меры ответственности в виде досрочного прекращения полномочий судьи.

Решением квалификационной коллегии судей Республики Башкортостан на судью Ю., ранее привлекавшегося за совершение дисциплинарного проступка к дисциплинарной ответственности в виде предупреждения, наложено дисциплинарное взыскание в виде досрочного прекращения полномочий судьи с лишением его шестого квалификационного класса судьи.

Дисциплинарным проступком признаны факты недобросовестного отношения судьи Ю. к своим служебным обязанностям: оконченные производством дела в отдел делопроизводства не передаются, хранятся в кабинете судьи, надлежащим образом не оформлены, протоколы судебных заседаний изготавливаются несвоевременно, длительное время судьей не разрешаются ходатайства осужденных об ознакомлении с материалами уголовного дела и протоколами судебных заседаний, грубо нарушаются сроки вручения копий судебных постановлений, направления дел в суд апелляционной инстанции и обращений к исполнению судебных актов.

Так, по уголовному делу в отношении К., находящемуся в производстве Ю., первые процессуальные действия по извещению заинтересованных лиц о поступивших апелляционной жалобе и апелляционном представлении совершены только спустя четыре месяца со дня их поступления в суд.

По ряду уголовных дел в отношении осужденных протоколы судебных заседаний не подписаны, копии приговоров осужденным вручены несвоевременно, ходатайства осужденных и прокурора не

разрешены, дела в суд апелляционной инстанции длительное время не были направлены.

В кабинете судьи длительное время хранились дела, рассмотренные в апелляционном порядке, что повлекло неисполнение судебных решений. Остались неисполненными 16 постановлений о назначении административных штрафов, 39 постановлений о лишении управления транспортными средствами.

На момент проведения проверки было установлено также, что из-за несвоевременного обращения приговора к исполнению осужденный С. не был направлен в колонию-поселение для отбытия наказания, а продолжал содержаться под стражей в следственном изоляторе, откуда был освобожден.

О недопустимости пренебрежения служебными обязанностями и нарушений требований уголовно-процессуального закона, несоблюдения прав участников процесса на разумные сроки рассмотрения дел неоднократно обращалось внимание судьи Ю. в частных определениях суда вышестоящей инстанции.

С учетом изложенного Дисциплинарная коллегия Верховного Суда Российской Федерации согласилась с решением квалификационной коллегии судей Республики Башкортостан.

Решение № ДК15-4

РАЗЪЯСНЕНИЯ ПО ВОПРОСАМ, ВОЗНИКАЮЩИМ В СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ

ВОПРОС 1. Каким образом определяется размер процентов за пользование чужими денежными средствами согласно статье 395 ГК РФ в редакции Федерального закона от 8 марта 2015 г. № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации»?

ОТВЕТ. Федеральным законом от 8 марта 2015 г. № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее – Закон), вступившим в силу с 1 июня 2015 г., изменена редакция ст. 395 ГК РФ.

Согласно п. 1 ст. 395 ГК РФ в новой редакции размер процентов определяется существующими в месте жительства кредитора или, если кредитором является юридическое лицо, в месте его нахождения, опубликованными Банком России и имевшими место в соответствующие периоды средними ставками банковского процента по

вкладам физических лиц. Эти правила применяются, если иной размер процентов не установлен законом или договором.

По общему правилу расчет процентов в соответствии с новой редакцией ст. 395 ГК РФ производится на основании сведений по вкладам физических лиц, опубликованных Банком России на его официальном сайте в сети «Интернет».

В новой редакции ст. 395 ГК РФ установлено, что размер процентов определяется ставками, имевшими место в соответствующие периоды времени, а не на день предъявления иска или день вынесения решения, как это было установлено в прежней редакции данной нормы. Ввиду этого за каждый период просрочки расчет осуществляется исходя из средней ставки (ставок) банковского процента в этом периоде, а если ставка за соответствующий период не опубликована – исходя из самой поздней из опубликованных ставок.

Расчет процентов осуществляется по ставке, сложившейся в федеральном округе, в котором находится место жительства (место нахождения) кредитора. Если кредитором является лицо, место жительства (нахождения) которого находится за пределами Российской Федерации, расчет осуществляется по ставке, сложившейся в федеральном округе по месту нахождения суда, рассматривающего спор.

По смыслу п. 3 ст. 395 ГК РФ, проценты за пользование чужими денежными средствами взимаются включительно по день уплаты суммы этих средств кредитору, если законом, иными правовыми актами или договором не установлен для начисления процентов более короткий срок.

ВОПРОС 2. Можно ли считать установленный п. 3 ст. 76 Федерального закона от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» 45-дневный срок на предъявление обществу требования о выкупе акций соблюденным, если акционер сдаст документ, содержащий такое требование, в организацию связи до двадцати четырех часов последнего дня этого срока?

ОТВЕТ. В соответствии с п. 1 ст. 75 Федерального закона от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (далее – Закон об акционерных обществах, Закон) акционеры – владельцы голосующих акций вправе требовать выкупа обществом всех или части принадлежащих им акций в случае принятия общим собранием акционеров определенных решений, если они голосовали против их принятия либо не принимали участия в голосовании.

Требования акционеров о выкупе обществом принадлежащих им акций должны быть предъявлены обществу не позднее 45 дней с даты

принятия соответствующего решения общим собранием акционеров. В течение этого же срока в общество должен поступить и отзыв акционером требования о выкупе принадлежащих ему акций (абзацы второй и третий п. 3 ст. 76 Закона).

Согласно абзацу второму п. 4 ст. 76 Закона об акционерных обществах совет директоров (наблюдательный совет) общества не позднее чем через 50 дней со дня принятия соответствующего решения общим собранием акционеров общества утверждает отчет об итогах предъявления акционерами требований о выкупе принадлежащих им акций.

Из системного толкования положений ст. 76 Закона об акционерных обществах, регламентирующих механизм выкупа акций, можно сделать вывод о том, что в рамках установленного в абзаце втором п. 3 этой статьи 45-дневного срока требования акционеров о выкупе у них акций должны поступить в акционерное общество.

Такой подход к порядку исчисления указанного срока обусловлен необходимостью закрепления единого временного периода, в течение которого должен быть определен круг лиц, пожелавших реализовать право на отчуждение акций, а также устранена неопределенность в положении как самого акционерного общества, так и иных его акционеров.

Иное толкование положений абзаца второго п. 3 ст. 76 Закона означало бы невозможность реализации в установленные сроки дальнейшей процедуры выкупа.

Таким образом, если требование акционера о выкупе акций поступит в акционерное общество за пределами указанного 45-дневного срока, его следует считать не предъявленным, акционер в этом случае не вправе принуждать общество к выкупу акций.

ВОПРОС 3. Допускается ли взыскание с органов или должностных лиц в порядке регресса денежных средств, выплаченных из казны Российской Федерации во исполнение решения суда о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок?

ОТВЕТ. В соответствии с ч. 1 ст. 1 Федерального закона от 30 апреля 2010 г. № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» (далее – Закон о компенсации) граждане Российской Федерации, иностранные граждане, лица без гражданства, российские, иностранные и международные организации, являющиеся в судебном процессе сторонами или заявляющими самостоятельные требования относительно предмета спора третьими лицами, взыскатели,

должники, в предусмотренных федеральным законом случаях другие заинтересованные лица при нарушении их права на судопроизводство в разумный срок могут обратиться в суд, арбитражный суд с заявлением о присуждении компенсации за такое нарушение в порядке, установленном Законом о компенсации и процессуальным законодательством Российской Федерации.

Присуждение компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок не препятствует возмещению вреда в соответствии со ст. 1069, 1070 ГК РФ. Присуждение компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок лишает заинтересованное лицо права на компенсацию морального вреда за указанные нарушения (ч. 4 ст. 1 Закона о компенсации).

Таким образом, федеральный законодатель установил специальный – вспомогательный к общегражданскому порядку возмещения вреда, причиненного незаконными действиями (бездействием) государственных органов, – механизм защиты прав на судебную защиту и на справедливое судебное разбирательство.

Часть 6 ст. 1 Закона о компенсации содержит специальное правило, в соответствии с которым органы, уполномоченные от имени Российской Федерации, субъекта Российской Федерации или муниципального образования на исполнение решений суда, арбитражного суда о присуждении компенсации за нарушение права на исполнение судебного акта в разумный срок, имеют право предъявить регрессное требование к органу или должностному лицу, по вине которого допущено такое нарушение.

Положений о праве регрессного требования к органу или должностному лицу, по вине которого допущено нарушение права на судопроизводство в разумный срок, Законом о компенсации не предусмотрено.

Таким образом, взыскание с органов или должностных лиц в порядке регресса денежных средств, выплаченных из казны Российской Федерации во исполнение решения суда о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок, не допускается.

ВОПРОС 4. Необходимо ли истребовать согласие долевых собственников земельного участка сельскохозяйственного назначения (за исключением участков из земель сельскохозяйственного назначения, в соответствии с разрешенным использованием которых предусматриваются гаражное строительство, ведение личного подсобного и дачного хозяйства, садоводства, животноводства и огородничества, а также земельных

участков, занятых зданиями, строениями, сооружениями), являющихся арендодателями, для передачи арендатором арендных прав земельного участка в залог?

ОТВЕТ. Пунктом 2 ст. 615 ГК РФ закреплено право арендатора с согласия арендодателя сдавать арендованное имущество в субаренду (поднаем) и передавать свои права и обязанности по договору аренды другому лицу (перенаем), предоставлять арендованное имущество в безвозмездное пользование, а также отдавать арендные права в залог и вносить их в качестве вклада в уставный капитал хозяйственных товариществ и обществ или паевого взноса в производственный кооператив, если иное не установлено данным кодексом, другим законом или иными правовыми актами.

В соответствии с п. 1¹ ст. 62 Федерального закона от 16 июля 1998 г. № 102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)», если земельный участок передан по договору аренды гражданину или юридическому лицу, арендатор земельного участка вправе отдать арендные права земельного участка в залог в пределах срока договора аренды земельного участка с согласия собственника земельного участка. Данный пункт в указанной редакции введен в действие Федеральным законом от 5 февраля 2004 г. № 1-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об ипотеке (залоге недвижимости)».

Вместе с тем согласно п. 4 ст. 6 Федерального закона «Об ипотеке (залоге недвижимости)» право аренды может быть предметом ипотеки с согласия арендодателя, если федеральным законом или договором аренды не предусмотрено иное.

При этом действующим законодательством, регулирующим земельные правоотношения, установлен иной порядок передачи в залог арендных прав земельных участков.

Так, п. 5 ст. 22 Земельного кодекса Российской Федерации установлено, что арендатор земельного участка, за исключением резидентов особых экономических зон – арендаторов земельных участков, вправе передать свои права и обязанности по договору аренды земельного участка третьему лицу, в том числе отдать арендные права земельного участка в залог и внести их в качестве вклада в уставный капитал хозяйственного товарищества или общества либо паевого взноса в производственный кооператив в пределах срока договора аренды земельного участка без согласия арендодателя при условии его уведомления, если договором аренды земельного участка не предусмотрено иное. Данная норма права (без учета изменений, внесенных Федеральным законом от 22 июля 2005 г. № 117-ФЗ «О внесении изменений в некоторые законодательные акты в связи с принятием Федерального закона «Об особых экономических зонах в

Российской Федерации» и Федеральным законом от 23 июня 2014 г. № 171-ФЗ «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации») действует с момента введения в действие Земельного кодекса Российской Федерации, то есть с 30 октября 2001 г.

Пунктом 8 ст. 9 Федерального закона от 24 июля 2002 г. № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» установлено, что в пределах срока действия договора аренды при передаче арендатором арендных прав земельного участка в залог согласие участников долевой собственности на это не требуется, если договором аренды земельного участка не предусмотрено иное. Указанный пункт введен в действие Федеральным законом от 18 июля 2005 г. № 87-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» и Федеральный закон «О землеустройстве».

Действие Федерального закона «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» распространяется на отношения, связанные с владением, пользованием, распоряжением земельными участками из земель сельскохозяйственного назначения, за исключением земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения, в соответствии с разрешенным использованием которых предусматриваются гаражное строительство, ведение личного подсобного и дачного хозяйства, садоводства, животноводства и огородничества, а также земельных участков, занятых зданиями, строениями, сооружениями (ст. 1).

Таким образом, из взаимосвязанных норм Земельного кодекса Российской Федерации и более поздних положений Федерального закона «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» следует, что получение согласия участников долевой собственности на земельный участок из земель сельскохозяйственного назначения (за исключением участков из земель сельскохозяйственного назначения, в соответствии с разрешенным использованием которых предусматриваются гаражное строительство, ведение личного подсобного и дачного хозяйства, садоводства, животноводства и огородничества, а также земельных участков, занятых зданиями, строениями, сооружениями) для передачи в пределах срока действия договора аренды в залог арендных прав на такой участок не требуется, если договором аренды земельного участка не предусмотрено иное. Достаточно уведомить об этом участников долевой собственности на данный земельный участок.

ВОПРОС 5. На кого будет возлагаться обязанность выполнения требований, установленных в ч. 1 ст. 19 Федерального закона от 10

декабря 2003 г. № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле», в случае перемены лиц в обязательствах по внешнеторговым договорам (контрактам) при уступке (цессии) прав требований денежных средств между резидентами по внешнеторговым сделкам?

ОТВЕТ. В соответствии с ч. 1 ст. 19 Федерального закона от 10 декабря 2003 г. № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» (далее – Закон о валютном регулировании) при осуществлении внешнеторговой деятельности резиденты, если иное не предусмотрено данным законом, обязаны в сроки, предусмотренные внешнеторговыми договорами (контрактами), обеспечить: получение от нерезидентов на свои банковские счета в уполномоченных банках иностранной валюты или валюты Российской Федерации, причитающейся в соответствии с условиями указанных договоров (контрактов) за переданные нерезидентам товары, выполненные для них работы, оказанные им услуги, переданные им информацию и результаты интеллектуальной деятельности, в том числе исключительные права на них; возврат в Российскую Федерацию денежных средств, уплаченных нерезидентам за неввезенные в Российскую Федерацию (неполученные на территории Российской Федерации) товары, невыполненные работы, неоказанные услуги, непереданные информацию и результаты интеллектуальной деятельности, в том числе исключительные права на них.

Таким образом, в случае неисполнения нерезидентом своих обязательств по внешнеторговому договору у резидента возникает обязанность обеспечить получение либо возврат уплаченной валютной выручки.

В соответствии с п. 1 ст. 382 ГК РФ право (требование), принадлежащее на основании обязательства кредитору, может быть передано им другому лицу по сделке (уступка требования) или может перейти к другому лицу на основании закона. Не допускается переход прав, неразрывно связанных с личностью кредитора, в частности требований об алиментах и о возмещении вреда, причиненного жизни или здоровью (ст. 383 ГК РФ). Уступка требования кредитором (цедентом) другому лицу (цессионарию) допускается, если она не противоречит закону (п. 1 ст. 388 ГК РФ).

Статья 14 Закона о валютном регулировании, устанавливая права и обязанности резидентов при осуществлении валютных операций, не содержит запрета на осуществление резидентами уступки прав требования по внешнеторговым сделкам.

Из изложенного следует вывод, что уступка права требования по внешнеторговым контрактам допустима.

Данная возможность также прямо предусмотрена п. 7.1.3 Инструкции Банка России от 4 июня 2012 г. № 138-И «О порядке представления резидентами и нерезидентами уполномоченным банкам документов и информации, связанных с проведением валютных операций, порядке оформления паспортов сделок, а также порядке учета уполномоченными банками валютных операций и контроля за их проведением».

Если иное не предусмотрено законом или договором, право первоначального кредитора переходит к новому кредитору в том объеме и на тех условиях, которые существовали к моменту перехода права (п. 1 ст. 384 ГК РФ).

Следовательно, в случае осуществления уступки прав требований по внешнеторговому договору (контракту) субъектом валютного контроля, на которого возлагается обязанность выполнения требований, установленных в ч. 1 ст. 19 Закона о валютном регулировании, будет являться цессионарий (лицо, к которому перешло право требования).

Процессуальные вопросы

ВОПРОС 6. В какой срок могут быть обжалованы в арбитражный суд кассационной инстанции определения арбитражного суда первой инстанции, принятые в рамках дела о банкротстве по результатам рассмотрения обособленных споров (в частности, определения, принятые по результатам рассмотрения заявлений, ходатайств и жалоб в порядке, установленном статьями 60, 71 и 100 Закона о банкротстве, заявлений об оспаривании сделок должника и т.д.) в случае, если арбитражный суд апелляционной инстанции отказал в восстановлении пропущенного срока подачи апелляционной жалобы?

ОТВЕТ. Согласно ч. 3 ст. 223 АПК РФ определения, которые выносятся арбитражным судом при рассмотрении дел о несостоятельности (банкротстве) и обжалование которых предусмотрено указанным кодексом и иными федеральными законами, регулируемыми вопросы несостоятельности (банкротства), отдельно от судебного акта, которым заканчивается рассмотрение дела по существу, могут быть обжалованы в арбитражный суд апелляционной инстанции в течение десяти дней со дня их вынесения. В рамках этого порядка возможно дальнейшее обжалование судебных актов в суд кассационной инстанции.

Правила, установленные ст. 181 и 273 АПК РФ, о допустимости обжалования судебного акта в суд кассационной инстанции в случае, если суд апелляционной инстанции отказал в восстановлении

пропущенного срока подачи апелляционной жалобы, применяется также к обжалованию определений, принятых в рамках дела о банкротстве по результатам рассмотрения обособленных споров (п. 39 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 22 июня 2012 г. № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве»).

Порядок рассмотрения кассационных жалоб на определения суда первой инстанции установлен в ст. 290 АПК РФ, в которой указано, что жалобы на эти судебные акты подаются по правилам, установленным настоящим Кодексом (ч. 1 ст. 290 АПК РФ).

Общие положения о порядке и сроках обжалования определений содержатся в ст. 188 АПК РФ.

Из системного толкования положений чч. 3, 4 и 5 ст. 188, ч. 3 ст. 223 и ч. 1 ст. 290 АПК РФ можно сделать вывод о том, что если суд апелляционной инстанции отказал в восстановлении пропущенного срока подачи апелляционной жалобы на определение, принятое в рамках дела о банкротстве по результатам рассмотрения обособленного спора, то срок подачи кассационной жалобы на определение суда первой инстанции составляет один месяц и исчисляется со дня истечения предусмотренного ч. 3 ст. 223 АПК РФ десятидневного срока на обжалование этого судебного акта в суд апелляционной инстанции.

Разъяснения, содержащиеся в п. 39 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 22 июня 2012 г. № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве», порядок исчисления срока на кассационное обжалование определений суда первой инстанции, принятых в рамках дела о банкротстве по результатам рассмотрения обособленных споров, не определяют.

ВОПРОС 7. Судом общей юрисдикции или арбитражным судом должны рассматриваться иски, предъявляемые к страховой компании кредитором – юридическим лицом (или индивидуальным предпринимателем), к которому перешли (были переданы) принадлежавшие физическому лицу права (требования) по договору обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств?

ОТВЕТ. Согласно п. 1 ч. 1 ст. 22 ГПК РФ суды рассматривают и разрешают исковые дела с участием граждан, организаций, органов государственной власти, органов местного самоуправления о защите нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов по спорам, возникающим из гражданских, семейных, трудовых, жилищных, земельных, экологических и иных правоотношений.

На основании ч. 3 ст. 22 ГПК РФ суды рассматривают и разрешают дела, предусмотренные чч. 1 и 2 ст. 22 названного Кодекса, за исключением экономических споров и других дел, отнесенных федеральным конституционным законом и федеральным законом к ведению арбитражных судов.

Часть 1 ст. 27 АПК РФ предусматривает, что к юрисдикции арбитражных судов относятся дела по экономическим спорам и другие дела, связанные с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности.

Частью 2 ст. 27, ст. 28 АПК РФ установлено, что арбитражные суды разрешают экономические споры и рассматривают иные дела с участием организаций, являющихся юридическими лицами, граждан, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица и имеющих статус индивидуального предпринимателя, приобретенный в установленном законом порядке; случаи рассмотрения арбитражным судом дела с участием гражданина, не имеющего статуса индивидуального предпринимателя, должны быть предусмотрены АПК РФ или федеральным законом.

Таким образом, одним из критериев отнесения того или иного дела к компетенции арбитражных судов наряду с экономическим характером требования является субъектный состав участников спора.

В силу положений ст. 383, 384, 388 ГК РФ, которыми установлены требования к виду и объему передаваемых (переходящих) прав, приобретение юридическим лицом (индивидуальным предпринимателем) прав (требований) гражданина по договору обязательного страхования ответственности владельцев транспортных средств не ведет к переходу прав, связанных со статусом потерпевшего – гражданина как потребителя.

Заключение договора уступки прав юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем с потерпевшим – физическим лицом (или переход прав по договору в порядке суброгации) в указанном случае направлено на приобретение прав потерпевшего по обязательству страховой организации уплатить определенную денежную сумму и связано с осуществлением такими новыми кредиторами предпринимательской или иной экономической деятельности.

Таким образом, рассмотрение споров по искам юридических лиц (или индивидуальных предпринимателей), к которым перешли (были переданы) права (требования) по договору обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств, к страховой организации в силу ч. 3 ст. 22 ГПК РФ, ч. 2 ст. 27, ст. 28 АПК РФ относится к компетенции арбитражных судов.

ВОПРОС 8. Вправе ли конкурсные кредиторы должника, уполномоченный орган и арбитражный управляющий обжаловать судебный акт суда общей юрисдикции, на котором основано заявленное в деле о банкротстве требование другого кредитора?

ОТВЕТ. Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве) наделяет конкурсных кредиторов, уполномоченный орган и арбитражного управляющего правом заявлять возражения относительно требований других кредиторов, предъявленных в деле о банкротстве (п. 2 ст. 71, п. 3 ст. 100 Закона о банкротстве).

Вместе с тем в соответствии с п. 10 ст. 16 Закона о банкротстве разногласия по требованиям кредиторов или уполномоченных органов, подтвержденным вступившим в законную силу решением суда в части их состава и размера, не подлежат рассмотрению арбитражным судом в деле о банкротстве, за исключением разногласий, связанных с исполнением судебных актов или их пересмотром.

На этом основании, если судебным актом суда общей юрисдикции, на котором основано заявленное в деле о банкротстве требование другого кредитора, разрешен вопрос о правах и обязанностях лиц, участвующих в деле о банкротстве, конкурсные кредиторы, уполномоченный орган и арбитражный управляющий вправе обжаловать указанный судебный акт в соответствии с нормами ГПК РФ.

В случае пропуска названными лицами срока на обжалование судебного акта суд вправе его восстановить применительно к ст. 112 ГПК РФ.

ВОПРОС 9. В каком порядке могут быть обжалованы определения арбитражного суда первой инстанции, вынесенные в рамках дел об оспаривании решения третейского суда, о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда, о признании и приведении в исполнение решения иностранного суда или иностранного арбитражного решения (например, определения о принятии обеспечительных мер или об отказе в принятии обеспечительных мер, о возвращении заявления о пересмотре судебного акта по вновь открывшимся обстоятельствам, о наложении штрафа за неуважение к суду, о приостановлении производства по делу)?

ОТВЕТ. По результатам рассмотрения дел об оспаривании решения третейского суда, о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда (гл. 30 АПК РФ), о признании и приведении в исполнение решения иностранного суда

или иностранного арбитражного решения (гл. 31 АПК РФ) арбитражный суд выносит судебный акт в форме определения по правилам гл. 20 АПК РФ, регулирующим порядок принятия решений (ч. 1 ст. 234, ч. 1 ст. 240, ч. 1 ст. 245 АПК РФ).

Установленный ч. 5 ст. 234, ч. 5 ст. 240, ч. 3 ст. 245 АПК РФ порядок обжалования названных определений предполагает, что они могут быть пересмотрены арбитражным судом кассационной инстанции в течение месяца со дня вынесения. Такой порядок исключает необходимость обращения в арбитражный суд апелляционной инстанции.

Данное положение, являясь гарантией быстрого рассмотрения дела, определяет пределы проверки указанных определений арбитражного суда, ограничивая их вопросами права.

В п. 3 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 28 мая 2009 г. № 36 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в арбитражном суде апелляционной инстанции» содержатся разъяснения, касающиеся рассматриваемых положений АПК РФ. При этом обращается внимание на то, что в таком же порядке обжалуются определения о возвращении заявления и другие определения, которыми завершается производство по названным категориям дел без рассмотрения заявления по существу (определение о прекращении производства по делу, определение об оставлении заявления без рассмотрения).

Изложенный подход соответствует ранее сформулированному подходу, содержащемуся в п. 19 Обзора практики рассмотрения арбитражными судами дел о признании и приведении в исполнение решений иностранных судов, об оспаривании решений третейских судов и о выдаче исполнительных листов на принудительное исполнение решений третейских судов № 96, утвержденного Президиумом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации 22 декабря 2005 г., согласно которому в отношении определений, вынесенных в рамках дела об оспаривании решения третейского суда, применяется кассационный порядок обжалования вне зависимости от характера принятого судебного акта.

С учетом этого указанный порядок следует применять при обжаловании любых определений, вынесенных в ходе рассмотрения арбитражными судами первой инстанции дел об оспаривании решения третейского суда, о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда, о признании и приведении в исполнение решения иностранного суда или иностранного арбитражного решения, вне зависимости от характера обжалуемого определения.

Следование же в отдельных случаях апелляционному порядку пересмотра (в отношении определений, не препятствующих дальнейшему рассмотрению дела) означало бы существование двух различных порядков пересмотра, подлежащих применению по одному и тому же делу. Это вызовет неопределенность в вопросе о характере судебного акта, являющегося предметом судебной проверки, потребует выделения материалов дела, связанных с обжалуемым определением, для направления их в арбитражный суд апелляционной инстанции, приведет к увеличению сроков рассмотрения дела и повысит нагрузку арбитражных апелляционных судов.

Таким образом, определения, вынесенные судом в рамках рассмотрения дел по правилам гл. 30 и 31 АПК РФ, могут быть обжалованы в суд кассационной инстанции, минуя суд апелляционной инстанции.

ВОПРОС 10. Может ли факт заключения договора займа при отсутствии оригинала такого договора либо исключения его судом из числа доказательств по делу подтверждаться иными доказательствами, в частности платежными документами, подтверждающими факт перечисления денежных средств?

ОТВЕТ. Согласно п. 1 ст. 158 ГК РФ сделки совершаются устно или в письменной форме (простой или нотариальной).

Сделка в письменной форме должна быть совершена путем составления документа, выражающего ее содержание и подписанного лицом или лицами, совершающими сделку, или должным образом уполномоченными ими лицами (п. 1 ст. 160 ГК РФ).

Указанные правила применяются к двусторонним (многосторонним) сделкам (договорам), если иное не установлено ГК РФ (п. 2 ст. 420 ГК РФ). Так договор в письменной форме может быть заключен путем составления одного документа, подписанного сторонами, а также путем обмена письмами, телеграммами, телексами, телефаксами и иными документами, в том числе электронными документами, передаваемыми по каналам связи, позволяющими достоверно установить, что документ исходит от стороны по договору (пп. 2 и 3 ст. 434 ГК РФ).

Статьей 808 ГК РФ установлены требования к форме договора займа: договор займа между гражданами должен быть заключен в письменной форме, если его сумма превышает не менее чем в десять раз установленный законом минимальный размер оплаты труда, а в случае, когда займодавцем является юридическое лицо, – независимо от суммы.

В подтверждение договора займа и его условий может быть представлена расписка заемщика или иной документ, удостоверяющие

передачу ему займодавцем определенной денежной суммы или определенного количества вещей.

Согласно ст. 162 ГК РФ несоблюдение требований о совершении сделки лишает стороны права в случае спора ссылаться в подтверждение сделки и ее условий на свидетельские показания, но не лишает их права приводить письменные и другие доказательства. В случаях, прямо указанных в законе или в соглашении сторон, несоблюдение простой письменной формы сделки влечет ее недействительность.

При этом договор займа является реальным и в соответствии с п. 1 ст. 807 ГК РФ считается заключенным с момента передачи денег или других вещей.

Статьей 812 ГК РФ предусмотрено, что заемщик вправе оспаривать договор займа по его безденежности, доказывая, что деньги или другие вещи в действительности не получены им от займодавца или получены в меньшем количестве, чем указано в договоре. Если договор займа должен быть совершен в письменной форме (ст. 808 ГК РФ), его оспаривание по безденежности путем свидетельских показаний не допускается, за исключением случаев, когда договор был заключен под влиянием обмана, насилия, угрозы, злонамеренного соглашения представителя заемщика с займодавцем или стечения тяжелых обстоятельств.

В соответствии с ч. 1 ст. 56 ГПК РФ и ч. 1 ст. 65 АПК РФ каждая сторона, лицо, участвующие в деле, должны доказать те обстоятельства, на которые они ссылаются как на основания своих требований и возражений, если иное не предусмотрено федеральным законом.

Поскольку для возникновения обязательства по договору займа требуется фактическая передача кредитором должнику денежных средств (или других вещей, определенных родовыми признаками) именно на условиях договора займа, то в случае спора на кредиторе лежит обязанность доказать факт передачи должнику предмета займа и то, что между сторонами возникли отношения, регулируемые гл. 42 ГК РФ, а на заемщике – факт надлежащего исполнения обязательств по возврату займа либо безденежность займа.

При наличии возражений со стороны ответчика относительно природы возникшего обязательства следует исходить из того, что займодавец заинтересован в обеспечении надлежащих доказательств, подтверждающих заключение договора займа, и в случае возникновения спора на нем лежит риск недоказанности соответствующего факта.

В соответствии с ч. 2 ст. 71 ГПК РФ, ч. 8 ст. 75 АПК РФ при непредставлении истцом письменного договора займа или его надлежащим образом заверенной копии вне зависимости от причин этого (в случаях утраты, признания судом недопустимым доказательством, исключения из числа доказательств и т.д.) истец

лишается возможности ссылаться в подтверждение договора займа и его условий на свидетельские показания, однако вправе приводить письменные и другие доказательства, в частности расписку заемщика или иные документы.

К таким доказательствам может относиться, в частности, платежное поручение, подтверждающее факт передачи одной стороной определенной денежной суммы другой стороне.

Такое платежное поручение подлежит оценке судом, арбитражным судом исходя из объяснений сторон об обстоятельствах дела, по правилам, предусмотренным ст. 67 ГПК РФ или ст. 71 АПК РФ, – по внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном, объективном и непосредственном исследовании имеющихся в деле доказательств, с учетом того, что никакие доказательства не имеют заранее установленной силы.

При этом указание в одностороннем порядке плательщиком в платежном поручении договора займа в качестве основания платежа само по себе не является безусловным и исключительным доказательством факта заключения сторонами соглашения о займе и подлежит оценке в совокупности с иными обстоятельствами дела, к которым могут быть отнесены предшествующие и последующие взаимоотношения сторон, в частности их взаимная переписка, переговоры, товарный и денежный оборот, наличие или отсутствие иных договорных либо внедоговорных обязательств, совершение ответчиком действий, подтверждающих наличие именно заемных обязательств, и т.п.

Вопросы применения Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации

ВОПРОС 11. В каком порядке рассматриваются дела о взыскании обязательных платежей и санкций с физических лиц, находящиеся в производстве судов общей юрисдикции и не рассмотренные на 15 сентября 2015 г.?

Утвержден на заседании Президиума Верховного Суда Российской Федерации 9 сентября 2015 г.

ОТВЕТ. Пункт 5 ч. 1 ст. 23 ГПК РФ устанавливает, что мировой судья рассматривает в качестве суда первой инстанции дела по имущественным спорам при цене иска, не превышающей пятидесяти тысяч рублей.

С 15 сентября 2015 г. вводится в действие Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации (далее – КАС РФ), который не предусматривает рассмотрение дел, возникающих

из административных и иных публичных правоотношений, мировыми судьями (ст. 1 Федерального закона от 8 марта 2015 г. № 22-ФЗ «О введении в действие Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 22-ФЗ), ст. 17–21 КАС РФ).

В соответствии с ч. 1 ст. 3 Федерального закона № 22-ФЗ дела, находящиеся в производстве Верховного Суда Российской Федерации и судов общей юрисдикции и не рассмотренные до 15 сентября 2015 г., подлежат рассмотрению и разрешению в порядке, предусмотренном КАС РФ.

Вместе с тем согласно ст. 4 и ч. 2 ст. 7 Федерального закона № 22-ФЗ, содержащим специальные нормы, с 15 сентября 2015 г. дела по требованиям о взыскании с физических лиц обязательных платежей и санкций подлежат рассмотрению в порядке, предусмотренном КАС РФ. При этом указанные нормы не содержат положений о распространении КАС РФ на не рассмотренные до 15 сентября 2015 г. дела данной категории.

Исходя из изложенного дела о взыскании обязательных платежей и санкций, находящиеся в производстве районных судов и мировых судей и не рассмотренные на день введения в действие КАС РФ, рассматриваются в соответствии с процессуальным законом, действовавшим до 15 сентября 2015 г., то есть по правилам ГПК РФ.

Дела данной категории, поступившие после указанной даты, рассматриваются районным судом по правилам КАС РФ.

ВОПРОС 12. В каком порядке рассматриваются заявления о выдаче судебного приказа по требованиям о взыскании с граждан недоимок по налогам, сборам и другим обязательным платежам, находящиеся в производстве мировых судей и не рассмотренные на 15 сентября 2015 г.?

Утвержден на заседании Президиума Верховного Суда Российской Федерации 9 сентября 2015 г.

ОТВЕТ. Пункт 1 ч. 1 ст. 23 ГПК РФ устанавливает, что мировой судья рассматривает в качестве суда первой инстанции дела о выдаче судебного приказа.

Согласно абзацу шестому ст. 122 ГПК РФ судебный приказ выдается, если заявлено требование о взыскании с граждан недоимок по налогам, сборам и другим обязательным платежам.

С 15 сентября 2015 г. вводится в действие Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации (далее – КАС РФ), который не предусматривает рассмотрение дел, возникающих

из административных и иных публичных правоотношений, мировыми судьями, а абзац шестой ст. 122 ГПК РФ признается утратившим силу (п. 6 ст. 16 Федерального закона от 8 марта 2015 г. № 23-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с введением в действие Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации»).

В соответствии с ч. 1 ст. 3 Федерального закона от 8 марта 2015 г. № 22-ФЗ «О введении в действие Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации» дела, находящиеся в производстве Верховного Суда Российской Федерации и судов общей юрисдикции и не рассмотренные до 15 сентября 2015 г., подлежат рассмотрению и разрешению в порядке, предусмотренном КАС РФ.

Вместе с тем в приказном производстве рассматриваются заявления о выдаче судебного приказа по требованиям о взыскании с граждан недоимок по налогам, сборам и другим обязательным платежам, которые, по смыслу ч. 1 ст. 3 Федерального закона № 22-ФЗ, не подлежат передаче на рассмотрение районных судов в связи с введением в действие КАС РФ. С учетом этого указанные заявления должны быть рассмотрены в соответствии с процессуальным законом, действующим на момент их принятия (гл. 11 ГПК РФ).

В случае поступления после введения в действие КАС РФ возражений должника относительно исполнения судебного приказа, выданного до 15 сентября 2015 г. по требованию о взыскании недоимки по налогам, сборам и другим обязательным платежам, такой приказ отменяется по правилам ст. 129 ГПК РФ. В этом случае заявление о взыскании обязательных платежей и санкций может быть подано в районный суд и рассмотрено по правилам КАС РФ.

ВОПРОС 13. Какими документами должно подтверждаться наличие высшего образования у представителя по делам, рассматриваемым в порядке административного судопроизводства?

В какой форме суду должен быть представлен документ об образовании (подлинник или копия)?

ОТВЕТ. В силу чч. 1 и 3 ст. 55 КАС РФ представителями в суде по административным делам могут быть лица, обладающие полной дееспособностью, не состоящие под опекой или попечительством и имеющие высшее юридическое образование. Представители должны представить суду документы о своем образовании, а также документы, удостоверяющие их статус и полномочия.

Суд обязан проверить полномочия лиц, участвующих в деле, и их представителей. Документы, подтверждающие полномочия представителей, или их копии при необходимости приобщаются к

материалам административного дела, либо сведения о них заносятся в протокол судебного заседания (чч. 1 и 3 ст. 58 КАС РФ).

Согласно пп. 2 – 4 ч. 5 ст. 10 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (далее – Закон об образовании, Федеральный закон № 273-ФЗ) высшим образованием в Российской Федерации являются бакалавриат, специалитет, магистратура, подготовка кадров высшей квалификации.

Образовательные уровни (образовательные цензы), установленные в Российской Федерации до дня вступления в силу названного федерального закона, приравниваются к уровням образования, установленным данным федеральным законом, в следующем порядке:

высшее профессиональное образование – бакалавриат – к высшему образованию – бакалавриату;

высшее профессиональное образование – подготовка специалиста или магистратура – к высшему образованию – специалитету или магистратуре;

послевузовское профессиональное образование в аспирантуре (адъюнктуре) – к высшему образованию – подготовке кадров высшей квалификации по программам подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре) (пп. 4–6 ч. 1 ст. 108 Федерального закона № 273-ФЗ).

Пунктами 2 – 5 ч. 7 ст. 60 Закона об образовании установлено, что высшее образование – бакалавриат подтверждается дипломом бакалавра; высшее образование – специалитет подтверждается дипломом специалиста; высшее образование – магистратура подтверждается дипломом магистра; высшее образование – подготовка кадров высшей квалификации, осуществляемая по результатам освоения программ подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре), подтверждается дипломом об окончании аспирантуры (адъюнктуры).

Исходя из приведенных предписаний закона наличие высшего юридического образования у представителя по делам, рассматриваемым в порядке административного судопроизводства, может подтверждаться дипломом бакалавра, дипломом специалиста, дипломом магистра либо дипломом об окончании аспирантуры (адъюнктуры) по юридической специальности.

Сведения о наличии у представителя высшего юридического образования, полученного до вступления в силу Закона об образовании, могут также подтверждаться иными документами, выданными в соответствии с ранее действовавшим правовым регулированием.

Указанные документы представляются в суд в подлиннике или в форме надлежащим образом заверенной копии.

ВОПРОС 14. Вправе ли суд допустить к участию в административном деле представителя, полномочия которого оформлены до 15 сентября 2015 г. в соответствии с гражданским процессуальным законодательством?

ОТВЕТ. С 15 сентября 2015 г. введен в действие КАС РФ, а подраздел III раздела II ГПК РФ, определяющий порядок рассмотрения дел, возникающих из публичных правоотношений, признан утратившим силу (ст. 1 Федерального закона от 8 марта 2015 г. № 22-ФЗ «О введении в действие Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации» (далее – Закон № 22-ФЗ), п. 12 ст. 16 Федерального закона от 8 марта 2015 г. № 23-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с введением в действие Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации»).

Дела, находящиеся в производстве судов общей юрисдикции, а также апелляционные, кассационные, надзорные жалобы (представления), частные жалобы (представления), не рассмотренные до указанной даты, подлежат рассмотрению в соответствии с КАС РФ (ст. 3 Закона № 22-ФЗ).

Статьями 56, 57 КАС РФ установлены новые правила, касающиеся содержания полномочий представителей, их оформления и подтверждения. Кроме того, Кодекс содержит отличную от ГПК РФ терминологию (административный истец, административный ответчик, административное исковое заявление и т.п.).

Соответственно, доверенности, выданные представителям по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений, до 15 сентября 2015 г., могут содержать термины и выражения, не совпадающие с используемыми в тексте КАС РФ.

В связи с этим следует исходить из того, что, по смыслу гл. 10 ГК РФ, доверенность является односторонней сделкой, к которой применяются общие положения об обязательствах и о договорах, поскольку это не противоречит закону, одностороннему характеру и существу сделки (ст. 156 ГК РФ).

К числу таких положений относятся нормы ст. 431 ГК РФ, предусматривающие, что буквальное значение условия сделки в случае его неясности устанавливается путем сопоставления с другими условиями и смыслом сделки в целом.

С учетом изложенного при представлении суду доверенности, выданной до 15 сентября 2015 г. согласно нормам ГПК РФ, суд устанавливает содержание и объем полномочий представителя по делу исходя из волеизъявления доверителя и преследуемой им юридической

цели, не ограничиваясь при этом буквальным значением отдельных слов и выражений, содержащихся в доверенности.

Таким образом, если из доверенности, выданной до введения в действие КАС РФ, усматривается, что представитель уполномочен вести дела, возникающие из административных и иных публичных правоотношений, он может быть допущен к участию в административном деле.

ВОПРОС 15. Обязан ли адвокат представлять суду документы, подтверждающие наличие высшего юридического образования?

ОТВЕТ. По общему правилу, сформулированному в ст. 55 КАС РФ, представителями по административным делам могут быть только лица, имеющие высшее юридическое образование.

Пункт 1 ст. 1 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (далее – Закон об адвокатуре) закрепляет, что адвокатской деятельностью является квалифицированная юридическая помощь, оказываемая на профессиональной основе лицами, получившими статус адвоката в порядке, установленном данным федеральным законом, физическим и юридическим лицам (далее – доверители) в целях защиты их прав, свобод и интересов, а также обеспечения доступа к правосудию.

Адвокат является независимым профессиональным советником по правовым вопросам (п. 1 ст. 2 указанного закона).

Таким образом, федеральный законодатель связывает право на получение квалифицированной юридической помощи с помощью адвоката. С учетом этого к лицу, претендующему на получение статуса адвоката, предъявляются соответствующие квалификационные требования.

В частности, из взаимосвязанных положений ст. 9–12 Закона об адвокатуре следует, что статус адвоката может быть присвоен только лицу, успешно сдавшему квалификационный экзамен, имеющему высшее юридическое образование либо ученую степень по юридической специальности и отвечающему установленным законом требованиям к стажу по юридической специальности.

Следовательно, присвоение лицу статуса адвоката свидетельствует о наличии у него квалификации, позволяющей профессионально оказывать юридическую помощь, которая подтверждена решением соответствующей квалификационной комиссии.

В связи с изложенным предъявления документов о высшем юридическом образовании для представления интересов доверителя в административном процессе адвокату не требуется.

ВОПРОС 16. Какими документами подтверждаются статус и полномочия адвоката, участвующего в качестве представителя по административному делу?

ОТВЕТ. Согласно ч. 3 ст. 55 КАС РФ представители должны представить суду документы, удостоверяющие их статус и полномочия. При этом ч. 4 ст. 57 данного кодекса устанавливает, что полномочия адвоката на ведение административного дела в суде в качестве представителя удостоверяются в соответствии с федеральным законом.

В силу п. 2 ст. 6 Закона об адвокатуре в случаях, предусмотренных федеральным законом, адвокат должен иметь ордер на исполнение поручения, выдаваемый соответствующим адвокатским образованием. В иных случаях адвокат представляет доверителя на основании доверенности.

Согласно п. 3 ст. 15 Закона об адвокатуре удостоверение адвоката является единственным документом, подтверждающим статус адвоката.

Исходя из изложенного, полномочия адвоката в административном процессе подтверждаются доверенностью на представление интересов доверителя, а его статус – соответствующим удостоверением.

Вместе с тем, по смыслу ч. 4 ст. 54, ч. 4 ст. 57, ч. 6 ст. 277 КАС РФ и ст. 6 Закона об адвокатуре, при назначении судом административному ответчику в качестве представителя адвоката, его полномочия подтверждаются ордером, выданным соответствующим адвокатским образованием.

Кроме того, адвокаты, привлеченные до 15 сентября 2015 г. к участию в деле, возникающем из административных и иных публичных правоотношений, в силу ч. 5 ст. 53 ГПК РФ могут выступать в качестве представителя при предъявлении ордера.

При этом адвокат не обладает полномочиями, которые, исходя из смысла ч. 2 ст. 56 КАС РФ могут подтверждаться лишь указанием на них в доверенности.

ВОПРОС 17. Необходимо ли прокурору для участия в административном деле представить суду документы о своем образовании?

Ответ. В соответствии с ч. 3 ст. 55 КАС РФ представители должны представить суду документы о своем образовании, а также документы, удостоверяющие их статус и полномочия.

Согласно положениям ст. 37, 39 указанного кодекса прокурор относится к лицам, участвующим в деле, и не является представителем. Следовательно, при участии прокурора в административном

судопроизводстве на основании названных статей КАС РФ он не обязан представлять суду документы о своем образовании.

Вместе с тем по смыслу ч. 2 ст. 55 КАС РФ не исключается участие прокурора в административном деле в качестве представителя органа прокуратуры.

В соответствующих случаях судам следует иметь в виду, что в силу п. 1 ст. 40¹ Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-І «О прокуратуре Российской Федерации» прокурорами могут быть граждане Российской Федерации, получившие высшее юридическое образование по имеющей государственную аккредитацию образовательной программе.

Таким образом, по смыслу изложенной правовой нормы и ч. 2 ст. 55 КАС РФ в их системном толковании, прокуроры, участвующие в административном деле в качестве представителей органов прокуратуры, также не обязаны представлять суду документы о своем образовании.

ВОПРОС 18. Вправе ли суд отказать в принятии административного искового заявления, если имеется вступившее в законную силу судебное постановление, ранее вынесенное судом по спору между теми же сторонами, по тем же основаниям, о том же предмете, рассмотренному в порядке ГПК РФ до введения в действие КАС РФ?

ОТВЕТ. С 15 сентября 2015 г. в связи с введением в действие КАС РФ подраздел III раздела II ГПК РФ, регулирующий производство по делам, возникающим из публичных правоотношений, признан утратившим силу (п. 12 ст. 16 Федерального закона от 8 марта 2015 г. № 23-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с введением в действие Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации»). Начиная с указанной даты дела, возникающие из административных и иных публичных правоотношений, рассматриваются по правилам КАС РФ (ст. 1 Федерального закона от 8 марта 2015 г. № 22-ФЗ «О введении в действие Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации»).

В силу п. 4 ч. 1 ст. 128 КАС РФ, если иное не предусмотрено данным кодексом, судья отказывает в принятии административного искового заявления в случае, если имеется вступившее в законную силу решение суда по административному спору между теми же сторонами, о том же предмете и по тем же основаниям, определение суда о прекращении производства по данному административному делу в связи с принятием отказа административного истца от административного

иска, утверждением соглашения о примирении сторон или имеется определение суда об отказе в принятии административного искового заявления. Суд отказывает в принятии административного искового заявления об оспаривании нормативных правовых актов, решений, действий (бездействия), нарушающих права, свободы и законные интересы неопределенного круга лиц, если имеется вступившее в законную силу решение суда, принятое по административному иску о том же предмете.

С учетом изложенного наличие вступившего в законную силу судебного постановления, вынесенного судом в соответствии с подразделом III ГПК РФ по спору между теми же сторонами, по тем же основаниям и о том же предмете, является основанием для отказа в принятии административного искового заявления.

ВОПРОС 19. Подлежит ли представление прокурора, внесенное им в рамках осуществления прокурорского надзора за исполнением законов, оспариванию в порядке, определенном гл. 22 КАС РФ и гл. 24 АПК РФ?

ОТВЕТ. Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (далее – Закон о прокуратуре) устанавливает, что прокурор при осуществлении надзора за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов наделен правом вносить представление об устранении нарушений закона в орган или должностному лицу, которые полномочны устранить допущенные нарушения (п. 1 ст. 21, п. 3 ст. 22, ст. 24, 28).

За невыполнение требований прокурора, вытекающих из его полномочий, ст. 17.7 КоАП РФ в отношении указанных лиц предусмотрена административная ответственность, что свидетельствует о том, что представление прокурора, являясь основанием для привлечения к административной ответственности, затрагивает права этих лиц.

Согласно правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, неоднократно изложенной в его решениях, акты государственных органов, органов местного самоуправления, иных органов и должностных лиц подлежат оспариванию в судебном порядке, если они по своему содержанию затрагивают права и интересы граждан, юридических лиц и предпринимателей, в том числе при осуществлении ими предпринимательской деятельности, независимо от того, какой характер – нормативный или ненормативный – носят оспариваемые акты. Иное означало бы необоснованный отказ в судебной защите, что противоречит ст. 46 Конституции Российской Федерации.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 10 февраля 2009 г. № 2 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании решений, действий (бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих» разъяснил, что к должностным лицам, решения, действия (бездействие) которых могут быть оспорены по правилам гл. 25 ГПК РФ, относятся, в частности, должностные лица органов прокуратуры (п. 3).

С учетом изложенного представление прокурора не может быть исключено из числа решений органов государственной власти, которые могут быть обжалованы в порядке, предусмотренном гл. 22 КАС РФ и гл. 24 АПК РФ.

Таким образом, если орган или должностное лицо, в отношении которых внесено представление, считают, что представление нарушает их права и свободы, создает препятствия к осуществлению их прав и свобод либо незаконно возлагает на них какие-либо обязанности, они вправе обратиться в суд с соответствующим заявлением в порядке, предусмотренном гл. 22 КАС РФ и гл. 24 АПК РФ.

Поскольку оснований для отказа в принятии и оснований для возвращения такого заявления ст. 128 КАС РФ и ст. 129 АПК РФ не содержат, суд общей юрисдикции или арбитражный суд рассматривают данное заявление по существу.

ВОПРОС 20. Вправе ли суд апелляционной инстанции направить на новое рассмотрение в суд первой инстанции дело, разрешенное до 15 сентября 2015 г. в порядке гражданского судопроизводства, если такое дело рассмотрено судом в незаконном составе или если судом был разрешен вопрос о правах и об обязанностях лиц, не привлеченных к участию в деле?

ОТВЕТ. Согласно пп. 1 и 4 ч. 4 ст. 330 ГПК РФ основаниями для отмены решения суда первой инстанции в любом случае являются рассмотрение дела судом в незаконном составе и принятие судом решения о правах и об обязанностях лиц, не привлеченных к участию в деле.

При наличии оснований, предусмотренных ч. 4 данной статьи, суд апелляционной инстанции рассматривает дело по правилам производства в суде первой инстанции без учета особенностей, предусмотренных гл. 39 ГПК РФ (ч. 5 ст. 330 ГПК РФ).

Таким образом, ГПК РФ не предусматривает права суда апелляционной инстанции направить дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции при наличии указанных обстоятельств.

Вместе с тем с 15 сентября 2015 г. введен в действие КАС РФ, в связи с чем не рассмотренные до указанной даты апелляционные, кассационные, надзорные жалобы (представления), частные жалобы (представления) разрешаются в соответствии с КАС РФ (ст. 1, ч. 2 ст. 3 Федерального закона от 8 марта 2015 г. № 22-ФЗ «О введении в действие Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации»).

В силу п. 3 ст. 309, пп. 1 и 4 ч. 1 ст. 310 КАС РФ по результатам рассмотрения апелляционных жалобы, представления суд апелляционной инстанции вправе отменить решение суда и направить административное дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции в случае, если административное дело было рассмотрено судом в незаконном составе или если судом был разрешен вопрос о правах и обязанностях лиц, не привлеченных к участию в административном деле.

С учетом изложенного при названных обстоятельствах суд апелляционной инстанции на основании п. 3 ст. 309, пп. 1 и 4 ст. 310 КАС РФ вправе направить на новое рассмотрение в суд первой инстанции дело, рассмотренное до 15 сентября 2015 г. в порядке гражданского судопроизводства.

Вопросы применения Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях

ВОПРОС 21. Образуется ли объективная сторона состава административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 14.1³ КоАП РФ, осуществление юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем на основании соответствующей лицензии предпринимательской деятельности по управлению многоквартирными домами в случае, когда в реестре лицензий отсутствуют сведения об адресе многоквартирного дома, управление которым осуществляет лицензиат?

ОТВЕТ. Частью 1 ст. 14.1³ КоАП РФ установлена административная ответственность должностных лиц, индивидуальных предпринимателей и юридических лиц за осуществление предпринимательской деятельности по управлению многоквартирными домами без лицензии на ее осуществление, если такая лицензия обязательна.

Лицензирование предпринимательской деятельности по управлению многоквартирными домами предусмотрено п. 4 ч. 4 ст. 1 Федерального закона от 4 мая 2011 г. № 99-ФЗ «О лицензировании

отдельных видов деятельности», ст. 192 Жилищного кодекса Российской Федерации (далее – ЖК РФ).

Согласно Федеральному закону от 4 мая 2011 г. № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» лицензия – это специальное разрешение на право осуществления юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем конкретного вида деятельности (выполнения работ, оказания услуг, составляющих лицензируемый вид деятельности), которое подтверждается документом, выданным лицензирующим органом (ст. 3). В приказ (распоряжение) лицензирующего органа о предоставлении лицензии или об отказе в предоставлении лицензии и в лицензию включаются сведения о лицензируемом виде деятельности с указанием выполняемых работ, оказываемых услуг, составляющих лицензируемый вид деятельности (ст. 15).

В связи с этим в лицензии на осуществление предпринимательской деятельности по управлению многоквартирными домами не отражаются сведения об адресе многоквартирного дома или адресах многоквартирных домов, деятельность по управлению которыми осуществляет лицензиат.

При этом согласно ч. 4 ст. 192 ЖК РФ лицензия действует только на территории субъекта Российской Федерации, органом государственного жилищного надзора которого она выдана. Лицензия не подлежит передаче третьим лицам.

Как следует из содержания ч. 4 ст. 198 ЖК РФ, лицензиат имеет право осуществлять деятельность по управлению конкретным многоквартирным домом при условии заключения договора управления таким домом и выполнения требований о размещении на официальном сайте для раскрытия информации, а также внесения органом государственного жилищного надзора изменений в реестр лицензий субъекта Российской Федерации, отражающих изменения в перечне многоквартирных домов, управление которыми осуществляет лицензиат.

Согласно ч. 2 ст. 195 ЖК РФ реестр лицензий субъекта Российской Федерации должен содержать раздел, который включает в себя сведения об адресе многоквартирного дома или адресах многоквартирных домов, деятельность по управлению которыми осуществляет лицензиат.

Из системного толкования указанных выше норм Федерального закона «О лицензировании отдельных видов деятельности» и Жилищного кодекса Российской Федерации следует, что отсутствие в реестре лицензий сведений о многоквартирном доме, фактическую деятельность по управлению которым осуществляет лицензиат, само по себе не означает недействительность ранее выданной лицензии или

осуществление юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем такой деятельности без лицензии.

Таким образом, осуществление юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем на основании соответствующей лицензии предпринимательской деятельности по управлению многоквартирными домами в случае, когда в реестре лицензий отсутствуют сведения об адресе многоквартирного дома, управление которым осуществляет лицензиат, не образует объективную сторону состава административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 14.1³ КоАП РФ.

ВОПРОС 22. Образует ли объективную сторону состава административного правонарушения, предусмотренного ч. 2 ст. 15.1 КоАП РФ, неиспользование управляющей организацией, осуществляющей деятельность по управлению многоквартирным домом, специального банковского счета в случае, когда такая организация осуществляет расчеты с собственниками жилых помещений без участия платежных агентов?

ОТВЕТ. В соответствии с ч. 2 ст. 15.1 КоАП РФ неиспользование платежными агентами, поставщиками, банковскими платежными агентами, банковскими платежными субагентами специальных банковских счетов для осуществления соответствующих расчетов влечет наложение административного штрафа на должностных лиц в размере от четырех тысяч до пяти тысяч рублей; на юридических лиц – от сорока тысяч до пятидесяти тысяч рублей.

В силу ч. 1 ст. 3 Федерального закона от 3 июня 2009 г. № 103-ФЗ «О деятельности по приему платежей физических лиц, осуществляемой платежными агентами» (далее – Федеральный закон № 103-ФЗ) под деятельностью по приему платежей физических лиц признается прием платежным агентом от плательщика денежных средств, направленных на исполнение денежных обязательств перед поставщиком по оплате товаров (работ, услуг), в том числе внесение платы за жилое помещение и коммунальные услуги в соответствии с Жилищным кодексом Российской Федерации, а также осуществление платежным агентом последующих расчетов с поставщиком.

Положения Федерального закона № 103-ФЗ не применяются, в частности, к отношениям, связанным с деятельностью по проведению расчетов, осуществляемых юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями при реализации товаров (выполнении работ, оказании услуг) непосредственно с физическими лицами, за исключением расчетов, связанных с взиманием платежным агентом с плательщика вознаграждения, предусмотренного этим федеральным

законом, а также не применяются к отношениям, связанным с деятельностью по проведению расчетов, осуществляемых в безналичном порядке (пп. 1 и 4 ч. 2 ст. 1).

Согласно пп. 3 и 4 ст. 2 Федерального закона № 103-ФЗ платежным агентом может являться юридическое лицо, за исключением кредитной организации, или индивидуальный предприниматель, осуществляющие деятельность по приему платежей физических лиц. При этом платежным агентом является либо оператор по приему платежей, либо платежный субагент.

Под оператором по приему платежей – платежным агентом понимается юридическое лицо, заключившее с поставщиком договор об осуществлении деятельности по приему платежей физических лиц (п. 4 ст. 2).

Платежным субагентом является юридическое лицо или индивидуальный предприниматель, заключившие с оператором по приему платежей договор об осуществлении деятельности по приему платежей физических лиц (п. 5 ст. 2).

Пункт 1 ст. 2 Федерального закона № 103-ФЗ содержит понятие «поставщик». Так, поставщиком, в частности, признается юридическое лицо или индивидуальный предприниматель, которым вносится плата за жилое помещение и коммунальные услуги в соответствии с Жилищным кодексом Российской Федерации (далее – ЖК РФ).

В соответствии с чч. 4 и 7 ст. 155 ЖК РФ плата за содержание и ремонт жилого помещения, а также за коммунальные услуги вносится в управляющую организацию. При этом выполнением обязательств по внесению платы за коммунальные услуги перед управляющей организацией признается в том числе и внесение платы за все или некоторые коммунальные услуги непосредственно ресурсоснабжающим организациям (ч. 7¹ ст. 155 ЖК РФ).

С учетом того, что плата за жилое помещение и коммунальные услуги вносится юридическому лицу, осуществляющему деятельность по управлению многоквартирными домами, такое юридическое лицо не является платежным агентом, поскольку для целей Федерального закона № 103-ФЗ оно признается поставщиком услуг.

В соответствии с ч. 18 ст. 4 Федерального закона № 103-ФЗ на поставщике при осуществлении расчетов с платежным агентом при приеме платежей лежит обязанность использовать специальный банковский счет. Этой же нормой закреплено императивное правило, согласно которому поставщик не вправе получать денежные средства, принятые платежным агентом в качестве платежей, на банковские счета, не являющиеся специальными банковскими счетами.

В свою очередь, по специальному банковскому счету поставщика допускается осуществление операций только по зачислению денежных

средств, списанных со специального банковского счета платежного агента, а также по списанию денежных средств на банковские счета. Осуществление других операций, в том числе и по осуществлению расчетов непосредственно с физическими лицами – собственниками жилых помещений, по специальному банковскому счету поставщика не допускается (чч. 19–20 ст. 4 Федерального закона № 103-ФЗ).

Согласно ч. 15 ст. 155 ЖК РФ управляющая организация вправе самостоятельно осуществлять расчеты с собственниками жилых помещений либо взимать плату за жилое помещение и коммунальные услуги при участии платежных агентов. При этом потребители вправе по своему выбору оплачивать коммунальные услуги путем наличных и безналичных расчетов в любом выбранном ими банке или почтовыми переводами.

Исходя из изложенного, в случае если управляющая организация самостоятельно осуществляет расчеты с собственниками жилых помещений без участия платежных агентов, то у такой организации отсутствует обязанность по использованию специального банковского счета для приема платежей за коммунальные услуги от физических лиц.

Следовательно, неиспользование управляющей организацией, иным юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем, осуществляющими деятельность по управлению многоквартирными домами, специального банковского счета при осуществлении расчетов с собственниками жилых помещений без участия платежных агентов не образует объективную сторону состава административного правонарушения, предусмотренного ч. 2 ст. 15.1 КоАП РФ.

Аналогичным образом разрешается вопрос о привлечении к административной ответственности за правонарушение, предусмотренное данной нормой, иных лиц, осуществляющих деятельность по управлению многоквартирными домами (товарищество собственников жилья, жилищный кооператив, иной специализированный потребительский кооператив).

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ СВЕДЕНИЯ

1. Из Обзора законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за третий квартал 2003 года отзывается ответ на вопрос № 13 о том, вправе ли суд удалиться в совещательную комнату в пятницу вечером, а в понедельник утром огласить решение по делу.

2. Из Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за четвертый квартал 2013 года (раздел II «Практика рассмотрения дел по спорам, возникающим из социальных, трудовых и пенсионных правоотношений») отзывается пример под номером 6

(определение № 91-КГ13-4 по делу, касающемуся порядка исчисления срока исковой давности) с исправлением порядковых номеров в указанном разделе.

ПРАКТИКА МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРНЫХ ОРГАНОВ

В силу п. 10 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» «толкование международного договора должно осуществляться в соответствии с Венской конвенцией о праве международных договоров от 23 мая 1969 г. (раздел 3; ст. 3-33). Согласно п. «b» ч. 3 ст. 31 Венской конвенции при толковании международного договора наряду с его контекстом должна учитываться последующая практика применения договора, которая устанавливает соглашение участников относительно его толкования».

Практика международных (межгосударственных) органов, контролирующая исполнение государствами международно-правовых обязательств в сфере защиты прав и свобод человека, которые предусматриваются в международном договоре, устанавливает соглашение участников такого договора в отношении его применения.

В целях эффективной защиты прав и свобод человека судам необходимо при рассмотрении административных, гражданских дел, дел по разрешению экономических споров, уголовных и иных дел учитывать правовые позиции, сформулированные межгосударственными договорными органами.

В сфере административно-правовых отношений, а также в сфере рассмотрения дел об административных правонарушениях

Практика международных договорных органов ООН

Комитет по правам человека²

² Комитет по правам человека (далее - Комитет) действует на основании Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. (далее – Пакт) и Факультативного протокола к указанному Пакту. Российская Федерация является участником этих международных договоров и в качестве государства-продолжателя Союза ССР признает компетенцию Комитета получать и рассматривать сообщения лиц, находящихся под ее юрисдикцией, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения положений Пакта.

Сообщение: *Бахытжан Торегожин против Республики Казахстан.* Сообщение № 2137/2012. Соображения приняты Комитетом 21 октября 2014 г.

Тема сообщения: арест, признание виновной в административном правонарушении и наложение штрафа за проведение массового художественного мероприятия (арт-моба).

Вопрос существа: произвольное задержание; свобода передвижения; свобода выражения мнений; свобода ассоциации.

Правовые позиции Комитета: Комитет напоминает, что для соответствия п. 1 ст. 9 арест должен быть не только законным, но и обоснованным и необходимым в любых обстоятельствах³ (п. 7.2 Соображений).

Комитет ссылается на свое Замечание общего порядка № 34, в котором он, в частности, указал, что свобода выражения мнений имеет ключевое значение и является основополагающим элементом любого свободного и демократического общества⁴. Он отмечает, что в п. 3 ст. 19 предусматривается наложение ограничений на свободу выражения мнений, в том числе на свободу распространять информацию и идеи, но только в той степени, в которой они установлены законом и являются необходимыми: а) для уважения прав и репутации других лиц; или б) для охраны государственной безопасности, общественного порядка, здоровья или нравственности населения. И наконец, любое ограничение свободы выражения мнений не должно быть слишком широким по характеру, то есть оно должно являться наименее ограничительной мерой, с помощью которой может быть обеспечена соответствующая защитная функция, и быть соразмерным защищаемому интересу⁵ (п. 7.4 Соображений).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет отмечает, что государство-участник не предоставило никаких пояснений относительно того, почему арест автора, произведенный на основании положений Административно-процессуального кодекса, был разумным и необходимым. Комитет считает, что государство-участник не продемонстрировало необходимость задержания автора. В данных обстоятельствах Комитет приходит к выводу, что задержание автора не имело разумных оснований и явилось нарушением п. 1 ст. 9 Пакта (п. 7.2 Соображений).

³ См. сообщения № 305/1988, *Ван Альфен против Нидерландов*, Соображения от 23 июля 1990 г., п. 5.8; и № 631/1995, *Спакмо против Норвегии*, Соображения от 5 ноября 1999 г., п. 6.3.

⁴ См. Замечание общего порядка № 34 (2011) Комитета, касающееся свободы мнений и их выражения, п. 2.

⁵ Там же, п. 34.

Комитет отмечает, что ... факт задержания автора и наложения на нее крупного штрафа вызывает серьезные сомнения относительно необходимости и пропорциональности ограничений, наложенных на права автора. Комитет ... отмечает, что государство-участник не привело каких-либо конкретных обоснований необходимости ограничений, которые были наложены на автора, как это требуется в п. 3 ст. 19 Пакта⁶. Кроме того, государство-участник не подтвердило, что избранные меры являлись наименее ограничительными по характеру или соразмерными защищаемому интересу. Исходя из обстоятельств дела, Комитет считает, что, хотя указанные ограничения были наложены на автора на основе внутреннего законодательства, их оправданность и пропорциональность, требуемые по условиям п. 3 ст. 19 Пакта, продемонстрировать не удалось. Поэтому он приходит к выводу, что права автора по п. 2 ст. 19 Пакта были нарушены⁷ (п. 7.5 Соображений).

Относительно жалобы автора в связи со ст. 21 Пакта Комитет ... считает, что государство-участник не подтвердило, что ограничения, наложенные на права автора, а именно задержание автора и наложение на нее крупного штрафа, являлись необходимыми с точки зрения интересов государственной безопасности или общественного порядка, охраны здоровья или нравственности населения, либо защиты прав и свобод других лиц... Комитет приходит к выводу, что представленные ему факты также свидетельствуют о нарушении прав автора, предусмотренных ст. 21 Пакта⁸ (п. 7.2 Соображений).

Выводы Комитета: в соответствии с п. 3 а) ст. 2 Пакта государство-участник обязано обеспечить автору эффективное средство правовой защиты, в том числе пересмотр вынесенного ей обвинительного приговора⁹ и выплату надлежащей компенсации, включая возмещение понесенных судебных издержек. Наряду с этим государство-участник обязано предотвращать совершение аналогичных нарушений в будущем. Государству-участнику следует пересмотреть свое законодательство – в частности, Закон о порядке организации и проведения мирных собраний, митингов, шествий, пикетов и демонстраций в Республике Казахстан, поскольку в данном случае применялся именно этот закон, – чтобы обеспечить всестороннее

⁶ См. сообщение № 1604/2007, *Залеская против Беларуси*, Соображения от 28 марта 2011 г., п. 10.5.

⁷ См. сообщения № 927/2000, *Светик против Беларуси*, Соображения от 8 июля 2004 г., п. 7.3; и № 1009/2001, *Щетко против Беларуси*, Соображения от 11 июля 2006 г., п. 7.5.

⁸ См. *Залеская против Беларуси*, п. 10.6.

⁹ Речь идет о привлечении заявительницы к административной ответственности (п. 2.2 Соображений).

осуществление в государстве-участнике тех прав, которые предусмотрены ст. 19 и 21 Пакта (п. 9 Соображений).

Практика Европейского Суда по правам человека

Библейский Центр Чувашской Республики против России.

Постановление Европейского Суда по правам человека от 12 июня 2014 г.

Организация-заявитель жаловалась в соответствии со ст. 9 и 11 Конвенции на ограничение права обучать своих последователей и решение о ее ликвидации.

Европейский Суд установил, что «...статья 14 закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» предусматривает, что единственной санкцией, которую российские суды могут использовать в отношении религиозных организаций, нарушающих закон, является принудительная ликвидация. Закон не предусматривает возможности выдачи предупреждения или наложения штрафа. Решение о ликвидации можно было бы применять без разбора, независимо от тяжести нарушения. Вынося решение о ликвидации организации-заявителя, российские суды не обратили внимания на судебную практику Конституционного Суда или соответствующие нормы Конвенции и их решения не включали анализа влияния ликвидации организации-заявителя на фундаментальные права верующих пятидесятников. Таким образом, их постановления положили конец существованию давно функционировавшей религиозной организации и представляют собой наиболее жесткую форму вмешательства, которая не может рассматриваться как соизмеримая любым преследуемым законным целям» (п. 61 постановления).

Суд пришел к выводу, что имело место нарушение ст. 9 Конвенции, толкуемой в свете ст. 11.

Примов и другие против России. Постановление Европейского Суда по правам человека от 12 июня 2014 г.

Заявители жаловались на то, что отказ органов власти согласовать время и место проведения митинга 25 апреля 2006 г., насильственный разгон публичного мероприятия и задержание троих заявителей являются нарушением их прав на свободу выражения мнения и свободу собраний и объединений.

Европейский Суд установил, что «...решение разогнать митинг просто потому, что некоторые его участники ранее проявляли агрессивное поведение, было бы неверным. Изначально публичное мероприятие должно было носить мирный характер... Отказ районной администрации согласовать время и место проведения публичного мероприятия не относился к насильственному характеру митинга...

Органы власти мобилизовали большое число хорошо экипированных и обученных сотрудников милиции в селе, и, по мере развития событий, милиция взяла ситуацию в селе под контроль... милиция препятствовала входу протестующих в село и проведению митинга в сущности потому, что считала, что митинг было «несанкционированным», однако причины, побудившие районную администрацию не согласовывать проведение митинга, были либо неубедительными, либо не имели четкой юридической основы» (п. 152 постановления).

Имело место нарушение ст. 11 Конвенции.

Европейский Суд отметил, что «...значительная часть митингующих переступила границу мирного протеста, напала на представителей органов правопорядка с камнями, палками, прутьями и ножами и серьезно ранила нескольких из них. В этом контексте применение специальных средств и даже огнестрельного оружия милицией не кажется необоснованным. Даже если некоторые сотрудники милиции действовали непрофессионально и в нарушение правил применения пусковых систем газовых гранат, доказательства произвольного применения огнестрельного оружия для убийства или ранения протестующих отсутствуют» (п. 162 постановления).

В контексте ст. 11 Суд пришел к выводу, что общая реакция органов власти на блокирование дороги и агрессивное поведение большой группы протестующих не была несоразмерной и, соответственно, отсутствует нарушение статьи 11 Конвенции в данном аспекте.

Европейский Суд также не нашел нарушения ст. 11 Конвенции в связи с жалобой первого заявителя на его задержание.

Суд отметил, что «...органы власти имели основания подозревать заявителя в подстрекательстве толпы к нападению на милицию, что решение о его задержании и постановление о содержании заявителя под стражей были вынесены ввиду необходимости дальнейшего расследования его роли в событиях» (п. 164 постановления).

Европейский Суд подчеркнул, что «... статья 11 не обеспечивает иммунитет от судебного преследования за насильственные действия во время публичных мероприятий, особенно в случаях, когда характер насилия является значительным, как в настоящем деле. Отсутствуют доказательства того, что органы власти действовали недобросовестно, длительность содержания под стражей в ходе предварительного следствия (два месяца), по-видимому, является обоснованной, учитывая сложность дела... тот факт, что заявитель был в итоге освобожден и предъявленные ему обвинения сняты за отсутствием достаточных улик его участия в насильственных действиях, является показателем желания органов власти установить истину» (п. 165 постановления).

Крупко и другие против России. Постановление Европейского Суда по правам человека от 26 июня 2014 г.

Заявители жаловались, что их задержание и содержание под стражей не имели достаточных оснований и нарушали ст. 5 Конвенции.

Европейский Суд отметил, что «...заявители не были официально признаны подозреваемыми или обвиняемыми в совершении правонарушения и против них не было возбуждено никакого уголовного или административного производства... не было составлено никаких протоколов об административном правонарушении, задержании или аресте... задержание заявителей не могло быть произведено «с тем, чтобы они предстали перед компетентным органом по обоснованному обвинению в совершении правонарушения» в значении подпункта (с) п. 1 ст. 5. Следовательно, лишение свободы, которому были подвергнуты заявители, не имело каких-либо законных целей согласно п. 1 ст. 5 и было произвольным» (п. 40 постановления).

Суд пришел к выводу, что имело место нарушение ст. 5 Конвенции.

Заявители также жаловались, что досрочное прекращение их религиозного собрания в связи с прибытием милиции являлось нарушением ст. 5, 8, 9, 10 и 11 Конвенции, по отдельности и во взаимосвязи со ст. 14 Конвенции. Однако Европейский Суд отметил, что если характер собрания изначально является религиозным, как это и было в настоящем деле, когда заявители собрались на богослужение, жалоба о прерывании собрания должна рассматриваться только с точки зрения ст. 9 Конвенции (п. 42 постановления).

Суд установил, что «... рассматриваемое собрание не являлось шумным мероприятием, а представляло собой спокойную религиозную церемонию, проводимую в актовом зале, которая не нарушала общественный порядок и не представляла для него никакой опасности. Вмешательство вооруженных отрядов милиции в значительном количестве с целью прервать церемонию, даже если органы власти были убеждены, что отсутствие предварительного уведомления делало такое собрание незаконным, за которым последовали задержание заявителей и их трехчасовое содержание в отделении милиции, были несоразмерными цели защиты общественного порядка» (п. 56 постановления).

Суд пришел к выводу, что имело место нарушение ст. 9 Конвенции.

Коновалова против России. Постановление Европейского Суда по правам человека от 9 октября 2014 г.

Заявительница жаловалась на нарушение статьи 8 Конвенции в связи с незаконным присутствием студентов-медиков во время ее родов.

Суд обратил внимание на то, что «уведомление, на которое ссылалась больница в рамках судебного разбирательства на

национальном уровне, содержало весьма расплывчатое указание на участие студентов в «процессе обучения» без указания конкретных рамок и степени такого участия. Более того, информация была представлена таким образом, что предполагался обязательный характер участия, и, как представляется, заявительнице не предоставлялось выбора относительно того, отказываться или не отказываться от участия студентов ... При таких обстоятельствах трудно утверждать, что заявительница получила заблаговременное уведомление о такой организации процесса и могла предвидеть его конкретные последствия (п. 46 постановления).

Суд установил, «что заявительнице было сообщено о присутствии студентов-медиков на родах только за день до родов, между двумя периодами медикаментозного сна, когда она уже на протяжении определенного времени находилась в состоянии сильного стресса и утомления вследствие длительных родовых схваток ... Неясным остается то, предоставлялся ли заявительнице выбор относительно участия студентов при родах, и была ли она, с учетом сложившихся обстоятельств, в состоянии принимать осмысленное обоснованное решение» (п. 47 постановления).

Суд также отметил, что «действовавшие правовые положения не регулировали данный вопрос в достаточно подробной степени и не требовали получения больницей согласия заявительницы ... Несмотря на то, что национальные суды постановили, что в соответствии с действовавшим на текущий момент национальным законодательством письменное согласие не требовалось, они сочли, что было дано молчаливое согласие ... Даже если указанное решение как-то повлияло на исход дела на национальном уровне, оно не заслуживает доверия, поскольку суды просто положились на заявления врача, без проведения опроса таких свидетелей, как принимавшие участие в родах медицинский персонал и студенты ... Еще более важным является тот факт, что национальные суды не учли другие сопутствующие обстоятельства дела, такие как предполагаемая недостаточность информации, содержащейся в уведомлении больницы, уязвимое состояние заявительницы при получении уведомления, на что Суд уже указывал ранее, а также наличие каких-либо альтернативных вариантов организации на случай, если бы заявительница решила отказаться от присутствия студентов при родах...» (п. 48 постановления).

Суд пришел к выводу о том, что присутствие студентов-медиков при родах заявительницы не соответствовало требованиям законности по смыслу п. 2 ст. 8 Конвенции ввиду отсутствия в национальном праве на момент рассматриваемых событий достаточных процессуальных гарантий защиты от произвольного вмешательства в права заявительницы, закрепленные в ст. 8.

Ворожба против России. Постановление Европейского Суда по правам человека от 16 октября 2014 г.

Заявитель жаловалась, что национальными органами власти не было исполнено судебное решение об определении места жительства ее дочери с заявительницей.

Европейский Суд отметил, что «...национальное законодательство предоставляет определенные полномочия органам власти, уполномоченным осуществлять розыск должников в рамках исполнительного производства... Федеральная пограничная служба имеет право передавать лиц, разыскиваемых за неисполнение решения, правоохранительным органам и что, в свою очередь, сотрудники полиции имеют право доставлять таких граждан в служебные помещения полиции, рассматривать вопрос об их возможном задержании, уведомлять службу судебных приставов и даже заключать таких лиц под стражу на время, необходимое для их перевода в службу судебных приставов» (п. 89 постановления).

Суд также установил, что «...органы власти, уполномоченные обеспечить исполнение решения, не представили доказательств своих усилий, приложенных с целью добиться от [бывшего супруга заявительницы] исполнения своего обязательства, в случае необходимости, в достаточной степени систематическими или даже более жесткими принудительными мерами» (п. 93 постановления).

Европейский Суд отклонил аргументы властей о том, что «...решение [районного суда, определившее место жительства дочери заявителя] не заключало в себе никакого обязательства для отца передать ребенка заявителю и что, следовательно, оно было неисполнимым. В ходе исполнительного производства служба судебных приставов не поднимала вопрос о недостаточной ясности решения. Решение было достаточно четким, на взгляд службы судебных приставов, как для возбуждения исполнительного производства, так и для его исполнения в итоге без дополнительных уточнений» (п. 96 постановления).

Европейский Суд пришел к выводу о том, что внутригосударственные органы власти не приняли в настоящем деле все меры, которые могли в разумной мере требоваться от них в целях содействия исполнению решения, вынесенного в пользу заявителя, и, следовательно, имело место нарушение ст. 8 Конвенции.

Вопросы административного выдворения

Практика международных договорных органов ООН

Комитет по правам человека

Сообщение: *Кесматулла Хакдар против Российской Федерации.* Сообщение № 2126/2011. Соображения приняты Комитетом 17 октября 2014 г.

Тема сообщения: возможная депортация автора в Афганистан после отказа в предоставлении убежища.

Вопросы существа: применение пыток; право на защиту от незаконного вмешательства в личную и семейную жизнь.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет принял к сведению сообщение автора относительно того, что в случае возвращения в Афганистан ему как бывшему комбатанту просоветского режима, сражавшегося с моджахедами, угрожает опасность самосуда со стороны боевиков Талибана; что автор прожил более 20 лет за пределами государства происхождения, больше не имеет там никаких связей, что полностью лишает его поддержки и подвергает опасности нападения; а также что район происхождения автора, как сообщается, все больше выходит из сферы влияния центрального правительства и находится в руках Талибана (п. 11.2 Соображений).

Комитет отмечает, что имеющиеся у него материалы указывают на то, что при рассмотрении утверждений автора властями государства-участника большое значение было придано тому факту, что на него не распространяется внутреннее законодательство, регулирующее статус беженца, и что, как представляется, конкретные права автора по Пакту не были в достаточной мере учтены¹⁰. Комитет отмечает, что государство-участник в своих сообщениях лишь указывает, что автор покинул свою страну происхождения по экономическим причинам, но при этом не проводит оценки существующей угрозы применения в отношении него пыток в случае возвращения в Афганистан. При всем уважении к полномочиям иммиграционных властей оценивать предоставленные им свидетельства Комитет считает, что в данном случае следует провести дополнительный анализ. В отсутствие представления государством-участником информации, свидетельствующей о проведении тщательной оценки заявлений автора о том, что он может подвергнуться пыткам в случае принудительного возвращения в Афганистан, Комитет считает, что вынесение и приведение в исполнение решения о депортации автора явилось бы нарушением ст. 7 Пакта (п. 11.4 Соображений).

Выводы Комитета: в соответствии с п. 3 а) ст. 2 Пакта государство-участник обязано обеспечить автору эффективное средство

¹⁰ См., например, сообщение № 1544/2007, *Хамида против Канады* (пп. 8.3–8.4 и 8.6).

правовой защиты, включая повторное рассмотрение в полном объеме утверждений автора об угрозе подвергнуться пыткам, с учетом обязательств государства-участника по Пакту. Государство-участник также обязано не подвергать других лиц подобным рискам нарушения их прав (п. 13 Соображений).

Сообщение: *Б. Л. против Австралии*. Сообщение № 2053/2011. Соображения приняты Комитетом 16 октября 2014 г.

Тема сообщения: депортация в Сенегал.

Вопросы существа: право на жизнь; право на защиту от жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания; право на свободу мысли, совести и религии.

Правовые позиции Комитета: Комитет ссылается на свое Замечание общего порядка № 31, в котором он отмечает обязательство государства-участника не экстрадировать, не депортировать, не высылать и не выдворять иным образом лицо со своей территории, когда имеются существенные основания полагать, что существует реальная опасность причинения невозмездимого вреда, такого как вред, предусмотренный в ст. 6 и 7 Пакта¹¹. Комитет напоминает, что рассмотрение или оценка фактов и доказательств для определения такой опасности, как правило, должны проводиться органами государств-участников¹² (п. 7.3 Соображений).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет принимает к сведению заявления автора о том, что в результате его перехода из ислама в христианство в 1994 году в случае его возвращения в Сенегал он подвергнется физическому насилию или может быть убит членами «Братства мюридов» или членами собственной семьи. Комитет отмечает заявление автора о том, что в ноябре 1994 года его родственники напали на него и угрожали принятием против него фетвы «Братством мюридов» и что после того, как он пытался скрыться в городе Каолак, его родственники и другие члены «Братства мюридов» нашли и жестокого избили его. Комитет ... принимает к сведению утверждение автора о том, что в Сенегале у него нет возможности получить государственную защиту. Комитет отмечает информацию о том, что, несмотря на признание достоверными большинства представленных фактических сведений по этому делу Судом по пересмотру решений, касающихся беженцев, он счел неубедительным

¹¹ См. Замечание общего порядка № 31[80] о характере общего юридического обязательства, налагаемого на государства – участники Пакта, п. 12.

¹² См. сообщение № 1763/2008, *Пиллай и др. против Канады*, Соображения, принятые 25 марта 2011 г., п. 11.4. См. также сообщения № 1819/2008, *А.А. против Канады*, решение о неприемлемости, принятое 31 октября 2011 г., п. 7.8 и № 2049/2011, *З. против Австралии*, Соображения, принятые 18 июля 2014 г., п. 9.3.

утверждение автора о том, что ему угрожает опасность со стороны «Братства мюридов», и пришел к выводу о том, что в Сенегале у автора есть возможность получить надлежащую государственную защиту (п. 7.2 Соображений).

Комитет отмечает, что ходатайство автора о получении статуса беженца было тщательно изучено властями государства-участника, которые пришли к выводу о том, что у автора нет веских оснований опасаться преследований. Автор не пытался добиться судебного пересмотра решения об отказе в удовлетворении его ходатайства Суда по пересмотру решений, касающихся беженцев, и не заявлял ни о каких процессуальных нарушениях в решении СПБ.¹³ Комитет принимает к сведению, что СПБ признал, что автор обратился в христианскую веру в 1994 году; что в ноябре 1994 года несколько членов его семьи напали на него и держали его взаперти без еды в течение трех дней и что позднее в городе Каолак, где он пытался укрыться, он был найден и избит членами его семьи и несколькими членами «Братства мюридов». СПБ пришел к выводу о том, что любые угрозы в адрес автора исходят от его родственников и их соратников, а не от «Братства мюридов» в целом, и не принял утверждения автора о том, что в Сенегале у него не будет возможности получить надлежащую и эффективную государственную защиту. Комитет также отмечает, что автор не привел больше никаких аргументов в пользу того, что он не сможет переехать ни в какой другой район Сенегала. Комитет отмечает, что автор не выявил никакого фактора риска, который не учли должным образом власти государства-участника и никакого другого нарушения в процессе принятия ими решения. Автор не согласен с фактологическими выводами властей государства-участника, но не показывает, что они явно носят необоснованный характер. В связи с этим Комитет приходит к выводу о том, что не было доказано, что власти Сенегала в целом не захотят и не смогут предоставить автору беспристрастную, надлежащую и эффективную защиту от угроз его физической безопасности и что не было бы неразумным ожидать, что он поселится в другом месте, особенно удаленном от города Туба, где ему будет доступна такая защита. При условии, что автор будет возвращен лишь в тот район, где, по мнению государства-участника, ему будет доступна надлежащая и эффективная защита, Комитет не может признать, что возвращение автора в Сенегал будет представлять собой нарушение обязательств государства-участника в соответствии со ст. 6 и 7 Пакта (п. 7.4 Соображений).

¹³ Суд по пересмотру решений, касающихся беженцев.

Выводы Комитета: Комитет ... считает, что он не может признать, что автор столкнулся бы с реальным риском недопустимого обращения..., если бы его выдворили в Сенегал (п. 7.5 Соображений).

Комитет против пыток¹⁴

Сообщение: *Абед Азизи против Швейцарии*. Сообщение № 492/2012. Решение принято Комитетом 27 ноября 2014 г.

Тема сообщения: высылка в Исламскую Республику Иран.

Вопросы существа: угроза подвергнуться пыткам по возвращении в страну происхождения.

Правовые позиции Комитета: Комитет должен установить, имеются ли серьезные основания полагать, что заявителю лично угрожает опасность подвергнуться пыткам по его возвращении в Исламскую Республику Иран. Для оценки такой опасности Комитет должен в соответствии с п. 2 ст. 3 Конвенции принять во внимание все относящиеся к делу обстоятельства, включая наличие постоянной практики грубых, вопиющих и массовых нарушений прав человека. ... Комитет напоминает, что цель оценки состоит в том, чтобы установить, будет ли угрожать лично соответствующему лицу предсказуемая и реальная опасность быть подвергнутым пыткам в стране, в которую он будет возвращен. Из этого следует, что существование постоянной практики грубых, вопиющих или массовых нарушений прав человека в той или иной стране само по себе не является достаточным основанием для вывода о том, что соответствующему лицу будет угрожать применение пыток в случае возвращения в эту страну; для установления наличия личной угрозы в отношении соответствующего лица должны существовать дополнительные основания¹⁵. Аналогичным образом отсутствие постоянной практики вопиющих нарушений прав человека не означает, что соответствующее лицо не может не рассматриваться в качестве лица, которому угрожает опасность подвергнуться пыткам с учетом конкретных обстоятельств его дела (п. 8.3 Решения).

¹⁴ Комитет против пыток (далее – Комитет) действует на основании Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания от 10 декабря 1984 г. Российская Федерация является участником указанного международного договора и в качестве государства – продолжателя Союза ССР признает компетенцию Комитета получать и рассматривать сообщения лиц, находящихся под его юрисдикцией, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения государством - участником положений Конвенции.

¹⁵ См., в частности, сообщения № 426/2010, *Р.Д. против Швейцарии*, Решение, принятое 8 ноября 2013 г., п. 9.2; и № 413/2010, *А.А.М. против Швеции*, Решение, принятое 23 мая 2012 г., п. 9.3.

Комитет ссылается на свое Замечание общего порядка № 1 (1997) об осуществлении ст. 3 Конвенции в контексте ст. 22 (возвращение и сообщения), согласно которому при оценке степени риска применения пыток должны анализироваться основания, выходящие за пределы одних лишь умозрительных предположений или подозрений. Хотя при оценке этого риска не следует брать за основу критерий «высокой степени вероятности», Комитет отмечает, что бремя доказывания, как правило, лежит на заявителе, который должен представить убедительные аргументы, доказывающие, что ему грозит «предсказуемая, реальная и личная» опасность¹⁶. Комитет ... напоминает, что в соответствии с его Замечанием общего порядка № 1 он в значительной степени опирается на выводы по фактической стороне дела, подготовленные органами соответствующего государства-участника¹⁷. Вместе с тем он не считает себя связанным такими выводами и исходит из того, что в соответствии с п. 4 ст. 22 Конвенции он правомочен свободно оценивать факты с учетом всех обстоятельств по каждому конкретному делу (п. 8.4 Решения).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: ссылаясь на свою правовую практику последнего времени¹⁸, Комитет напоминает о том, что поступают сообщения об использовании в Иране психологических и физических пыток для получения признательных показаний, что указывает на широкое и систематическое применение подобной практики¹⁹, а также продолжающие поступать сообщения о случаях задержания и применения пыток к политическим оппонентам²⁰. Комитет ... отмечает недавно усилившуюся тенденцию к аресту и осуждению лиц, осуществляющих свои права на свободу выражения мнений, мирные собрания и ассоциацию²¹. Комитет испытывает в этом

¹⁶ См., в частности, сообщения № 435/2010, Г.Б.М. против Швеции, решение, принятое 14 ноября 2012 г., п. 7.4; № 463/2011, Д.Ю. против Швеции, решение, принятое 21 мая 2013 г., п. 9.4; и № 455/2011, С.Ц.Л. против Австралии, Решение, принятое 2 мая 2014 г., п. 9.3.

¹⁷ См., в частности, сообщение № 356/2008, Н.С. против Швейцарии, Решение, принятое 6 мая 2010 г., п. 7.3.

¹⁸ См. сообщения № 481/2011, *К.Н., Ф.В. и С.Н. против Швейцарии*, Решение, принятое 19 мая 2014 г.; № 357/2008, *Джахани против Швейцарии*, Решение, принятое 23 мая 2011 г.; и № 381/2009, *Фараголла и др. против Швейцарии*, Решение, принятое 21 ноября 2011 г.

¹⁹ Доклад Специального докладчика по вопросу о положении в области прав человека в Исламской Республике Иран (А/69/356), п. 16.

²⁰ Доклады Специального докладчика по вопросу о положении в области прав человека в Исламской Республике Иран (А/НRC/25/61), пп. 23, 29; и А/68/503, пп. 1, 6, 8 и 30.

²¹ Заявление Председателя-Докладчика Рабочей группы по произвольным задержаниям, Специального докладчика по вопросу о положении в области прав человека в Исламской Республике Иран, Специального докладчика по вопросу о внесудебных казнях, казнях без надлежащего судебного разбирательства или

отношении еще большую обеспокоенность с учетом того факта, что Исламская Республика Иран часто использует смертную казнь и применяет ее без гарантий надлежащего судебного разбирательства в делах, связанных с некоторыми преступлениями, которые не считаются наиболее тяжкими преступлениями в соответствии с нормами международного права²². Государство-участник само признает наличие такого положения в Исламской Республике Иран (п. 8.5 Решения).

Комитет принимает к сведению, что заявитель являлся активным членом швейцарского отделения КДПИ²³ и председателем региональных исполнительных комитетов в ряде кантонов, участвовал в различных демонстрациях и публиковал статьи в Интернете. Государство-участник не оспаривает эту информацию. Комитет принимает к сведению замечание государства-участника о том, что иранские власти обращают свое внимание на видных деятелей, которые могут представлять собой конкретную угрозу для иранского режима; что заявитель такой угрозы не представляет; что деятельность, в которой он предположительно участвовал, является типичной деятельностью для многих иранцев, оказавшихся в изгнании; и что государство-участник не стало бы признавать заявителя потенциально опасным для иранского режима... Комитет отмечает, что, согласно недавним сообщениям, в Исламской Республике Иран также тщательно отслеживают оппозиционеров и более низкого уровня²⁴. Комитет ... отмечает наличие многочисленных сообщений о продолжающемся преследовании политических активистов из числа этнических меньшинств, включая недавние казни курдов, обвинительные приговоры которым были вынесены в результате судебных разбирательств, не соответствующих нормам справедливого судопроизводства²⁵ (п. 8.6 Решения).

Комитет принимает к сведению утверждение заявителя о том, что из-за своего обращения в христианство он может быть подвергнут преследованию и даже приговорен к смертной казни за обращение в другую веру и прозелитизм. Он также принимает к сведению аргумент государства-участника о том, что обращение в христианство за рубежом

произвольных казнях, Специального докладчика по вопросу о поощрении и защите права на свободу мнений и их свободное выражение, Специального докладчика по вопросу о праве на свободу мирных собраний и праве на ассоциации, Специального докладчика по вопросу о независимости судей и адвокатов и Специального докладчика по вопросу о положении правозащитников (8 августа 2014 г.).

Размещено на веб-сайте по адресу:

www.ohchr.org/EN/NewsEvents/Pages/DisplayNews.aspx?NewsID=14926&LangID=E#sthash.kyvBUBmn.dpuf

²² См. A/HRC/25/61, пп. 5 и 84. См. также сообщение № 481/2011, п. 7.6.

²³ Демократическая партия иранского Курдистана

²⁴ См. A/HRC/25/61, пп. 88–90, и A/68/503, пп. 6–15 и 88–90.

²⁵ См. A/HRC/25/61, пп. 82–83.

не подвергнет заявителя опасности преследования в Исламской Республике Иран, если только он не исповедовал христианство активно и явно. Комитет отмечает, что последние сообщения свидетельствуют о том, что христиане, особенно протестанты и лица, перешедшие из ислама в христианство, подвергаются преследованию в Исламской Республике Иран, что в течение ряда последних лет сотни христиан были арестованы и помещены под стражу и что многие церкви, особенно молельни протестантов-евангелистов, в настоящее время осуществляют свою деятельность в атмосфере страха²⁶. Согласно содержащейся в этих докладах информации, а) члены религиозных меньшинств, включая христиан, помещаются под стражу и подвергаются пыткам или жестокому, бесчеловечному и унижающему достоинство обращению, а также длительному одиночному заключению с целью добиться от них признательных показаний, зачастую не предоставляя им доступа к адвокату²⁷; б) большинство дел в отношении христиан рассматривается в революционных судах как преступления против национальной безопасности, однако некоторым христианам предъявляются обвинения в государственных уголовных судах за проявление религиозных убеждений, а должностные лица регулярно угрожают преследовать обращенных христиан за отступничество²⁸; в) процедуры преследования часто не соответствуют международным стандартам, так как ограничивается доступ к материалам дела и право на защиту²⁹; и д) иранские власти на самом высоком уровне назвали неформальные "домашние церкви" и евангельских христиан угрозой национальной безопасности³⁰. Отчеты о текущем положении также предполагают возросшее преследование христиан-протестантов и в том числе помещение их под стражу за участие в деятельности неформальных домашних церквей³¹, а также физическое и жестокое

²⁶ Там же, п. 39–41, и A/69/356, пп. 42–48. См. также пресс-релиз Специального докладчика по вопросу о положении в области прав человека в Исламской Республике Иран и Специального докладчика по вопросу о свободе религии или убеждений, которые выразили «серьезную обеспокоенность по поводу ареста и помещения под стражу сотен христиан за последние несколько лет» и призвали власти «смягчить существующую атмосферу страха, в которой осуществляют свою деятельность церкви, особенно молельни протестантов-евангелистов» (20 сентября 2012 года). Размещено на веб-сайте по адресу: www.ohchr.org/EN/NewsEvents/Pages/DisplayNews.aspx?NewsID=12551&LangID=E#sthash.MU9FGkH3.dpuf.

²⁷ См. A/HRC/25/61, п. 36.

²⁸ Там же, п. 41.

²⁹ Там же, п. 36.

³⁰ Там же, п. 40.

³¹ A/69/356, п. 47.

психологическое насилие, в том числе угрозы расправы по отношению к содержащимся под стражей обращенным христианам³² (п. 8.7 Решения).

С учетом всех этих обстоятельств, включая общее положение в области прав человека в Исламской Республике Иран, личное положение заявителя, который продолжает активно участвовать в политической деятельности против иранского режима за рубежом, а также правовой практики Комитета³³ Комитет считает, что заявитель вполне мог привлечь к себе внимание иранских властей. Комитет полагает, что обращение заявителя в христианство и его принадлежность к курдским политическим активистам усугубляют опасность того, что он подвергнется преследованию в случае возвращения в Исламскую Республику Иран. С учетом этих соображений, рассматриваемых в целом, Комитет считает, что в конкретных обстоятельствах данного дела существуют серьезные основания полагать, что заявитель подвергнется пыткам в случае возвращения в Исламскую Республику Иран... Комитет отмечает, что, поскольку Исламская Республика Иран не является стороной Конвенции, в случае нарушения предусмотренных Конвенцией прав заявителя в этой стране он будет лишен правовой возможности обратиться в Комитет с просьбой о той или иной защите (п. 8.8 Решения).

Выводы Комитета: Комитет против пыток... считает, что депортация заявителя в Исламскую Республику Иран будет представлять собой нарушение ст. 3 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (п. 9 Решения).

Сообщение: *X. против Дании*. Сообщение № 458/2011. Решение принято Комитетом 28 ноября 2014 г.

Тема сообщения: высылка заявителя в Эфиопию.

Вопросы существа: угроза подвергнуться пыткам по возвращении в страну происхождения.

Правовые позиции Комитета: Комитет напоминает, что применение в прошлом жестокого обращения является лишь одним из подлежащих учету элементов³⁴ (п. 9.5 Решения).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет отмечает, что заявитель сообщает Комитету о том, что она неоднократно

³² Там же, п. 48.

³³ См. сообщения № 339/2008, *Амини против Дании*, Решение, принятое 15 ноября 2010 г., п. 9.8; № 357/2008, *Джахани против Швейцарии*, примечание 11, п. 9.4; и № 381/2009, *Фараголла и др. против Швейцарии*, примечание 11, п. 9.6.

³⁴ См., например, сообщения № 61/1996, *X.Y. и Z. против Швеции*, Решение, принятое 6 мая 1998 г., п. 11.2; и № 435/2010, *Г.Б.М. против Швеции*, Решение, принятое 14 ноября 2012 г., п. 7.7.

подвергалась тюремному заключению и пыткам в связи с политической деятельностью своего отца и своей собственной политической деятельностью на стороне Фронта освобождения оромо, а также предполагает риск новых арестов и пыток в случае возвращения в Эфиопию. Комитет ... отмечает утверждение государства-участника о том, что первоначальное ходатайство заявителя властям государства-участника основывалось на опасении преследования в связи с ее принадлежностью к оромо, что утверждения о ее содержании под стражей приблизительно за четыре года до ее прибытия в Данию были добавлены на более поздней стадии разбирательств в связи с предоставлением убежища и что утверждения о ее неоднократном помещении под стражу и подробная информация о пытках были представлены только после слушаний в Комиссии по рассмотрению апелляций беженцев, хотя для представления подобной информации имелись более ранние возможности. Комитет принимает к сведению медицинские заключения, представленные заявителем, и довод государства-участника о том, что выводы, содержащиеся в заключении медицинской группы организации «Международная Амнистия» от 2 июня 2009 г., не могут быть признаны доказательством пыток. Комитет далее отмечает жалобу заявителя на то, что государство-участник не провело независимой медицинской оценки ее утверждений о пытках, а также ответ государства-участника о том, что такое освидетельствование не было ни запрошено заявителем, ни сочтено необходимым государством-участником из-за позднего представления информации о пытках и в целом отсутствия доверия к версии событий в изложении заявителя (п. 9.4 Решения).

Комитет считает, что, даже если предположить, что заявитель подвергалась в прошлом пыткам со стороны властей государства, из этого не следует автоматический вывод, что по меньшей мере семь лет спустя после описываемых событий ей по-прежнему угрожала бы опасность подвергнуться пыткам по возвращении в Эфиопию³⁵ (п. 9.5 Решения).

Комитет с обеспокоенностью отмечает сообщения о нарушениях прав человека в Эфиопии³⁶, в том числе о применении пыток, а также представленную заявителем информацию о преследовании активистов Фронта освобождения оромо. Он также ссылается на свои заключительные замечания по первоначальному докладу Эфиопии, опубликованные в 2010 году, где указано, что он «серьезно обеспокоен многочисленными, непрекращающимися и согласующимися между

³⁵ См., например, сообщение № 431/2010, *Ю. против Швейцарии*, Решение, принятое 21 мая 2013 г., п. 7.7.

³⁶ См., например, A/HRC/WG.6/19/ETH/2. См. также Amnesty International, *Amnesty International Report 2013: The State of the World's Human Rights* (London, 2013).

собой утверждениями о рутинном применении пыток» сотрудниками правительственных служб в отношении политических диссидентов и членов оппозиционных партий, студентов, лиц, подозреваемых в террористической деятельности, и предполагаемых сторонников таких воинствующих сепаратистских группировок, как Фронт освобождения оромо³⁷. Комитет принимает к сведению аргументы заявителя о том, что она является активным членом Фронта освобождения оромо, а также представление государства-участника, оспаривающее правдивость этой информации. Вместе с тем на основании имеющейся в его распоряжении информации Комитет приходит к выводу о том, что заявителю не удалось представить доказательства в подтверждение политической деятельности таких масштабов, которая могла бы привлечь внимание властей. Информация, представленная Комитету, не подтверждает, что заявитель привлекала к себе внимание эфиопских властей после того, как она покинула страну (п. 9.6 Решения).

Выводы Комитета: Комитет считает, что представленная заявителем информация является недостаточной для того, чтобы подтвердить ее заявление о том, что ей лично будет угрожать предсказуемая и реальная опасность пыток в случае возвращения в Эфиопию (п. 9.7 Решения).

Практика Европейского Суда по правам человека

Адеишвили (Мазмишвили) против России. Постановление Европейского Суда по правам человека от 16 октября 2014 г.

Заявитель жаловался, в том числе на то, что его выдворение в Грузию противоречит ст. 8 Конвенции.

Европейский Суд отметил, что он выработал соответствующие критерии, которые мог бы использовать для оценки необходимости применения такой меры, как ... выдворение, и ее соразмерности преследуемой правомерной цели. Такими критериями являются: характер и тяжесть правонарушения, совершенного заявителем; длительность пребывания заявителя в стране, из которой он/она должен (должна) быть выдворен(а); период времени, истекший с момента совершения правонарушения и поведение заявителя в этот период; гражданство различных заинтересованных лиц; семейное положение заявителя, в частности, длительность брака и другие факторы, выражающие наличие семейной жизни у пары; знал(а) ли супруг(а) о правонарушении на тот момент, когда он или она вступал(а) в брак с заявителем; есть ли дети от этого брака, и если есть, каков их возраст; а также тяжесть трудностей, с которыми, вероятно, столкнется супруг(а)

³⁷ См. САТ/С/ЕТН/СО/1, п. 10.

заявителя в стране, в которую должен быть выдворен заявитель (п. 57 постановления).

Суд установил, что «...национальные суды распорядились о выдворении заявителя за несанкционированное проживание на территории Российской Федерации, которое стало незаконным после того, как органы власти аннулировали его российское гражданство и паспорт гражданина Российской Федерации ... заявитель не в первый раз привлекался к административной ответственности за незаконное проживание на территории Российской Федерации ... национальные суды при вынесении решения о выдворении заявителя приняли во внимание его судимости... рассматриваемая семейная жизнь развивалась в течение периода, в который заявитель, и, очевидно, [его супруга] были осведомлены о нестабильности миграционного статуса заявителя в России. В марте 2010 года решение, подтверждающее непрерывное проживание в России, было отменено, и заявитель не добивался судебного разбирательства. В апреле 2010 года российское гражданство заявителя было аннулировано, и его паспорт был признан недействительным. Видимо, присутствию заявителя на территории Российской Федерации относились терпимо, что не может быть приравнено к законному пребыванию» (пп. 79, 80, 82 постановления).

Европейский Суд также подчеркнул, что «... заявитель родился и вырос в Грузии, где до сих пор проживают его родители... дети заявителя находятся в юном и способном к адаптации возрасте... можно обоснованно признать возможность перемещения детей в грузинскую культуру и общество, несмотря на то, что... такое перемещение может повлечь значительные социальные и экономические трудности» (п. 83 постановления).

Суд пришел к выводу о том, что семейная жизнь заявителя в России не могла перевесить риск, который он представлял для общества, и, следовательно, его выдворение было пропорциональным правомерной цели предотвращения преступления. Таким образом, отсутствует нарушение ст. 8 Конвенции в случае выдворения заявителя в Грузию.

Фозил Назаров против России. Постановление Европейского Суда по правам человека от 11 декабря 2014 г.

Заявитель жаловался на то, что в случае экстрадиции или выдворения в Узбекистан он подвергнется реальной угрозе обращения, запрещенного ст. 3 Конвенции.

Суд отметил, что «заявитель сообщал в национальных судах о своих страхах подвергнуться жестокому обращению в Узбекистане. Верно, что впервые он поднял вопрос жестокого обращения в своей апелляции против распоряжения об административном выдворении. Тем не менее, Суд не находит это необоснованным, учитывая, что заявителю

стало известно об угрозе того, что его могут вернуть на родину, в тот момент, когда он узнал о постановлении о его административное выдворение в Узбекистан ... При рассмотрении его апелляционной жалобы, однако, суд отклонил аргументы заявителя касательно риска жестокого обращения по двум причинам: во-первых, так как заявитель не подал заявление о предоставлении статуса беженца сразу же после прибытия в Россию, и во-вторых, так как его утверждения были необоснованными» (п. 36 постановления). «Что касается ссылки суда апелляционной инстанции на то, что заявитель не подал заявление о предоставлении статуса беженца в надлежащее время, Суд вновь использует свой постоянный подход, заключающийся в том, что хотя тот факт, что лицо не обратилось за предоставлением убежища сразу же по прибытии в другую страну, может иметь отношение к оценке достоверности его утверждений, невозможно сравнивать риск жестокого обращения с лицом и причины, обосновывающие его выдворение. Поведение лица, каким бы оно ни было нежелательным или опасным, не может приниматься во внимание, в результате чего защита, предоставляемая ст. 3 Конвенции, шире, чем защита, предусмотренная ст. 32 и 33 Конвенции Организации Объединенных Наций о статусе беженцев 1951 года... Суд отмечает, что в настоящем деле заявитель прибыл в Россию в 2010 году, когда против него не было выдвинуто никаких обвинений, и обратился за предоставлением статуса беженца вскоре после того, как узнал о таких обвинениях. Кроме того, выводы внутригосударственных судов в отношении несвоевременного обращения заявителя за предоставлением статуса беженца не опровергают, по существу, его утверждения в соответствии со ст. 3 Конвенции» (п. 37 постановления).

«С учетом... доступных материалов, указывающих на существование реальной опасности жестокого обращения, с лицами, обвиняемыми, подобно заявителю, в участии в деятельности запрещенных религиозных организаций в Узбекистане, и на отсутствие достаточных гарантий избежать такого риска, Суд приходит к заключению, что принудительное возвращение заявителя в Узбекистан подвергло бы его серьезной опасности обращения, противоречащего ст. 3 Конвенции, и, таким образом, способствовало бы нарушению этой статьи» (п. 39 постановления).

В сфере гражданско-правовых отношений

Практика международных договорных органов ООН

Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин³⁸

Сообщение: *Э. С. и С. Ч. против Объединенной Республики Танзания*. Сообщение № 48/2013. Мнения приняты Комитетом 2 марта 2015 г.³⁹

Правовые позиции Комитета: Комитет напоминает, что в соответствии с п. f) ст. 2 и п. а) ст. 5 государства-участники обязаны принимать необходимые меры с целью изменения или отмены не только законов и существующих правил, но также обычаев и практики, дискриминирующих женщин, включая случаи, когда в государствах-участниках существуют множественные юридические системы, в которых применение норм права о личном статусе к отдельным лицам варьируется в зависимости от факторов их идентичности, таких как этническая или религиозная принадлежность⁴⁰. Комитет ... напоминает, что ответственность государств-участников за выполнение ими своих обязательств в соответствии со ст. 2 наступает в результате действий или бездействия, исходящих от всех ветвей государственной власти, включая судебную⁴¹. Государства-участники также обязаны, в соответствии с п. 1 ст. 16, принимать все необходимые меры по искоренению дискриминации в отношении женщин во всех вопросах,

³⁸ Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин (далее – Комитет) действует на основании Факультативного протокола к Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 18 декабря 1979 г. Российская Федерация является участником данного Протокола и Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (далее – Конвенция), а также признает компетенцию Комитета на получение индивидуальных сообщений получать и рассматривать сообщения лиц, находящихся под ее юрисдикцией, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения положений Конвенции

³⁹ Авторы сообщения заявляют, что применение государством-участником обычного наследственного права, кодифицированного в Указе № 4 о местном обычном праве (Декларация), не позволило им получить в управление и наследство какую-либо собственность после смерти их мужей и тем самым лишило их прав, предусмотренных пп. с) и f) ст. 2, п. а) ст. 5, п. b) ст. 13, пп. 1 и 2 ст. 15, подп. с) и h) п. 1 ст. 16 Конвенции в сочетании с общими рекомендациями Комитета № 21 и 27 о равенстве в браке и семейных отношениях, пожилых женщинах и защите их прав человека, соответственно (п. 3.1 Мнений).

⁴⁰ См. Общую рекомендацию № 29, п. 12: «В некоторых государствах-участниках существуют множественные юридические системы, в которых применение норм права о личном статусе к отдельным лицам варьируется в зависимости от факторов их идентичности, таких как этническая или религиозная принадлежность. В некоторых, но не всех государствах-участниках также имеются гражданские кодексы, нормы которых могут применяться только в определенных обстоятельствах или по желанию сторон. Тем не менее в ряде государств-участников индивидуум не имеет права выбора в том, что касается применения законов о личном статусе, основанных на личностных параметрах». См. также Общую рекомендацию № 28, п. 31.

⁴¹ См. Общую рекомендацию № 28, п. 39.

касающихся замужества и семейных отношений⁴². Комитет ... напоминает о своей Общей рекомендации № 29 по экономическим последствиям вступления в брак, семейных отношений и их расторжения, основанной на принципах, подробно изложенных в Общей рекомендации № 21 и обязывающей государства-участники ликвидировать дискриминацию в отношении женщин при вступлении в брак, нахождении в браке и при его расторжении в случае развода или смерти, как предусмотрено ст. 16 Конвенции⁴³.... Государства-участники обязаны принимать законы о наследовании по закону, отвечающие принципам Конвенции и обеспечивающие равное отношение к наследникам мужского и женского пола⁴⁴. В связи с этим Комитет напоминает, что в Общей рекомендации № 29 особо отмечается, что государства-участники обязаны обеспечивать соблюдение запрета на лишение вдовы/вдовца наследства⁴⁵ (п. 7.2 Мнений).

⁴² См. сообщение № 47/2012 *Гонсалес Карреньо против Испании*, мнения, принятые 16 июля 2014 г., п. 9.7.

⁴³ Общая рекомендация № 29, п. 6. См. также п. 7, согласно которому «право женщин на равноправие в семье признано повсеместно» и где содержатся ссылки на Замечание общего порядка № 28 о равноправии мужчин и женщин (особенно пп. 23-27), Замечание общего порядка № 19 о защите семьи, праве на брак и равенстве супругов, а также Замечание общего порядка № 16 Комитета по экономическим, социальным и культурным правам о равном доступе мужчин и женщин к осуществлению всех экономических, социальных и культурных прав (особенно п. 27) и Замечание общего порядка № 20 о недискриминации в экономических, социальных и культурных правах.

⁴⁴ Общая рекомендация № 29, п. 53. См. также Общую рекомендацию № 21, пп. 34 и 35. В частности, в п. 35 указано, что «во многих странах законы и практика, касающиеся вопросов наследования и имущественных отношений, ведут к серьезной дискриминации в отношении женщин. В результате такого неравного режима может сложиться положение, при котором женщины будут получать меньшую долю имущества своего супруга или отца в случае их смерти, чем та, которую получили бы в аналогичной ситуации вдовцы и сыновья. В некоторых случаях женщинам предоставляются ограниченные и регулируемые права, и они получают лишь доход от использования имущества покойного. Часто положения о наследственных правах вдов не отражают принципов равноправия в отношении владения имуществом, приобретенным во время брака. Такие положения противоречат Конвенции и должны быть отменены».

⁴⁵ Общая рекомендация № 29, п. 53. В этом пункте также говорится о том, что «отчуждение/присвоение имущества» является преступлением, и лица, виновные в совершении подобных преступлений, подлежат судебному преследованию в установленном порядке. См. также п. 50, где указано, что «в некоторых государствах-участниках вдовы становятся жертвами «отчуждения имущества» и «присвоения имущества», когда родственники ее покойного мужа, апеллируя к обычаям, отбирают у вдовы и ее детей имущество, нажитое в браке, в том числе имущество, которое по обычаям ей не принадлежит. Они отбирают у вдовы семейный дом и присваивают все движимое имущество, а затем пренебрегают

Ссылаясь на Общую рекомендацию № 21, Комитет подчеркивает, что права, содержащиеся в подп. h) п. 1 ст. 16, перекликаются с правами, провозглашенными в п. 2 ст. 15, который обязывает государства-участники предоставлять женщинам равные права при управлении имуществом⁴⁶. По мнению Комитета, право женщины в отношении владения, управления, пользования и распоряжения имуществом имеет основополагающее значение для осуществления права женщины на финансовую самостоятельность и может определять ее возможности зарабатывать на жизнь и обеспечивать надлежащим жильем и питанием себя и своих детей, особенно в случае смерти супруга⁴⁷ (п. 7.3 Мнений).

Комитет ... напоминает о том, что в соответствии со ст. 13 государства-участники принимают все соответствующие меры для ликвидации дискриминации в отношении женщин в областях экономической и социальной жизни, в частности в отношении их права на получение займов, ссуд под недвижимость и других форм финансового кредита (п. 7.4 Мнений).

Комитет напоминает о том, что применение дискриминационного обычного права способствует укреплению гендерных стереотипов и дискриминационного отношения к ролям и обязанностям женщин и препятствует осуществлению равных прав женщин в семье и в обществе в целом (п. 7.5 Мнений).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: в рассматриваемом случае Комитет отмечает, что в государстве-участнике вопросы наследования регулируются несколькими правовыми системами и в силу своей этнической принадлежности авторы сообщения являются субъектами обычного права народности сукума⁴⁸. Комитет ... отмечает, что, несмотря на наличие в Конституции государства-участника положений, гарантирующих равенство и недискриминацию, государство-участник не пересмотрело действующие и не приняло новые законы, направленные на ликвидацию существующих дискриминационных аспектов кодифицированного обычного права в отношении вдов. Вследствие этого авторы сообщения после смерти своих супругов были лишены прав на участие в управлении имуществом супругов и на получение наследства. Комитет

своими предписанными обычаями обязанностями по оказанию поддержки вдове и детям. В некоторых государствах-участниках вдовы низводятся до положения изгоев или выселяются в другие общины».

⁴⁶ Общая рекомендация № 21, п. 25.

⁴⁷ Там же, пп. 26-28. См. также Общую рекомендацию № 29, п. 49: «Многие государства-участники в соответствии с общим правом отказывают вдовам в равных с вдовцами правах на наследование, в результате чего они оказываются в экономически уязвимом положении после смерти супруга».

⁴⁸ О взаимосвязанной дискриминации см. Общую рекомендацию № 29, п. 12, и общую рекомендацию № 28, п. 18.

полагает, что нормативная база государства-участника, предусматривающая различный режим для вдов и вдовцов в плане их доступа к владению имуществом, его приобретения, управления, распоряжения, пользования им и его отчуждения является дискриминационным и представляет собой нарушение п. f) ст. 2 в сочетании со ст. 5, 15 и 16 Конвенции⁴⁹ (п. 7.6 Мнений).

Комитет отмечает, что, несмотря на признание Высоким судом в своем решении от 8 сентября 2006 г.⁵⁰ того факта, что применение положений обычного права⁵¹ в отношении авторов носило дискриминационный характер, Высокий суд отказался отменить соответствующие положения, аргументируя это тем, что изменить обычное право решением суда невозможно, и подобные действия равносильны «открытию ящика Пандоры». Комитет ... принимает к сведению отсутствие ответа на поданную авторами апелляцию со стороны как Генерального прокурора, так и Апелляционного суда на протяжении четырех лет, отклонение апелляции Апелляционным судом на основании процедурных формальностей, за которые авторы не могли нести ответственности, и отсутствие каких бы то ни было действий со стороны регистратора Высокого суда для предоставления исправленной версии судебного решения. Комитет придерживается мнения, что подобные недостатки в работе судебной системы представляют собой отказ в доступе к правосудию и, следовательно, равносильны непредоставлению авторам эффективных средств правовой защиты в нарушение п. с) ст. 2 (п. 7.7 Мнений).

В отношении ст. 13 Комитет принимает к сведению утверждение авторов о том, что вдовы в государстве-участнике вынуждены постоянно зависеть от своих родственников мужского пола и своих детей и поэтому не пользуются равными экономическими возможностями. Комитет также отмечает, что авторы были выселены из своих домов после смерти их мужей. Вследствие этого г-же Э. С. пришлось вернуться в свою семью, а г-же С. Ч. – снимать дом без какой-либо финансовой поддержки со стороны семей их умерших мужей...

⁴⁹ См. Замечание общего порядка № 29, п. 10.

⁵⁰ См. п. 2.9 выше.

⁵¹ Комитет напоминает, что, согласно Общей рекомендации № 28, государства-участники должны обеспечить закрепление принципа равенства между мужчинами и женщинами и недискриминации во внутреннем законодательстве с приданием ему главенствующего статуса и обеспечением его правовой санкцией (п. 31). См. также п. 33: «Суды должны доводить любое несоответствие между национальным законодательством, включая национальные религиозные и обычные правовые нормы, и обязательствами государства-участника по Конвенции до сведения соответствующих компетентных органов, поскольку внутригосударственное законодательство ни в коей мере не может служить оправданием неспособности государств-участников выполнять свои международные обязательства».

Комитет полагает, что авторы были оставлены в экономически уязвимом положении, без имущества, без дома для проживания со своими детьми и без какой-либо формы финансовой поддержки. Комитет считает, что такое состояние уязвимости и отсутствия безопасности ограничило экономическую самостоятельность авторов и не позволило им пользоваться равными экономическими возможностями в нарушение ст. 13 (п. 7.8 Мнений).

Выводы Комитета: Комитет полагает, что государство-участник, закрывая глаза на юридические ограничения прав наследования и собственности, не предоставило авторам сообщения равных прав в вопросах наследования и других средств экономической защиты⁵² или какой-либо адекватной компенсации, не выполнив тем самым своих обязательств по пп. с) и f) ст. 2, п. а) ст. 5, п. b) ст. 13, пп. 1 и 2 ст. 15, подп. с) и h) п. 1 ст. 16 Конвенции (п. 7.9 Мнений).

Практика Европейского Суда по правам человека

Столярова против России. Постановление Европейского Суда по правам человека от 29 января 2015 г.

Заявитель жаловалась, что была лишена ее собственности в нарушение ст. 1 Протокола № 1 к Конвенции.

Европейский Суд отметил, что «... право собственности заявителя было признано недействительным в связи с мошенническими схемами обмена и последующей приватизацией квартиры третьей стороной... Именно государство обладает исключительной компетенцией по определению условий и процедур, в порядке которых оно отчуждает свои активы лицам, которые, как оно считает, имеют на это право, а также обладает исключительной компетенцией по осуществлению надзора за соблюдением этих условий. В компетенцию государства входили, в том числе, легализация передачи права собственности на квартиру путем регистрации, направленной именно на обеспечение дополнительной защиты прав собственника. При наличии такого большого числа контрольно-надзорных органов, подтвердивших право собственности [продавца квартиры], ни заявитель, ни любой другой сторонний покупатель квартиры не должны были брать на себя риск лишения права владения в связи с пороками, которые должны были быть устранены посредством специально разработанных процедур. Надзор властей не мог служить оправданием последующего наказания заявителя» (п. 48 постановления).

Суд подчеркнул, что «...заявитель была лишена права собственности в отсутствие какой-либо компенсации со стороны

⁵² См. Общую рекомендацию № 29, п. 49.

государства или предоставления иного жилого помещения... что ошибки или недостатки в работе органов государственной власти должны работать в пользу пострадавших от них лиц, особенно в случае отсутствия других конфликтующих частных интересов» (п. 49 постановления).

Европейский Суд пришел к выводу, что лишение заявителя права собственности на квартиру возложило на нее чрезмерное бремя, и что власти не смогли установить справедливый баланс между общественными интересами с одной стороны и правом заявителя на уважение собственности с другой. Таким образом, имело место нарушение ст. 1 Протокола № 1.

Заявитель также жаловалась на то, что ее неизбежное выселение представляло собой нарушение ее права на уважение жилища.

Европейский Суд установил, что «...российские суды автоматически распорядились о выселении заявителя после того, как она была лишена права собственности. Они не провели дополнительного анализа пропорциональности меры, которую было необходимо применить в отношении заявителя, а именно, ее выселения из квартиры, которую они признали находящейся в собственности государства... во владение жилищем заявителя вступило именно государство, а не частное лицо, чьи интересы в отношении данной квартиры были под угрозой... ни один человек в списке очередников не был так же привязан к данной квартире, как заявитель, и вряд ли был заинтересован в этом конкретном жилище больше, чем в другом похожем» (пп. 60, 61 постановления).

Суд также отметил, что «...заявитель действительно могла обратиться в Жилищный департамент города Москвы за помощью в получении подходящего социального жилья в Москве, однако возможность получения такой помощи и вероятный исход такого обращения в настоящее время являются не более чем теорией, которая не играет никакой роли в оценке соразмерности вмешательства преследуемой законной цели» (п. 62 постановления).

Европейский Суд пришел к выводу, что вмешательство в право заявителя, гарантированное ст. 8, не было «необходимым в демократическом обществе», не отвечало «насущной социальной потребности» и не было пропорциональным преследуемой законной цели.

См. также приведенные ниже дела *Кедар Чаулагайн против Непала*. Сообщение № 2018/2010. Соображения приняты Комитетом по правам человека 28 октября 2014 г.; *Али Джахангир оглы Гулиев против Азербайджана*. Сообщение № 1972/2010. Соображения приняты Комитетом 16 октября 2014 г.; *Амиров против России*. Постановление Европейского Суда по правам человека от 27 ноября 2014 г.

В сфере гражданско-процессуальных отношений

Практика международных договорных органов ООН

Комитет по правам человека

Сообщение: *Эмилио Энрике Гарсиа Боливар против Боливарианской Республики Венесуэла.* Сообщение № 2085/2011. Соображения приняты Комитетом 16 октября 2014 г.

Тема сообщения: ведение судебного разбирательства по трудовому спору.

Вопросы существа: право на публичное судебное разбирательство в разумные сроки.

Правовые позиции Комитета: Комитет напоминает, что важным аспектом справедливости судопроизводства является его оперативность и что задержки в судопроизводстве, которые не могут быть оправданы сложностью дела или поведением сторон, представляют собой отход от принципа справедливого судебного разбирательства, закрепленного в п. 1 ст. 14⁵³ (п. 7.3 Соображений).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет напоминает о том, что иск автора относительно выплаты социальных пособий, а также возмещения ущерба и морального вреда первоначально был принят к рассмотрению Судом первой инстанции 21 ноября 2000 г., а 15 мая 2007 г. Кассационная палата по социальным делам Верховного суда истребовала дело из нижестоящей инстанции для его рассмотрения и вынесения решения. Вместе с тем дата слушаний не была назначена, а Палата временного состава была сформирована только 14 января 2013 г. – спустя пять лет и восемь месяцев после принятия Верховным судом решения об истребовании дела из суда нижестоящей инстанции. Кроме того, Верховный суд вынес окончательное решение по апелляционной жалобе автора 17 июня 2013 г., т.е. спустя 12 лет и 4 месяца, передав при этом дело на рассмотрение соответствующего суда Кассационной палаты по социальным делам. Соответственно, на момент принятия настоящего решения все еще не было принято решение по апелляционной жалобе на отказ Суда первой инстанции принять показания, равно как и по первоначальному иску относительно выплаты социальных пособий, а также возмещения ущерба и морального вреда, поданному автором более 13 лет назад. С учетом обстоятельств дела Комитет полагает, что задержки в разбирательстве могут быть отнесены не на счет поведения

⁵³ См. Замечание общего порядка № 32 (2007 год) Комитета, п. 27, а также сообщения № 203/1986, *Муньос Эрмоса против Перу*, 4 ноября 1988 г., п. 11.3, и № 514/1992, *Феи против Колумбии*, 4 апреля 1995 г., п. 8.4.

автора или сложности дела⁵⁴, а прежде всего на счет поведения органов власти государства-участника, в том числе судебной власти (п. 7.2 Соображений).

Выводы Комитета: Комитет по правам человека полагает, что находящиеся на его рассмотрении факты свидетельствуют о нарушении п. 1 ст. 14 Пакта (п. 8 Соображений).

Сообщение: *Юрий Большаков против Российской Федерации.* Сообщение № 1946/2010. Соображения приняты Комитетом 15 октября 2014 г.

Тема сообщения: несправедливое судебное разбирательство.

Вопросы сообщения: справедливое разбирательство дела компетентным, независимым и беспристрастным судом с целью определения прав и обязанностей в каком-либо гражданском процессе.

Правовые позиции Комитета: Комитет отмечает, что ...пункт [1 статьи 14 Пакта] распространяется не только на уголовные дела, но и на определение прав и обязанностей гражданского характера в каком-либо гражданском процессе. Право определять такие права и обязанности в рамках справедливого судебного разбирательства компетентным, независимым и беспристрастным судом предполагает, что административные власти должны уважать окончательное решение, принятое в ходе судебного разбирательства в отношении них, и что окончательное решение в рамках такого разбирательства должно быть принято в кратчайшие сроки⁵⁵ (п. 8.2 Соображений).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет отмечает, что ... городской суд вынес свое решение 28 апреля 2006 г. и что, хотя Управление не подало кассационную жалобу в установленные сроки, оно просило Городской суд представить правовое обоснование своего решения, в связи с чем городской суд 9 июня 2006 г. принял соответствующее постановление. Через три с лишним месяца 15 сентября 2006 г. Управление ходатайствовало о рассмотрении этого дела в порядке надзора в Псковском областном суде, который удовлетворил это ходатайство и менее чем через месяц 13 октября 2006 г. аннулировал решение городского суда. Собственное ходатайство автора сообщения о пересмотре решения Псковского областного суда в порядке надзора в Верховном Суде Российской Федерации было отклонено решением,

⁵⁴ Сообщение № 1887/2009, п. 10.3.

⁵⁵ См. сообщения № 203/1986, *Муньос Эрмоса против Перу*, Соображения, принятые 4 ноября 1988 г., п. 11.3; № 823/1998, *Цернин и др. против Чешской Республики*, Соображения, принятые 29 марта 2005 г., пп. 7.4 и 7.5; а также № 1507/2006, *Сехремелис и др. против Греции*, Соображения, принятые 25 октября 2010 г., п. 10.4. См. также Замечание общего порядка № 32 (2007) о равенстве между судами и трибуналами и праве каждого на справедливое судебное разбирательство, п. 27.

вынесенным 31 мая 2007 г. В итоге в результате всех этих судебных разбирательств решение городского суда было аннулировано на основании неверного толкования внутреннего законодательства в течение шести месяцев с момента принятия этого решения. Автор сообщения не утверждает, что судебное разбирательство в порядке надзора не соответствовало действовавшему в 2006 году процессуальным требованиям, предусмотренным внутренним законодательством. Кроме того, Комитет отмечает, что автор не представил никаких доказательств, подтверждающих нарушение принципа состязательного процесса или равенства состязательных возможностей в ходе разбирательства в порядке надзора. С учетом конкретных обстоятельств этого дела Комитет постановляет, что вышеуказанная последовательность событий не может считаться отказом в справедливом и незамедлительном определении отстаиваемых автором прав... Комитет не может прийти к выводу о том, что права автора, предусмотренные в п. 1 ст. 14 Пакта, в данном случае были нарушены (п. 8.3 Соображений).

Выводы Комитета: Комитет по правам человека... считает, что государство-участник не нарушало п. 1 ст. 14 Пакта (п. 9 Соображений).

Практика Европейского Суда по правам человека

Громадка и Громадкова против России. Постановление Европейского Суда по правам человека от 11 декабря 2014 г.

Заявители жаловались на нарушение их права на уважение их семейной жизни, выразившееся в том, что российские власти не приняли мер и не оказали им помощь в воссоединении с ребенком, тем самым нарушив ст. 8 Конвенции.

Европейский Суд пришел к выводу, что «... до окончания судебных разбирательств в чешском суде по вопросу проживания ребенка первый заявитель был лишен возможности официального установления российским судом условий контакта с его дочерью. Из этого следует, что в отсутствие соглашения между родителями регламентирующая правовая база, существовавшая в России на момент рассматриваемых событий, не предусматривала практическую и эффективную защиту интересов отца... Не определив необходимую правовую базу, которая обеспечила бы немедленную реакцию на международное похищение ребенка на момент рассматриваемых событий, Российская Федерация не исполнила свое позитивное обязательство в соответствии со ст. 8 Конвенции» (п. 157 постановления).

Малберг и другие против России. Постановление от 15 января 2015 г.

Заявители жаловались на то, что решения по их гражданским делам не были «оглашены публично», как того требует п. 1 ст. 6 Конвенции.

Европейский Суд отметил, что некоторые российские суды огласили резолютивные части своих кассационных определений в открытом заседании и позднее подготовили полные тексты, вынесенных ими определений, а также что оглашение решений судов нижестоящих инстанций, полностью или частично оставленных без изменения в кассационном порядке, также ограничивалось оглашением только их резолютивной части (п. 53 постановления).

Власти Российской Федерации возразили, что внутригосударственное законодательство, действующее в период рассматриваемых событий, не предусматривало обязательной публикации решений или какого-либо иного способа предоставления полных текстов решений лицам, не участвовавшим в судебных разбирательствах (п. 54 постановления).

Европейский Суд также заключил, что «... отсутствовали средства по обеспечению гласности, отличных от оглашения резолютивной части решений в рамках открытого судебного заседания, и что решения... судов остались недоступными для общественности. Возможность предоставления лицам, чьи права и законные интересы были затронуты, доступа к текстам решений является недостаточным условием для соблюдения требования о гласности» (п. 55 постановления).

Суд пришел к выводу о том, что в представленных на рассмотрение делах не было достигнуто обеспечение контроля общественности за судопроизводством в целях обеспечения права на справедливое судебное разбирательство. Аргументация суда, который мог бы объяснить, почему иски заявителей были отклонены, не была доступна для общественности и, таким образом, было допущено нарушение п. 1 ст. 6 Конвенции.

См. также *Коновалова против России*. Постановление Европейского Суда по правам человека от 9 октября 2014 г.

В сфере уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношений

Практика международных договорных органов ООН

Комитет по правам человека

Сообщение: *Татьяна Шихмурадова (от имени ее супруга Бориса Шихмурадова) против Туркменистана.*

Сообщение № 2069/2011. Соображения приняты Комитетом 17 октября 2014 г.

Тема сообщения: насильственное исчезновение супруга автора; пытки; хабеас корпус; несправедливое судебное разбирательство.

Вопросы существа: право на жизнь, запрещение пыток и жестоких и бесчеловечных видов обращения, право на свободу и личную безопасность, право на справедливое судебное разбирательство, принцип отсутствия обратной силы, защита от незаконного вмешательства в семейную жизнь.

Правовые позиции Комитета: Комитет вновь подтверждает, что бремя доказывания не может лежать исключительно на авторе сообщения, особенно с учетом того, что автор и государство-участник не всегда имеют равный доступ к доказательствам и что зачастую только государство-участник пользуется доступом к соответствующей информации⁵⁶. Из п.а 2 ст. 4 Факультативного протокола явствует, что государство-участник обязано добросовестно расследовать все утверждения о нарушениях Пакта, которые были совершены по отношению к нему и его представителям, и представить Комитету сведения, которые у него имеются. В тех случаях, когда утверждения подтверждаются достоверными доказательствами, представленными автором, и когда любое дополнительное прояснение обстоятельств зависит от сведений, которыми располагает исключительно государство-участник, Комитет может считать утверждения автора обоснованными в отсутствие представленных государством-участником удовлетворительных доказательств или разъяснений, подтверждающих противоположное (п. 6.2 Соображений).

Комитет напоминает свою правовую практику, согласно которой в случаях насильственного исчезновения лишение свободы при последующем отказе признать факт такового или сокрытии данных о судьбе или местонахождении исчезнувшего лица, оставляет это лицо вне защиты закона и ставит его жизнь под серьезную и постоянную угрозу, за которую несет ответственность государство⁵⁷ (п. 6.3 Соображений).

Комитет отдает себе отчет в том, насколько сильные страдания испытывает человек, содержащийся без связи с внешним миром. Комитет ссылается на свое Замечание общего порядка № 20 (1992 года)

⁵⁶ *Эль Хасси против Ливийской Арабской Джамахирии*, п. 6.7; сообщение № 1297/2004, *Меджуин против Алжира*, Соображения от 14 июля 2006 г., п. 8.3; и сообщение № 1804/2008, *Иль Хуильди против Ливийской Арабской Джамахирии*, Соображения от 1 ноября 2012 г., п. 7.2.

⁵⁷ *Абушаала против Ливии*, п. 6.2.

о запрещении пыток или жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания, в котором он рекомендует государствам-участникам принимать меры против содержания под стражей без связи с внешним миром (п. 6.4 Соображений).

Комитет напоминает, что в соответствии с Пактом каждому предоставляется право на справедливое и публичное разбирательство дела компетентным, независимым и беспристрастным судом, учрежденным в соответствии с законом, и что равенство возможностей обвинения и защиты является неперенным условием соблюдения принципа справедливого разбирательства⁵⁸ (п. 6.6 Соображений).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет отмечает, что согласно непровергнутой информации, представленной автором, г-н Шихмурадов был арестован, предан суду и приговорен к пожизненному тюремному заключению и с тех пор не имел возможности связаться со своей супругой или какими-либо другими членами семьи. Комитет ... отмечает, что также не было оспорено утверждение о том, что местонахождение г-на Шихмурадова неизвестно и что его супруга и родственники не располагают информацией о его здоровье и благополучии, несмотря на многочисленные попытки связаться с различными органами власти. Автор утверждает, что она даже не уверена в том, жив ли ее супруг. Комитет отмечает, что государство-участник не опровергло утверждения автора о том, что на протяжении 12 лет у нее не было никаких контактов с супругом и что власти ни разу не представили ей каких-либо сведений о местонахождении ее супруга.... В случае данного дела Комитет отмечает, что государство-участник не представило доказательств того, что оно выполняло свои обязательства по защите жизни г-на Шихмурадова в течение 12 лет, истекших с момента его осуждения. В данных обстоятельствах к утверждениям автора следует отнестись со всей серьезностью (п. 6.3 Соображений).

Комитет отмечает, что ... факт содержания г-на Шихмурадова без связи с внешним миром в неустановленном месте без доступа к семье, адвокату или иному лицу во внешнем мире не оспаривается. Комитет принимает к сведению утверждения автора о том, что членам Народного совета была продемонстрирована видеозапись, при просмотре которой складывалось впечатление, что г-н Шихмурадов предположительно находился под воздействием "психотропных веществ". В данных обстоятельствах с учетом состояния здоровья г-на Шихмурадова до ареста и в отсутствие опровержений вышеприведенной информации со

⁵⁸ См., например, сообщение № 307/1988, *Джон Кэмпбелл против Ямайки*, Соображения от 24 марта 1993 г., п. 6.4.

стороны государства-участника Комитет заключает, что к утверждениям автора следует отнестись со всей серьезностью (п. 6.4 Соображений).

Что касается заявления о том, что содержание г-на Шихмурадова в заключении после вынесения приговора представляет собой нарушение статьи 9, то Комитет принимает к сведению утверждения автора о том, что он содержится без связи с внешним миром в неизвестном месте без доступа к адвокату и без возможности оспорить законность своего содержания в заключении. В отсутствие какой-либо информации в этом отношении со стороны государства-участника Комитет считает, что к утверждениям автора следует отнестись со всей серьезностью (п. 6.5 Соображений).

Что касается заявлений автора в связи с положениями ст. 14, то Комитет отмечает, что г-н Шихмурадов был изначально приговорен к лишению свободы сроком на 25 лет и что суд над ним состоялся 29 декабря 2002 г., спустя всего лишь четыре дня после его ареста. По словам автора, судебное слушание не было открытым и продлилось всего один день, а приговор был вынесен исключительно на основании признательных показаний, данных г-ном Шихмурадовым под принуждением. Комитет далее отмечает, что по итогам отдельного и закрытого слушания, состоявшегося на следующий день 30 декабря 2002 г., Народный совет приговорил г-на Шихмурадова к пожизненному лишению свободы. Комитет принимает к сведению утверждения автора о том, что г-ну Шихмурадову не было предоставлено достаточно времени для подготовки защиты, он не мог посоветоваться со своими адвокатами и не получил возможности добиться пересмотра обвинительного заключения и приговора судом более высокой инстанции в соответствии с законом ... Комитет принимает к сведению неопровергнутое заявление автора о том, что Народный совет, который представляет собой политический орган, возглавляемый Президентом, и в состав которого входят члены парламента и министры, не может считаться компетентным, независимым и беспристрастным судом по смыслу п. 1 ст. 14 и согласно его требованиям. В отсутствие какой-либо информации в этом отношении со стороны государства-участника Комитет считает, что к утверждениям автора следует отнестись со всей серьезностью (п. 6.6 Соображений).

Что касается п. 1 ст. 15, то Комитет принимает к сведению утверждения автора о том, что власти государства-участника назначили более строгое наказание, чем то, которое подлежало применению в момент совершения уголовного преступления. Комитет принимает к сведению неопровергнутое утверждение автора о том, что самым строгим наказанием по туркменскому законодательству на момент совершения предполагаемых преступлений было лишение свободы сроком на 25 лет, как это предусматривалось действовавшим тогда

Уголовным кодексом Туркменистана. Комитет также отмечает, что решение об установлении пожизненного лишения свободы в качестве меры наказания было принято Народным советом уже после вынесения г-ну Шихмурадову обвинительного приговора (п. 6.7 Соображений).

Что касается автора, то Комитет принимает к сведению страдания и душевную боль, причиненные ей содержанием ее супруга под стражей без связи с внешним миром и его исчезновением. Ссылаясь на свою правовую практику, Комитет делает вывод о том, что рассматриваемые им факты свидетельствуют о нарушении ст. 7 Пакта в отношении автора⁵⁹ (п. 6.8 Соображений).

Выводы Комитета: Комитет по правам человека... считает, что представленные ему факты свидетельствуют о нарушении государством-участником ст. 6 (п. 1), ст. 7, ст. 9 и ст. 14 (пп. 1 и 5) в отношении г-на Шихмурадова. Они также свидетельствуют о нарушении ст. 7 Пакта в отношении автора (п. 7 Соображений).

В соответствии с п. 3 ст. 2 Пакта государство-участник обязано обеспечить г-ну Шихмурадову и автору сообщения эффективное средство правовой защиты, в частности а) незамедлительно освободить его, если он по-прежнему тайно содержится под стражей; б) провести тщательное и действенное расследование в связи с его задержанием, исчезновением и несправедливым судебным разбирательством; в) предоставить ему и автору подробную информацию о результатах расследования; г) в случае смерти г-на Шихмурадова вернуть его останки автору; д) подвергнуть уголовному преследованию, осудить и наказать виновных в совершении нарушений; е) предоставить соответствующую компенсацию автору сообщения и г-ну Шихмурадов за допущенные нарушения. Государство-участник также обязано принять меры для недопущения повторения подобных нарушений в будущем (п. 8 Соображений).

Сообщение: *Кедар Чаулагайн против Непала*. Сообщение № 2018/2010. Соображения приняты Комитетом 28 октября 2014 г.

Тема сообщения: произвольный арест и задержание, пытки, бесчеловечное и унижающее достоинство обращение и последующая внесудебная казнь девушки, подозревавшейся в том, что она являлась членом Коммунистической партии (маоистской).

Вопросы существа: право на жизнь; запрет пыток и бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания; право на свободу и безопасность личности; уважение достоинства, присущего человеческой личности; право на эффективное средство правовой защиты; равная защита со стороны закона.

⁵⁹ См., например, *Аль-Абани против Ливийской Арабской Джамахирии*, п. 7.5.

Правовые позиции Комитета: Комитет напоминает, что государства-участники должны принимать меры не только по предупреждению и наказанию уголовных действий, ведущих к лишению жизни, но и по предотвращению произвольных убийств, совершаемых их собственными силами безопасности⁶⁰. Комитет ссылается также на п. 3 ст. 2 Пакта, в соответствии с которым государства-участники обязаны обеспечивать всем лицам доступные, эффективные и имеющие исковую силу средства правовой защиты для отстаивания их прав, закрепленных Пактом... Комитет ссылается на свое Замечание общего порядка № 31 (2004 год) по вопросу о характере общего юридического обязательства, налагаемого на государства-участники Пакта, и, в частности, на тот факт, что в случаях, когда в результате расследования вскрываются нарушения некоторых признаваемых в Пакте прав, государства-участники должны принять меры к тому, чтобы виновные в них привлекались к судебной ответственности. Как и в случае непроведения расследования, непривлечение к ответственности лиц, виновных в совершении таких нарушений, может само по себе стать отдельным нарушением Пакта. Эти обязательства возникают, в частности, в случае нарушений, признаваемых уголовными, будь то по внутреннему или международному праву, таких как пытки и сходное с ними жестокое, бесчеловечное или унижающее достоинство обращение, а также казни без надлежащего судебного разбирательства и произвольные казни⁶¹ (п. 11.3 Соображений).

Лишение людей жизни государственными властями является вопросом чрезвычайной серьезности⁶²; это требует проведения оперативного и надлежащего расследования с применением всех гарантий, предусмотренных в Пакте, и соответствующего наказания виновных (п. 11.4 Соображений).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет принимает к сведению утверждения автора о том, что 12 февраля 2004 г. его дочь была произвольно казнена военнослужащими Королевской армии Непала после того, как она была незаконно арестована ночью без ордера на арест, подверглась пыткам и жестокому неправомерному обращению и унижениям со стороны группы военнослужащих; что в последующие дни он обратился с жалобой к главе районной администрации; что 29 февраля 2004 г. он подал также заявление в Национальную комиссию по правам человека, а 8 июня 2006 г. подал первичное информационное сообщение об убийстве в районное

⁶⁰ См. принятое Комитетом по правам человека Замечание общего порядка № 6 (1982) о праве на жизнь, п. 3.

⁶¹ Пункт 18 Замечания общего порядка № 6 (1982) о праве на жизнь.

⁶² См. сообщение № 1275/2004, *Уметалиев против Кыргызстана*, Соображения, принятые 30 октября 2008 г., п. 9.5.

отделение полиции. Поскольку полиция не провела какого-либо расследования, он подал ходатайство в Верховный суд. Он утверждает далее, что, несмотря на рекомендации, вынесенные НКПЧ⁶³ 14 июня 2005 г., и приказ Верховного суда об исполнении требований истца от 14 декабря 2009 г., до настоящего времени не было проведено никакого расследования по факту убийства его дочери. Кроме того, Комитет принимает к сведению утверждения автора о том, что он не знал о разбирательствах, проведенных военным трибуналом в связи с событиями, имевшими место в Покхари-Чаури 12 и 13 февраля 2004 г.; что решение военного трибунала от 28 августа 2005 г. не было предано гласности; что документы и доказательства, перечисленные в решении, не были представлены в РОП⁶⁴ Кавре или автору; а также что суд не наказал лиц, виновных в преступлениях, совершенных в отношении ее дочери. Кроме того, Комитет принимает к сведению заявление государства-участника о том, что дальнейшее расследование обстоятельств смерти дочери автора все еще продолжается и что это дело подпадет под юрисдикцию комиссии по расследованию случаев исчезновения лиц и по установлению истины и примирению, учрежденных на основании закона (п. 11.2 Соображений).

В настоящем деле не существует каких-либо разногласий по поводу того, что дочь автора сообщения была арестована военнослужащими Королевской армии Непала без ордера на арест и что она умерла в результате применения этими военнослужащими огнестрельного оружия, хотя стороны расходятся во мнениях относительно обстоятельств ее смерти. В любом случае Комитет считает, что убийство дочери автора военнослужащими требовало проведения незамедлительного и независимого расследования... Комитет отмечает, что вскоре после смерти его дочери автор подал жалобу главе районной администрации, а 8 июня 2006 г. подал первичное информационное сообщение об убийстве в районное отделение полиции, но все это было безрезультатным. В июне 2005 года НКПЧ установила, что дочь автора была незаконно убита, и рекомендовала правительству выявить виновных и принять в их отношении правовые меры. Кроме того, 14 декабря 2009 г. Верховный суд отдал судебный приказ о проведении незамедлительного расследования, но это не привело ни к каким результатам. Несмотря на усилия, предпринятые автором, более чем через десять лет после убийства его дочери государство-участник не завершило никакого расследования, проясняющего обстоятельства ее ареста и смерти, и ни один виновный не предстал перед судом и не был наказан. Государство-участник ссылается на текущие расследования, но

⁶³ Национальная комиссия по правам человека.

⁶⁴ Районное отделение полиции.

ход таких расследований и причины задержек по-прежнему остаются неясными (п. 11.4 Соображений).

Комитет принимает к сведению утверждение автора о том, что обращение, которому он подвергся со стороны военнослужащих Королевской армии Непала, включая принуждение его к наблюдению за казнью его дочери, а также отсутствие последующего надлежащего расследования и безнаказанность виновных, представляют собой обращение, противоречащее ст. 7, рассматриваемой в совокупности с п. 3 ст. 2, в том, что касается самого автора. Комитет отмечает, что все усилия, предпринятые автором для обеспечения правосудия со стороны властей, оказались безрезультатными и что он и его семья получили только 100 000 рупий и 200 000 рупий в качестве временной компенсации соответственно в 2008 и 2010 годах. Комитет считает, что временная компенсация не является надлежащим средством правовой защиты, соразмерным столь серьезным нарушениям... Комитет считает, что события, в которых вынужден был участвовать автор, в том числе связанные с неспособностью государства-участника обеспечить оперативное, тщательное и эффективное расследование, представляют собой обращение, противоречащее ст. 7, рассматриваемой в совокупности с п. 3 ст. 2 Пакта (п. 11.6 Соображений).

Выводы Комитета: Комитет по правам человека... приходит к выводу о том, что государство-участник нарушило права дочери автора согласно п. 1 ст. 6, а также ст. 7, 9 и 10, рассматриваемым в совокупности с п. 3 ст. 2; а также права автора в соответствии со ст. 7, рассматриваемой в совокупности с п. 3 ст. 2 Пакта... В соответствии с подп. а) п. 3 ст. 2 Пакта государство-участник обязано предоставить автору эффективное средство правовой защиты, которое предусматривало бы проведение эффективного и полного расследования по соответствующим фактам, уголовное преследование и наказание виновных и возмещение в полном объеме ущерба и соответствующие меры сатисфакции. Государство-участник обязано также предпринять шаги по предупреждению аналогичных нарушений в будущем (пп. 12-13 Соображений).

Сообщение: *Али Джахангир оглы Гулиев против Азербайджана.* Сообщение № 1972/2010. Соображения приняты Комитетом 16 октября 2014 г.

Тема сообщения: пытки в ходе досудебного содержания под стражей; бесчеловечные условия содержания под стражей; несправедливое судебное разбирательство; замена смертного приговора пожизненным лишением свободы в период, когда пожизненное лишение свободы не было предусмотрено законом.

Вопросы существа: пытки, справедливое судебное разбирательство, бесчеловечное обращение; назначение более тяжкого наказания, чем то, которое подлежало применению в момент совершения уголовного преступления; право на обжалование.

Правовые позиции Комитета: Комитет напоминает, что согласно принципу равенства сторон обеим сторонам должны обеспечиваться одни и те же процессуальные права, кроме как если различия предусматриваются законом и могут быть оправданы по объективным и разумным основаниям, не ставящим подсудимого в фактически невыгодное положение и не подвергающим его иному несправедливому отношению⁶⁵ (п. 9.3 Соображений).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет принимает к сведению утверждения автора о том, что условия, в которых он отбывает свое наказание в виде пожизненного лишения свободы, в том числе после вступления в силу Факультативного протокола для государства-участника, равнозначны пыткам, бесчеловечному и унижающему достоинство обращению в нарушение ст. 7 и 10 (пп. 1 и 3) Пакта. Он отмечает, что государство-участник подтвердило большую часть утверждений автора в отношении следующего: размера камер, возможностей лиц, отбывающих пожизненное заключение, заниматься трудовой деятельностью, образованием, профессиональной подготовкой или спортом; количества разрешенных им свиданий и телефонных разговоров; и в целом возможности поддержания ими контактов со своими родственниками. Комитет также принимает к сведению общий довод государства-участника о том, что условия содержания в тюрьмах соответствуют международным стандартам. Комитет приходит к выводу о том, что условия содержания автора под стражей в период с момента вступления в силу Факультативного протокола для государства-участника и до 24 июня 2008 г. в том виде, в котором они были описаны ..., были нарушением его права на гуманное обращение и уважение достоинства, присущего человеческой личности и, следовательно, противоречили п. 1 ст. 10⁶⁶. В свете этого вывода Комитет не будет рассматривать отдельно какие-либо возможные утверждения, затрагивающие в этой связи ст. 7 или 10 (п. 3)⁶⁷ (п. 9.2 Соображений).

Комитет принимает к сведению утверждение автора о том, что после отклонения его кассационной жалобы 20 сентября 2005 г.

⁶⁵ См. Замечание общего порядка № 32 (2007) о праве на равенство перед судами и трибуналами и на справедливое разбирательство, п. 13.

⁶⁶ См. сообщения № 1813/2008, *Акванга против Камеруна*, Соображения, принятые 22 марта 2011 г., п. 7.3, и № 1628/2007, *Павлюченков против Российской Федерации*, Соображения, принятые 20 июля 2012 г., п. 9.2.

⁶⁷ См., например, сообщение № 1406/2005, *Вираванса против Шри-Ланки*, Соображения, принятые 17 марта 2009 г., п. 7.4.

коллегией судей Верховного суда, Пленум Верховного суда вновь рассмотрел данное решение 24 октября 2005 г., что привело к изменению вынесенного автору приговора; Пленум проводил заседание в присутствии прокурора, но не уведомил о нем сторону защиты, и на заседании не присутствовали ни автор, ни его адвокат. Государство-участник не отрицает этих утверждений (п. 9.3 Соображений).

Комитет принимает к сведению утверждение автора о том, что замена вынесенного ему смертного приговора пожизненным лишением свободы за преступление, совершенное в период, когда пожизненное лишение свободы не предусматривалось законом, стало нарушением п. 1 ст. 15 Пакта. В соответствии с последним предложением п. 1 ст. 15 Пакта, если после совершения преступления законом устанавливается более легкое наказание, действие этого закона распространяется на данного преступника. В отношении настоящего дела Комитет отмечает, что наказание в виде пожизненного заключения, введенное законом от 10 февраля 1998 г., заменило собой смертную казнь, которая представляет собой более суровое наказание по сравнению с пожизненным тюремным заключением. Кроме того, в отношении некоторых преступлений, за которые был осужден автор, таких как убийство, в законодательство впоследствии не было внесено никаких новых положений, вводящих более мягкие наказания, которые могли бы распространяться на автора, кроме вышеупомянутой поправки о пожизненном заключении. В таких обстоятельствах Комитет не может прийти к выводу о том, что государство-участник, заменив пожизненным заключением смертную казнь за преступления, за которые был осужден автор, нарушило права автора по п. 1 ст. 15 Пакта⁶⁸ (п. 9.4 Соображений).

Выводы Комитета: Комитет по правам человека... считает, что предъявленные ему факты свидетельствуют о нарушении прав г-на Гулиева по п. 1 ст. 10 и п. 1 ст. 14 Пакта (п. 10 Соображений).

Вопросы выдачи

Сообщение: *Хью Реймонд Гриффитс против Австралии.* Сообщение № 1973/2010. Соображения приняты Комитетом 21 октября 2014 г.

Тема сообщения: содержание под стражей до выдачи.

Вопросы существа: право на свободу и личную неприкосновенность; право на справедливое судебное разбирательство; защита иностранцев от произвольной высылки; право на эффективное средство правовой защиты.

⁶⁸ См. сообщения № 1425/2005, *Марц против Российской Федерации*, Соображения, принятые 21 октября 2009 г., пп. 6.5 и 6.6, и № 1346/2005, *Тофанюк против Украины*, Соображения, принятые 20 октября 2010 г., п. 11.3.

Правовые позиции Комитета: Комитет напоминает о своей правовой практике, согласно которой, для того чтобы содержание под стражей не было квалифицировано как произвольное, оно не должно продолжаться сверх того срока, в отношении которого государство-участник может представить должные обоснования⁶⁹ (п. 7.2 Соображений).

Комитет напоминает, что пересмотр в судебном порядке вопроса о законности задержания в соответствии с п. 4 ст. 9 не ограничивается исключительно соответствием такого задержания внутреннему законодательству, а должен включать возможность принятия решений об освобождении в случае, если задержание несовместимо с требованиями Пакта, в частности с требованиями п. 1 ст. 9 Пакта⁷⁰. Решающее значение для целей п. 4 ст. 9 имеет то, чтобы такой пересмотр по своим последствиям должен быть реальным, а не просто формальным⁷¹ (п. 7.5 Соображений).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств: В настоящем деле содержание автора под стражей без перерывов продолжалось свыше двух лет и пяти месяцев, в течение которых он пользовался механизмам обжалования решения Федерального суда от 7 июля 2004 г. о том, что он подлежит выдаче из Австралии в Соединенные Штаты. Хотя государство-участник ссылается на особые причины в оправдание его содержания под стражей, Комитет отмечает, что оно не доказало, что эти причины оправдывают продолжение содержания автора под стражей с учетом прошедшего срока и новых обстоятельств. В частности, государство-участник не продемонстрировало, что с учетом особых обстоятельств, в которых находился автор, в его распоряжении не имелось менее принудительных средств для достижения тех же целей, т.е. соблюдения правил государства-участника и его обязательств в сфере международного сотрудничества по вопросам экстрадиции путем, например, введения требования о периодической явке для регистрации, использования поручительства или других условий, которые учитывали бы его личные обстоятельства. В частности, государство-участник не смогло продемонстрировать, было ли уделено должное внимание аргументам автора в поддержку его освобождения, таким как соблюдение условий предыдущего освобождения под залог в ходе тех же процедур экстрадиции, низкая опасность побега, отсутствие в прошлом судимости или состояние его здоровья (п. 7.2 Соображений).

Комитет также отмечает, и это так и не было опровергнуто государством-участником, что содержание под стражей до экстрадиции

⁶⁹ См., например, *К. против Австралии*, п. 8.2.

⁷⁰ См., например, *К. против Австралии*, п. 8.3; и сообщение № 1014/2001, *Бабан против Австралии*, Соображения, принятые 6 августа 2003 г., п. 7.2.

⁷¹ См., например, *А. против Австралии*, п. 9.5.

никак не ограничивается австралийским законодательством по срокам и что общим правилом в соответствии с правовой практикой Высокого суда по делам об экстрадиции является содержание лиц «под стражей независимо от того, необходимо их содержание под стражей или нет» ... Комитет принимает во внимание аргумент автора об отсутствии как во внутреннем законодательстве, так и в судебной практике Высокого суда каких-либо указаний относительно сроков принятия Министром юстиции и таможенной службы решения об экстрадиции, которое, как ожидается, должно выноситься «при первой разумной возможности». Отмечая, что в рассматриваемом случае вынесение такого решения заняло более 15 месяцев, а именно с 6 сентября 2005 г. по 22 декабря 2006 г., Комитет полагает, что государство-участник не смогло продемонстрировать, каким образом этот период времени отвечает требованию «разумной возможности» и почему продолжение содержания автора под стражей было необходимым и оправданным в течение этого конкретного периода времени. С учетом этих обстоятельств, какими бы ни были причины для первоначального помещения под стражу, продолжающееся содержание автора под стражей до экстрадиции без достаточного индивидуального обоснования является, по мнению Комитета, произвольным и представляет собой нарушение п. 1 ст. 9 Пакта (п. 7.3 Соображений).

Комитет также принимает во внимание утверждение автора в связи с п. 4 ст. 9 Пакта о том, что в его распоряжении не имелось эффективных и доступных средств правовой защиты, позволяющих добиться судебного пересмотра вопроса о его продолжающемся содержании под стражей, которое приобрело произвольный характер по причине своей несоразмерной длительности. Он отмечает, что государство-участник не согласно с утверждением автора, заявляя, что такой пересмотр был возможен посредством подачи обращения об освобождении под залог. Ссылаясь на свои соображения относительно приемлемости сообщения, а также на австралийское законодательство и судебную практику Высокого суда, Комитет отмечает, что освобождение под залог может быть санкционировано судом, только если затрагиваемое лицо сможет доказать наличие «особых обстоятельств», которые должны быть «чрезвычайными и не относиться к факторам, которые распространяются на всех лиц, подлежащих экстрадиции», а также продемонстрировать «высокую вероятность успешного рассмотрения» ходатайства об освобождении под залог. Он принимает во внимание пояснение автора о том, что сама по себе продолжительность содержания под стражей не относится к «особым обстоятельствам» согласно судебной практике Высокого суда и что лицо обязано доказать факт изменения обстоятельств в целях обоснования нового ходатайства об освобождении под залог, если предыдущее ходатайство было

отклонено. ...Он также отмечает, что государством-участником не было оспорено утверждение, согласно которому лица, которым угрожает экстрадиция, обычно содержатся под стражей независимо от необходимости такой меры (п. 7.4 Соображений).

В рассматриваемом случае автор содержался под стражей до экстрадиции в течение более чем двух лет без какой-либо возможности добиться судебного рассмотрения по существу вопроса о том, соответствует ли Пакту продолжение его содержания под стражей, или быть освобожденным на этом основании. С учетом этих обстоятельств, а также в свете своих выводов в соответствии с п. 1 ст. 9 Пакта Комитет считает, что автор фактически не имел возможности, в силу законодательства и практики государства-участника, воспользоваться эффективным разбирательством в суде в целях достижения пересмотра вопроса о законности продолжения его содержания под стражей, поскольку суды не были уполномочены рассматривать вопрос о том, продолжает ли его содержание под стражей быть законным по истечении времени, и принимать решение о его освобождении на этом основании. Кроме того, он приходит к выводу о том, что государство-участник не продемонстрировало, что автор имел в своем распоряжении эффективные средства правовой защиты в связи со своими утверждениями по п. 4 ст. 9 Пакта. Таким образом, по мнению Комитета, подобное отсутствие возможности опротестовать факт содержания под стражей, которое противоречило или стало противоречить п. 1 ст. 9, является нарушением п. 4 ст. 9 Пакта⁷² (п. 7.5 Соображений).

Выводы Комитета: Комитет по правам человека... считает, что представленные ему факты свидетельствуют о нарушении прав автора по пп. 1 и 4 ст. 9 Пакта (п. 8 Соображений).

Назначение наказания несовершеннолетним

Сообщение: *Бронсон Блессингтон и Мэтью Эллиот против Австралии.* Сообщение № 1968/2010. Соображения приняты Комитетом 22 октября 2014 г.

Тема сообщения: назначение несовершеннолетним наказания в виде пожизненного тюремного заключения.

Вопросы существа: жестокое, бесчеловечное и унижающее достоинство обращение; существенные цели пенитенциарной системы; применение уголовного законодательства с приданием ему обратной силы; право несовершеннолетних на защиту.

Правовые позиции Комитета: Комитет напоминает о своем Замечании общего порядка № 21 (1992), в котором он указал, что

⁷² См., например, *К. против Австралии*, п. 8.3.

пенитенциарная система не должна носить лишь карательный характер и что в значительной степени она должна стремиться к исправлению и социальной реабилитации заключенного. Комитет подчеркивает, что этот принцип имеет особое значение в случае несовершеннолетних (п. 7.8 Соображений).

Пункт 1 ст. 24 Пакта требует, чтобы государства-участники обеспечивали детям такие меры защиты, которые необходимы в их статусе несовершеннолетних. Это положение учитывает уязвимость и незрелость детей, а также их потенциал развития. Право детей на особое отношение также лежит в основе подп. b) п. 2 и п. 3 ст. 10, а также п. 5 ст. 6 Пакта, который запрещает вынесение смертного приговора за преступления, совершенные лицами моложе 18 лет. Комитет считает, что такое отношение к несовершеннолетним, которое соответствует их возрасту и правовому статусу, не позволяет сделать окончательный вывод, что поступки, совершенные несовершеннолетним лицом, делают его на всю жизнь не поддающимся перевоспитанию и не заслуживающим освобождения, независимо от будущего личного или социального развития. Комитет напоминает ... о п. а) ст. 37 Конвенции о правах ребенка, в котором предусмотрено, что «ни смертная казнь, ни пожизненное тюремное заключение, не предусматривающее возможности освобождения, не назначаются за преступления, совершенные лицами моложе 18 лет». Хотя главная роль Комитета состоит в контроле за соблюдением Пакта, Комитет считает это положение, которое включено в международный договор, ратифицированный или принятый на почти универсальном уровне, включая государство-участник, ценным источником толкования Пакта в настоящем деле (п. 7.11 Соображений).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств: Комитет отмечает, что в результате применения Приложения 1 к Закону о преступлениях (Процедура назначения наказания) 1999 года и принятого впоследствии законодательства авторы должны отбыть 30 лет от их пожизненного срока, прежде чем они смогут ходатайствовать об установлении ограниченного срока наказания; рассмотрение этого ходатайства будет ограничено назначением срока без права на условно-досрочное освобождение, и только по истечении срока без права на условно-досрочное освобождение Управление по условно-досрочному освобождению штата Новый Южный Уэльс может освободить авторов, если будет существовать неминуемая угроза их смерти или физическая недееспособность (п. 7.6 Соображений).

Комитет считает, что назначение авторам как несовершеннолетним наказания в виде пожизненного тюремного заключения может быть совместимо со ст. 7, рассматриваемой в совокупности с п. 3 ст. 10 и ст. 24 Пакта, только в том случае, если существует возможность пересмотра

наказания и перспектива освобождения, несмотря на тяжесть совершенного ими преступления и связанные с ним обстоятельства. Это не означает, что освобождение должно быть обязательно предоставлено. Это означает, что освобождение не должно быть лишь чисто теоретической возможностью и что процедура пересмотра должна быть тщательной, что позволит внутренним органам власти оценить конкретный прогресс в исправлении авторов и основания для дальнейшего содержания в заключении, с учетом того что на момент совершения преступления им было соответственно 14 и 15 лет (п. 7.7 Соображений).

Принимая во внимание установленный длительный период, по истечении которого авторы будут иметь право подать ходатайство об условно-досрочном освобождении, ограничительные условия, которые введены законом для получения такого освобождения, и несовершеннолетний возраст авторов на момент совершения ими преступлений, Комитет считает, что наказание в виде пожизненного тюремного заключения, которое в настоящее время действует в отношении авторов, не соответствует обязательствам государства-участника по ст. 7, рассматриваемой в совокупности с п. 3 ст. 10 и ст. 24 Пакта (п. 7.12 Соображений).

Выводы Комитета: Комитет по правам человека... считает, что государство-участник нарушило права авторов по ст. 7, п. 3 ст. 10 и ст. 24 Пакта (п. 8 Соображений).

Практика Европейского Суда по правам человека

Тараненко против России. Постановление Европейского Суда по правам человека от 15 мая 2014 г.

Заявительница жаловалась, в том числе на то, что ее задержание, содержание под стражей до суда, а также назначенное ей по результатам уголовного разбирательства наказание нарушили ее право свободно выражать свое мнение, закрепленное в ст. 10 Конвенции, и право на свободу собраний, гарантированное ст. 11 Конвенции.⁷³

Европейский Суд пришел к выводу, что, хотя санкция за действия заявительницы могла быть оправдана требованиями охраны общественного порядка, длительность срока содержания под стражей до суда и длительность условного срока лишения свободы, определенного в отношении нее, не являлись соразмерными преследуемой правомерной

⁷³ 8 декабря 2005 г. Тверской районный суд г. Москвы признал заявительницу и других подсудимых виновными в участии в массовых беспорядках. Он счел установленным тот факт, что подсудимые незаконно проникли в здание Администрации Президента Российской Федерации без соблюдения необходимых формальностей.

цели. Европейский Суд полагает, что чрезмерно суровая санкция, примененная в настоящем деле, должна была оказать сдерживающее влияние на заявительницу и других лиц, принимающих участие в протестных акциях (п. 95 постановления). «Принимая во внимание вышеизложенное и особо учитывая длительность срока досудебного содержания под стражей, а также чрезмерную суровость примененного наказания, Европейский Суд... указал, что рассматриваемое вмешательство не было необходимым в демократическом обществе». «Имело место нарушение ст. 10 Конвенции в ее толковании в свете статьи 11 Конвенции» (пп. 96-97 постановления).

Мостипан против России. Постановление Европейского Суда по правам человека от 16 октября 2014 г.

Заявительница жаловалась, в том числе, на то, что уголовное судопроизводство в ее отношении было несправедливым. Она утверждала, что было нарушено ее право не давать показаний против самой себя.

Европейский Суд установил, что «...признательные показания, сделанные заявительницей после ее задержания и помещения в отделение милиции, являлись частью доказательств, предъявленных против нее в ходе уголовного судопроизводства. Суд первой инстанции не признал эти показания неприемлемыми и ссылаясь на них при признании заявительницы виновной и при вынесении приговора» (пункт 74 постановления).⁷⁴

Суд пришел к выводу, что «независимо от того, какое воздействие оказали на исход уголовного судопроизводства признательные показания, полученные от заявительницы под давлением, это доказательство сделало уголовное разбирательство несправедливым... в настоящем деле было допущено нарушение п. 1 ст. 6 Конвенции» (п. 76 постановления).

Сигарев против России. Постановление Европейского Суда по правам человека от 30 октября 2014 г.

Заявитель жаловался, в том числе на то, что срок его содержания под стражей в ходе предварительного следствия согласно соответствующим судебным постановлениям истек и что его содержание под стражей до принятия районным судом решения о заключении его под стражу было неправомерным.

Власти Российской Федерации пришли к выводу, что с 00:00 14 марта до 17:45 15 марта 2010 г. заявитель содержался под стражей

⁷⁴ Европейским Судом было установлено, что заявитель подверглась обращению, противоречащему ст. 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

незаконно. Они также отметили, что 16 марта 2010 г. прокуратура внесла представление начальнику следственного изолятора, где на тот момент содержался под стражей заявитель. Лица, ответственные за нарушение прав заявителя, были подвергнуты дисциплинарной ответственности. Наконец, они отметили, что после того, как заявитель был признан виновным и приговорен к наказанию в виде лишения свободы, срок, в течение которого он незаконно содержался под стражей, был засчитан в срок назначенного ему наказания (п. 32 постановления).

Европейский Суд пришел к выводу, что «...Власти не предоставляют никакого возмещения заявителю в связи с возникшей ситуацией... Власти не утверждают, что постановление прокурора может служить основанием для пересмотра жалобы заявителя на неправомерность его содержания под стражей... в данном случае зачет времени, проведенного в заключении, в общий срок, подлежащий отбытию заявителем, не может рассматриваться как соответствующее и достаточное возмещение в связи с нарушением п. 1 ст. 5 Конвенции, поскольку, в данном случае, время содержания под стражей в ходе предварительного следствия автоматически засчитывается в сроки лишения свободы, вне зависимости от того, было ли оно неправомерным... Следовательно, имело место нарушение подп. «с» п. 1 ст. 5 Конвенции» (пп. 35, 36, 42 постановления).

Амиров против России. Постановление Европейского Суда по правам человека от 27 ноября 2014 г.

Заявитель жаловался, что в местах содержания под стражей отсутствовали условия для оказания ему эффективной медицинской помощи, что привело к серьезному ухудшению его состояния здоровья, поставило его в угрожающую жизни ситуацию и подвергло его значительным физическим и моральным страданиям в нарушение гарантий ст. 3 Конвенции.

Европейский Суд пришел к выводу, что «заявителю не предоставлялась медицинская помощь, являющаяся жизненно важной с учетом его болезней. Лечение, которое он получал, было неполным, а медицинское наблюдение, которое ему предоставлялось, было недостаточным для поддержания состояния его здоровья. В ответ на увеличивающееся число его жалоб на состояние здоровья не было проведено никакой тщательной оценки его состояния и не было поставлено надлежащего диагноза. Медицинский персонал пенитенциарных учреждений не предпринимал никаких мер в ответ на его жалобы и не следовал рекомендациям привлеченных заявителем экспертов. Свидетельством низкого качества медицинского обслуживания является тот факт, что заявитель содержался под стражей

в нестерильных и антисанитарных условиях, представлявших для него серьезную опасность с учетом того, что его иммунная система уже была ослаблена. Суд также обеспокоен тем, что информация, предоставленная медицинским работником СИЗО в г. Ростове-на-Дону в отношении качества медицинской помощи, в настоящее время предоставляемой заявителю, не дает оснований заключить, что медицинская помощь, которую он продолжает получать в следственном изоляторе, позволит поддержать его здоровье и благополучие на надлежащем уровне и предотвратить дальнейшее ухудшение его состояния... Суд считает, что в результате отсутствия всестороннего и надлежащего лечения заявитель испытывает продолжительные психические и физические страдания, что унижает его человеческое достоинство. Непредоставление властями заявителю необходимой ему медицинской помощи представляет собой бесчеловечное и унижающее достоинство обращение по смыслу ст. 3 Конвенции» (п. 93 постановления).

Заявитель также жаловался на нарушение его права на рассмотрение дела в разумный срок и утверждал, что постановления о заключении его под стражу не были достаточно обоснованными (п. 3 ст. 5 Конвенции).

Европейский Суд, в частности, отметил, что «производство по делу было достаточно сложным с учетом большого количества доказательств и реализации специальных мер, необходимых в делах, касающихся организованной преступности. Время, прошедшее с момента совершения преступлений и до возбуждения уголовного дела, являлось еще одним фактором, осложнявшим задачу следователей. Суд принимает во внимание тот факт, что перед властями стояла задача уравновесить необходимость продолжения расследования с обязательством обеспечения того, чтобы заявитель был в полной мере способен принимать в нем участие. Национальные власти проявили усердие в ведении производства по делу. Они завершили расследование, провели предварительные слушания и вынесли приговор в отношении заявителя в течение тринадцати месяцев. Заявитель не утверждал, что власти допустили какую-либо задержку при проведении этих процессуальных действий. В этих обстоятельствах Суд повторяет, что хотя подозреваемый или обвиняемый, содержащийся под стражей, имеет право на рассмотрение его или ее дела в приоритетном порядке и в разумный срок, это не должно препятствовать усилиям властей по всестороннему уточнению фактов по делу, обеспечению стороне защиты всех возможностей для предоставления доказательств с их стороны и изложения их позиции по делу, и вынесению приговора только после тщательного рассмотрения вопроса о том, в действительности ли были совершены соответствующие преступления и какое наказание является справедливым». «Власти представили относимые и достаточные

основания в оправдание содержания заявителя под стражей, и что они продемонстрировали наличие особой тщательности при разрешении дела заявителя, Суд полагает, что нарушения п. 3 ст. 5 Конвенции допущено не было» (пп. 112, 113 постановления).

Тексты приведенных документов, принятых международными договорными органами ООН, находятся по адресу:

<http://www.ohchr.org/EN/HRBodies/Pages/TreatyBodies.aspx>

Неофициальный перевод текстов постановлений Европейского Суда по правам человека получен из аппарата Уполномоченного Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека – заместителя Министра юстиции Российской Федерации.

***Управление систематизации законодательства и
анализа судебной практики Верховного Суда
Российской Федерации***